

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)**

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 1 (5)

Издается с марта 2023 года

**Нижний Новгород
2024**

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Издатель: Нижегородский государственный лингвистический университет

Главный редактор: Устинкин С. В. – д-р ист. наук, профессор, начальник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Зам. главного редактора: Никитин А. В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Редакционная коллегия:

Багровников Н. А. – д-р филос. наук, доцент, НГЛУ;

Вакуленко Р. Я. – д-р экон. наук, профессор, НГЛУ;

Дорожкин А. М. – д-р филос. наук, профессор, ННГУ;

Казаков М. А. – д-р полит. наук, профессор, ННГУ;

Колобова С. А. – д-р полит. наук, доцент, НГЛУ;

Кузнецова Е. И. – д-р филос. наук, доцент, НГЛУ;

Никитин А. В. – канд. юрид. наук, доцент, НГЛУ;

Ротанова М. Б. – канд. филос. наук, доцент, НГЛУ;

Рыжов И. В. – д-р ист. наук, профессор, ННГУ;

Савруцкая Е. П. – д-р филос. наук, профессор;

Савченко И. А. – д-р социол. наук, доцент, МГПУ;

Седаев П. В. – канд. филос. наук, доцент, НГЛУ;

Сенюткина О. Н. – д-р ист. наук, профессор, НГЛУ;

Старкин С. В. – д-р полит. наук, профессор, ННГУ

Судьин С. А. – д-р социол. наук, доцент, ННГУ;

Устинкин С. В. – д-р ист. наук, профессор, НГЛУ;

Федорова М. В. – канд. филос. наук, доцент, НГЛУ;

Шамин И. В. – д-р полит. наук, доцент, ННГУ;

Шпилев Д. А. – д-р социол. наук, профессор, ННГУ.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-80026 от 25.12.2020.

За достоверность и точность данных, приведенных в статьях, ответственность несут авторы статей.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.

ISSN 2949-2599

© НГЛУ, 2024

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

**Linguistics University of Nizhny Novgorod
(LUNN)**

**TECHNOLOGIES OF
SOCIAL AND HUMANITARIAN
RESEARCH**

№ 1 (5)

Published since March 2023

**Nizhny Novgorod
2024**

Constitutor: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Linguistics University of Nizhny Novgorod”

Publisher: Linguistics University of Nizhny Novgorod

Chief editor: Ustinkin S. V. – D.Sc. in Historical sciences, Professor, Head of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional Socio-political processes” of the Nizhny Novgorod Linguistics University; Director of the Volga Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy editor: Nikitin A. V. – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Senior Researcher at the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes” of the Nizhny Novgorod Linguistics University.

Editorial Board:

Bagrovnikov N. A. – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, LUNN;
Vakulenko R. Ya. – D.Sc. in Economic, Professor, LUNN;
Dorozhkin A. M. – D.Sc. in Philosophy, Professor, UNN;
Kazakov M. A. – D.Sc. in Political Sciences, Professor, UNN;
Kolobova S. A. – D.Sc. in Political Sciences, Associate Professor, LUNN;
Kuznetsova E. I. – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, LUNN;
Nikitin A. V. – PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, LUNN;
Rotanova M. B. – PhD in Philosophy, Associate Professor, LUNN;
Ryzhov I. V. – D.Sc. in Historical sciences, Professor, UNN;
Savrutskaya E. P. – D.Sc. in Philosophy, Professor;
Savchenko I. A. – D.Sc. in Sociological sciences, Associate Professor, MCU;
Sedaev P. V. – PhD in Philosophy, Associate Professor, LUNN;
Senyutkina O. N. – D.Sc. in Historical sciences, Professor, LUNN;
Starkin S. V. – D.Sc. in Political Sciences, Professor, UNN;
Sudin S. A. – D.Sc. in Sociological sciences, Associate Professor, UNN;
Ustinkin S. V. – D.Sc. in Historical sciences, Professor, LUNN;
Fedorova M. V. – PhD in Philosophy, Associate Professor, LUNN;
Shamin I. V. – D.Sc. in Political Sciences, Associate Professor, UNN;
Shpilev D. A. – D.Sc. in Sociological sciences, Professor, UNN.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.
Certificate of registration of PI No. FS77-80026 dated 12/25/2020

The authors of the articles are responsible for the reliability and accuracy of the data provided
in the articles.

The editorial board’s point of view does not always coincide with the opinion of the authors
of the articles.

ISSN 2949-2599

© LUNN, 2024

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Багровников Н. А., Федорова М. В.
Образы религии и религиозности в «Утопии» Томаса Мора 9

Лукутин А. А., Мурзаев Д. В.
**Онтологические категории «вещь», «свойство», «отношение»:
философско-антропологический и социально-философский аспекты** 20

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Седаев П. В., Устинкин С. В.,
Никитин А. В., Кочкуров А. С.
**Доверие молодежи к политическим институтам
в контексте культурных кодов России** 25

Пахомова Е. А., Рыбкина О. С.,
Никитин А. В., Фоменков А. А.
«Кровавый спорт» как инструмент «мягкой силы» 40

Пахомова Е. А., Руденко Д. Е.,
Устинкин С. В., Фоменков А. А.
Общественное правосудие есть нонсенс? (К вопросу о советском опыте) 47

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коршунов Д. С., Нелидова А. И., Халиуллина А. А.
Миротворчество в Африке: трансформация организационных подходов 53

Смирнова О. А., Жигулева А. А.
Роль Франции в урегулировании вооруженного конфликта в Мали 66

Аникин Д. А., Мишенков Я. А.
**Разрешение политического кризиса в современной Республике Ирак:
отсутствие прогресса и причины неудач** 71

Заславская Н. Г., Леонов Ю. И., Никитин А. В.
**Партийные фонды в механизме принятия внешнеполитических решений ФРГ
в период правительства О. Шольца** 87

Косов Г. В., Андросова А. Ю.
**Геополитические интересы Турции и Китая в рамках инициативы
«Один пояс – один путь»** 107

Беляев Д. Д., Чикризов В. А.
**Между Пачамамой, Исусом и Марксом.
Взаимодействие индихенизма и теологии освобождения** 116

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Трусов Н. А.

**Последствия использования возможностей нейронных сетей
в образовательном процессе 126**

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 142

CONTENTS 2024 № 1 (5)

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Bagrovnikov Nikolay A., Fedorova Marina V.
Images of Religion and Relygiosity in Thomas More’s “Utopia” 9

Lukutin Anatoly A., Murzaev Dmitry V.
**Ontological Categories “Thing”, “Property”, “Relation”:
Philoso-Anthropological and Socio-Philosophical Aspects** 20

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Sedaev Pavel V., Ustinkin Sergey V.,
Nikitin Alexander V., Kochkurov Alexander S.
**Youth’s Trust in Political Institutions
in the Context of Russia’s Cultural Codes** 25

Pakhomova Elizaveta A., Rybkina Olga S.,
Nikitin Alexander V., Fomenkov Artyom A.
“Blood Sport” as a Tool of “Soft Power” 40

Pakhomovova Elizaveta A., Rudenko Dmitry E.,
Ustinkin Sergey V., Fomenkov Artjom A.
**Is Public Justice Nonsense?
(To the Question of the Soviet Experience)** 47

INTERNATIONAL RELATIONS AND REGIONAL STUDIES

Korshunov Dmitry S., Nelidova Anastasiia I., Khaliullina Anastasiia A.
Peacekeeping in Africa: Transformation of Organizational Approaches 53

Smirnova Olga A., Zhiguleva Alisa A.
French Role in the Resolution of the Armed Conflict in Mali 66

Anikin Daniil A., Mishenkov Jaroslav A.
**Resolution of the Political Crisis in the Modern Republic of Iraq:
Lack of Progress and Causes of Failures** 71

Zaslavskaya Natalia G., Leonov Yuri I., Nikitin Alexander V.
**Party Funds in the Mechanism of Making Foreign Policy Decisions in Germany
During the Government of O. Scholz** 87

Kosov Gennady V., Androsova Alexandra Yu.
**The Geopolitical Interests of Turkey and China Within the Framework
of the “One Belt, One Road” Initiative** 107

Belyaev Dmitry D., Chikrizov Vladimir A.
**Between Pachamama, Jesus and Marx.
The Interaction of Indigenism and Liberation Theology** 116

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Trusov Nikolay A.

**The Consequences of Using the Capabilities
of Neural Networks in the Educational Process** 126

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 142

УДК 130.2; 325.3

ОБРАЗЫ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНОСТИ В «УТОПИИ» ТОМАСА МОРА

Н. А. Багровников¹, М. В. Федорова²

*¹⁻²Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. Религии, которые исповедуют граждане идеального государства, настолько неопределенны и аморфны, что к ним неприменимо требование веротерпимости. Примеров веротерпимости Мор приводит много. Но они более нацелены в будущие конфессиональные споры Европы, чем в конкретный, представленный в его произведении социум. Последний не нуждается в привитии толерантности, ибо каждый гражданин может исповедовать то, что для него является наиболее комфортным. В государстве Мора и религии как таковой нет, зато веротерпимость – есть. Такая веротерпимость оборачивается терпимостью к заблуждениям, превратным толкованиям, фантазиям. Чем больше такой веротерпимости, тем больше простора для власти и злоупотреблений священнослужителей. Великий гуманист доводит ситуацию до абсурда, когда под его пером веротерпимость превращается в диктат и в конечном итоге авторитет жреца (в будущем протестантского пастора) затмевает и величие Господа, и прерогативы светской власти. Хотя утопийцы и познакомились с христианством, они усвоили из него только догмат о бессмертии души и идею провиденциализма. Как мировоззренческой основы законопослушания, обеспечения порядка и исключения инакомыслия. В своем нравственном развитии они не «дотянулись» до идеи христианского милосердия. Учение Христа они приняли не через Любовь, Всепрощение и Искупление, но будучи привлеченными новизной конфессиональной строгости и впечатленными количеством пострадавших за веру христианских мучеников. Глава «О религиях утопийцев» поддается прочтению и в формате особенностей итальянского гуманистического диалога XV века, когда задачей участников полемики является не доказательство личной точки зрения, а всестороннее обсуждение предмета, рассмотрение его с различных, подчас несовместимых позиций. В данном контексте этот раздел «Утопии» есть гуманистическая интеллектуальная игра, посвященная решению проблемы: а может ли такое вообще быть, а если и может, то насколько оно прочно? Наконец, образы религий и религиозность утопийцев можно рассматривать и как языческие реминисценции в сознании самого Мора.

Ключевые слова: Томас Мор, Утопия, религия, религиозность, христианский гуманизм, язычество.

IMAGES OF RELIGION AND RELIGIOSITY IN THOMAS MORE'S "UTOPIA"

Nikolay A. Bagrovnikov¹, Marina V. Fedorova²

¹⁻²Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT. The religions professed by the citizens of an ideal state are so vague and amorphous that the requirement of religious tolerance does not apply to them. More gives many

examples of religious tolerance. But they are more focused on the ongoing confessional disputes in Europe than on the specific society represented in his work. The latter does not need to instill tolerance, because every citizen can practice what is most comfortable for him. There is no Pestilence in the state and religion as such, but there is religious tolerance. Such tolerance turns into tolerance for misconceptions, misinterpretations, fantasies. The more such religious tolerance there is, the more room there is for the power and abuse of the clergy. The great humanist brings the situation to the point of absurdity, when, under his pen, religious tolerance turns into a dictate, and eventually the authority of the priest (in the future, a Protestant pastor) overshadows both the greatness of the Lord and the prerogatives of secular power. Although the Utopians became acquainted with Christianity, they learned from it only the dogma of the immortality of the soul and the idea of providentialism. As the ideological basis of law-abiding, ensuring order and excluding dissent. In their moral development, they did not “reach out” to the idea of Christian charity. They accepted Christ’s teaching not through Love, Forgiveness, and Redemption, but being attracted by the novelty of confessional rigor, and impressed by the number of Christian martyrs who suffered for the faith. The chapter “On the Religions of the Utopians” can also be read in the format of the peculiarities of the Italian humanistic dialogue of the XV century. The task of the participants in the polemic is not to prove a personal point of view, but a comprehensive discussion of the subject, considering it from various, sometimes incompatible positions. In this context, this section of Utopia is a humanistic intellectual game dedicated to solving a problem: can there even be such a thing, and if so, how durable is it? Finally, the images of religions and the religiosity of Utopians can also be considered as linguistic reminiscences in the mind of More himself.

Keywords: Thomas More, Utopia, religion, religiosity, Christian humanism, paganism.

*Как я вижу... тебе по нраву приилась «Утопия».
Что касается меня, то я полагаю, что эту книгу
вполне можно было бы навсегда оставить
на том самом острове.*

Томас Мор

Из письма к Антонио Бонвизи. 1517 г.

Введение

В отечественной исторической науке исследование и интерпретация наследия утопической мысли эпохи Возрождения и раннего Нового времени стали научной традицией. «Утопия» Мора, или «Золотая книжечка», как он сам ее называл, занимала в русле этой традиции первенствующее место. Взгляды английского гуманиста на идеальный общественный строй, свободный от угнетения и эксплуатации, на государство, осуществляющее принцип социальной справедливости, трактовались в русле реальных достижений и оптимистических социальных перспектив развития народов СССР. Произведения социалистов-утопистов были и являются одним из теоретических источников марксизма. Но в отношении оценки значения «Утопии» отечественные исследователи делали выводы гораздо более глубокие, называя Томаса Мора «родоначальником Утопического коммунизма» [7, с. 81]. По характеристике И. Н. Осинковского, «Мор не только выражал сочувствие угнетенным, но как никто из гуманистов, отводил

решающую роль в жизни общества народу... Феодално-абсолютистскому строю, а также зарождающемуся буржуазному строю Т. Мор противопоставил коммунистический идеал «Утопии» [7, с. 79–80]. Отметим, что формулировка Мора о цели государства (как бы предваряющая забытые положения Программы КПСС) – «насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения» [4, с. 190] – актуальна и сегодня, в условиях осуществляемой государством тотальной цифровизации. Магистральная цель государства утопийцев пересекается и с долгосрочной задачей, с которой писался «Манифест Коммунистической партии» – создать такое общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [6, с. 47].

Исследование утопических социалистических и коммунистических взглядов Т. Мора отечественными историками осуществлялось с мировоззренческой позиции социальной справедливости, а методологически – как текстологический анализ «Утопии», как сравнение текстов ее различных изданий [10], с привлечением материалов переписки Мора с друзьями-гуманистами. Результаты текстологических изысканий (ими занимался Сектор исследования утопической мысли Института всеобщей истории АН СССР) по методу аналогии проецировались в реальную советскую действительность. А достижения реального социализма в СССР – обратно в произведение Мора. Но на первый план не выдвигались доскональное критическое исследование внешней политики государства утопийцев, характеристика его мировоззренческой платформы, а также исследование религии и религиозной жизни граждан Утопии. Последняя не могла не осуществляться в лучшем случае с позиций абстрактно понимаемых общечеловеческих ценностей. В ситуации же более официальной – исходя из принципиального отношения к Русской православной церкви и к религии в целом со стороны господствующей идеологии. Тень последнего всегда нависала над рабочими столами историков, и абстрагироваться от нее полностью было невозможно.

Актуальные международные аспекты внешней политики государства утопийцев описаны нами в предыдущей статье [2]. Данная работа – попытка интерпретации ряда взаимосвязанных фрагментов «Утопии» Томаса Мора, посвященных религии и религиозности утопийцев.

Обзор литературы

Источниковой базой при написании данной статьи стал текст перевода «Утопии» на русский язык, осуществленного Ю. М. Каган [4]; а также текстологический анализ изданий «Утопии», осуществленный И. Н. Осинским [7; 8; 9], его коллегами и учениками [5; 10].

Материалы и методы

Методологической основой данной статьи является диалектический подход, в частности принцип взаимосвязи общего и единичного, метод

научного моделирования, а также принцип единства логического и исторического. Они позволяют уточнить оценку отношения к религии вообще, к богам и священнослужителям, которые описывает в «Утопии» Томас Мор.

Результаты исследования

Первое, на что обращаешь внимание при чтении главы «О религиях утопийцев», – это религиозно-мировоззренческий плюрализм. Структурно он вполне соответствует многополярной организации власти, построенной, при отсутствии единого главы государства, «на федералистских принципах и широчайшем самоуправлении» [11, с. 48]. «Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают как Бога Солнце, другие – Луну, третьи – какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие которые предполагают, что не просто бог, но даже величайший бог – это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью и славой» [4, с. 255]. Итак, часть утопийцев, как далее следует из контекста, *меньшая и менее разумная*, в верованиях своих предпочитает блуждать, подобно блуждающим светилам, между самими этими светилами – Луною, Солнцем и прославившимися в глубокой древности людьми. Здесь спонтанно находят отклики и языческих верований глубокой древности, и, как показал И. Н. Осинковский, рассуждения древнегреческого философа Евгемера, а также Цицерона и Плиния Старшего, пытавшихся, каждый по-своему, рационально осмыслить античные мифы [4, с. 393]. «Но гораздо большая часть утопийцев... полагает, что совсем не те боги, а некое единое божество, вечное, неизмеримое, неизъяснимое, которое выше понимания человеческого рассудка, разлито по миру силой своей, а не огромностью» [4, с. 255–256]. Если бы Мор в этой характеристике Бога не исключил величину как протяженность, то можно было бы допустить, что он по-гуманистически воспроизвел пантеистическое единство Творца как Абсолюта и созданного им мира, следуя теологической трактовке Николая Кузанского. Но Мор подчеркнуто не допускает «огромности», количества, а стало быть, и арифметически измеряемой протяженности. И тем самым лишает своих образованных современников возможности отождествить главную ветвь религии утопийцев с «модернистскими» (но при этом вполне официальными) представлениями о Боге-Творце середины XV столетия. Этот путь был бы слишком простым; он не отвечал тем задачам, которые ставил перед собой автор «Утопии»... Однако (вернемся к ее тексту) это разлитое во Вселенной всеильное начало является источником всего, и утопийцы «никому кроме него, не воздают божеских почестей» [4, с. 256].

С этим божеством, точнее с существованием некоего всеобщего начала, «согласны и все прочие утопийцы» [4, с. 256], но допускают его различные произвольные воплощения в представлениях разных людей. Поскольку, как пишет Мор, они «расходятся в том, что этот бог у разных людей разный... но кем бы ни был тот, кого они считают высшим божеством, у него вообще одна и та же природа, и только его воле и величии по согласию всех народов приписывается верховная власть над всеми»

[4, с. 256]. При чем здесь согласие «всех народов», когда речь идет исключительно об утопийцах? Оставим этот вопрос открытым, тем более что через две строки Мор называет все описанное им выше «разнообразием в суевериях» [4, с. 256], которое прекращается, и появляется, по его словам, «одна религия, которая, *кажется* (курсив наш. – Н. Б., М. Ф.), превосходит остальные своим смыслом» [4, с. 256]. Что это за религия, остается неясным.

Каково было читать это добрым католикам, современникам Мора? Людям образованным, видящим недостатки католической церкви, наслышанным о соборном движении, об оппозиционных мистических учениях; причастным, может быть, к движению «Новое благочестие» и надеющимся на благостные изменения? И другой вопрос: правильно трактовать эти положения Мора как выражение веротерпимости или противопоставление столь свободной религиозности утопийцев религиозному католическому фанатизму? Мы не убеждены в этом.

Изображенный Мором мировоззренческий хаос, многообразие аморфных религиозных форм не требовали толерантного к себе отношения. Не взывали они и к взаимной терпимости. Именно благодаря своей размытости, неопределенности, аморфности. Стоит напомнить, что 1516 год еще принадлежит к веку гуманизма, к эпохе Возрождения. В XV столетии католицизм терпимо отнесся к культу *uomo virtuoso*, к неоплатонизму Георга Гемиста Плифона, к богоборческим поползновениям трактатов Джаноццо Манетти и Пико делла Мирандоллы; даже к попыткам синтезировать христианство с каббалой... И никто, кроме Савонароллы, который стал первым религиозным реформатором, не пострадал! Разве что 495 тезисов Мирандоллы в Риме запретили печатать. В. В. Карева считает, что в описании религиозности утопийцев английский гуманист талантливо предвосхищает ближайшее будущее, поскольку «сочинение Мора появилось за несколько лет до того, как религиозный фанатизм, являвшийся постоянной чертой европейского Средневековья, вспыхнул с новой силой» [5, с. 198]. В период же работы над «Утопией» осуждение религиозного фанатизма, по ее мнению, Мор «мог посчитать не особенно актуальным» [5, с. 198–199].

Но оказывается, что и этой более совершенной религии, «превосходящей своим смыслом остальные» [4, с. 256], не суждено было стать общегосударственной. Ибо ниже Мор дает информацию об оптимистических результатах ознакомления утопийцев с христианством. Он пишет, что они с готовностью признали Христа. Причинами признания стало их восхищение христианскими борцами за веру и, контекстуально, отсутствие в Его учении указанных нами выше размытости и неопределенности, присущих религиям утопийцев. Другими словами, того, что никогда и нигде не может породить «упорства стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых за долгий срок и на большом пространстве привела на их путь столь многочисленные народы» [4, с. 257].

Здесь возникают справедливые аллюзии к трагической судьбе самого Мора, вставшего на защиту католицизма. Может, это тоже предвидение,

но личного плана? Однако тут же по тексту идет странное снижение: оказывается, признание Христа на острове, как пишет Мор, осуществилось «то ли по какому-то тайному Божьему научению, то ли от того, что эта религия оказалась *ближе всего к той ереси* (курсив наш. – Н. Б., М. Ф.), которая у них сильнее всего» [4, с. 257]. То есть принятие христианства произошло «вопреки», «по случаю», как удобная реализация возможности вкушения гражданами запретного еретического плода... Однако разве могут зародиться и (что еще сложнее!) существовать ереси при той аморфной религиозности, которую описал Мор, и той царящей в Утопии веротерпимости, о которой нередко и немало писали исследователи «Утопии»?

Скорее всего, выбор утопийцев в пользу христианства предопределили (и Мор намекает на это) ценности движения «Новое благочестие», в частности мистическая практика подражания Христу. И столь актуальные накануне и в первый период Реформации воспоминания об общности имущества и выборности клира в ранних христианских общинах. Наконец, имело значение и восприятие гуманистами предстоящей Реформации как возвращения церкви к практике ранних христианских общин. Мор пропагандирует это ненавязчиво и весьма лаконично. По тексту «Утопии» это читается так: «...Они слышали, что Христу нравилась общая жизнь его учеников и что она до сих пор сохраняется в наиболее верных христианских общинах» [4, с. 257]. Итак, подражание Христу, христианский гуманизм – именно это было актуально для Мора, Эразма, Колета на 1516 год. И, по-видимому, это главное, ради чего столь туманно, извилисто, разветвленно, запутывая подчас читателя, с демонстративной алогичностью описывал автор «Утопии» многочисленные религии своей «Нигдеи».

Но есть еще одно важное «ради чего», в чем вновь срабатывает историческое предвидение автора «Утопии». Речь опять идет о веротерпимости. Именно христианство, показывает Мор, точнее различные его толкования и трактовки, и отношение к сторонникам этих толкований, замешанные на человеческой глупости, могут быть источником ересей и религиозного фанатизма. Мор описывает, как один из окрещенных утопийцев «по горячности своей» заявлял, что все прочие культы на острове – «языческие, что поклоняются им нечестивцы и святотатцы, которых надобно покарать вечным огнем» [4, с. 258]. По словам Мора, этот неопит «странно и нелепо» угрозами принуждал к тому, чтобы всем казалось истинным то, во что только что уверовал он сам [4, с. 259]. Его схватили и осудили, приговорив к изгнанию; но не за презрение к старым культам, а за возбуждение смуты и призыв к насилию [4, с. 258]. На этот раз Мор открывает двери уже в эпоху Реформации и религиозных войн. И как бы дает ненавязчивые рекомендации, как поступать властям, за что им следует осуждать смутьянов – за нарушение порядка или за их религиозные убеждения. «Не требует ли Бог разного и многообразного почитания и поэтому одним внушает одно, другим – другое» [4, с. 259], – задает риторический вопрос Мор и подчеркивает, что основатель государства утопийцев в свое время дозволил, «чтобы каждый был волен верить во что пожелает» [4, с. 259].

Казались бы, торжество веротерпимости. Однако не все так просто в датском королевстве! Оказывается, провозглашая тотальную веротерпимость, основатель государства Утоп «запретил кому бы то ни было до такой степени ронять достоинство человеческой природы, чтобы думать, будто души людей гибнут вместе с телом и что мир несется наудачу, не управляемый провидением» [4, с. 259]. Речь идет о фундаментальных положениях христианства – провозглашенном еще Тертуллианом бессмертии души, а также признанном V Латеранским собором (1512–1517) личном бессмертии [4, с. 393]; и идее управления историей человечества Божественным провидением, разработанной Аврелием Августином. «Поэтому утопийцы верят, – продолжает Мор, – что после земной жизни за пороки установлены наказания, за добродетель назначается награда» [4, с. 259–260]. Таким образом, без веры в посмертное воздаяние, без идеи рая и ада утопийцы обойтись не могут. А далее начинается дискриминация, разделение общества на правоверное, а потому потенциально законопослушное большинство и инакомыслящих, превращаемых в неприкасаемых. «Того, кто думает по-иному, *они даже не числят среди людей* (курсив наш – Н. Б., М. Ф.) оттого, что он возвышенную природу своей души унизил до ничтожной скотской плоти» [4, с. 260]. То есть законы и обычаи государства, при всей религиозной толерантности, подкреплены обязательной для всех верой в два основополагающих догмата, гарантирующих, по замыслу автора «Утопии», недевиантное и дисциплинированное поведение людей. «Разве можно усомниться в том, что он (человек, лишенный этой веры. – Н. Б., М. Ф.), не страшась ничего, кроме законов, и не надеясь ни на что, кроме своего тела, угождая своим собственным желаниям, не постарается либо тайно, либо хитростью обмануть государственные законы своего отечества либо нарушить их силой?» [4, с. 260]

Итак, безграничная религиозная свобода и веротерпимость оборачиваются безграничным деспотизмом; налицо образ врага, и с этим врагом необходимо бороться. Здесь, в этом отрывке, шериф славного города Лондона Томас Мор явно одерживает верх над Мором-гуманистом. Или Мор приводит здесь в парадоксальной форме не свое мнение, а установку утопийских властей, которую сам не разделяет? Так или иначе, религиозная терпимость в «Утопии» имеет четко очерченные границы, выход за которые ведет граждан к поражению в правах. «Человеку с такими мыслями утопийцы не оказывают никакого почтения, не дают никакой должности, не возлагают на него никаких обязанностей <...>, на такого повсюду смотрят как на человека пустого и низкого <...>, и запрещают такому человеку рассуждать, защищая свое мнение» [4, с. 260].

Социальная дискриминация по критерию веры в посмертное воздаяние распространяется в «Утопии» даже на само таинство смерти, на личные ожидания и переживания умирающего, на процесс расставания с жизнью. В эпоху Средневековья были широко распространены рукописные сборники наставлений под общим названием «Искусство умираения». Их задачей было правильно настроить умирающего и его близких, подготовить

их к неизбежному и, главное, утешить умирающего, с тем чтобы он с мужественно и достойно перешел грань, отделяющую жизнь от смерти. Как правило, в них говорилось, что крайне недостойна, неосмотрительна и опрометчива безусловная уверенность в обретении Царствия Небесного. Это есть проявление гордыни, являющейся одним из смертных грехов. Столь же неуместны и отчаяние, чрезмерное переживание своей греховности и выражение страха перед адскими мучениями. Ибо это есть явное умаление милости Господа, способного по неизреченной благодати и могуществу своему простить и досадные человеческие проступки, и более серьезные прегрешения. Между этими крайними полюсами должна быть благодатная середина, доминантой которой являются любовь к близким, раскаяние, вящее осознание своего несовершенства в совокупности со смиренной надеждой, что Господь примет душу усопшего, простит прегрешения вольные и невольные и дарует Царствие Небесное. Томас Мор не мог не знать этих произведений, получивших второе дыхание благодаря печатному станку. Они в его время оставались структурой повседневности.

Тем не менее его утопийцы слишком самонадеянно «считают верным и несомненным, что души людей ожидает неизмеримое блаженство, поэтому <...> не сожалеют ни о чьей смерти» [4, с. 261]. Сожаления в формате почти полицейской озабоченности, нет ли за умирающим тайных грехов и преступлений, появляются лишь когда они «видят, что кто-нибудь расстаётся с жизнью с тревогой и против воли» [4, с. 261]. Это считается дурным знаком, ведь «конец страшен отчаявшейся душе, знающей о каком-то зле, втайне предчувствующей грозящее наказание» [4, с. 261]. На близких, «умирающих таким образом они смотрят с ужасом, усопших выносят в пещеры и молчаливо и зарывают их трупы в землю, помолившись милостивому Богу, чтобы в краткости Своей простил Он их слабости. Но тех, кто скончался радостно, полный доброй надежды, никто не оплакивает, погребение таких людей сопровождается пением <...>, тело более с почетом, чем со скорбью сжигают, а на месте сожжения воздвигают колонну» [4, с. 261]. Пред нами прославление гордыни, как смертного греха? Или ироническая демонстрация того, как по-человечески вести себя не следует?

Неравное отношение к гражданам по религиозному признаку находит продолжение в институте добровольной самоэксплуатации. Мор пишет, что утопийцы, «которых немало, решили заслужить счастье, которое наступит после смерти, только лишь одними делами, а также доброй услужливостью по отношению к другим людям: одни заботятся о больных, другие исправляют дороги, чистят каналы, чинят мосты, выкапывают пещеры и камни, ведут себя как слуги не только по отношению к государству, но и по отношению к частным лицам и делают больше, чем рабы <...>, и чем более они уподобляются рабам, тем более их почитают» [4, с. 263].

Запрет «до такой степени ронять достоинство человеческой природы, чтобы думать, будто души людей гибнут вместе с телом и что мир несется наудачу, не управляемый провидением» [4, с. 259] является в государстве универсальным и всеобщим. И, как результат, даже при всей неопределенности

религиозных воззрений утопийцев он ведет к особому положению служителей культа: «Никаких должностных лиц у утопийцев не почитают более, чем священников» [4, с. 266]. Священников выбирает народ. В их руках находится образование: «Священники обучают детей и молодых людей» [4, с. 265]. При этом «заботу о науках они не считают более важной, чем заботу о нравах и добродетели» [4, с. 265]. Священники совершают богослужения и «отлучают от богослужения тех, кого признают чрезмерно плохими, и нет наказания, которого бы утопийцы страшились бы более» [4, с. 265]. Фактически Мор дает картину отлучения граждан от церкви, «когда на них обрушивается великий позор, их терзает *тайный религиозный страх* (курсив наш. – Н. Б., М. Ф.), и сама их жизнь недолго пребудет в безопасности; если не предьявят они поспешно священникам своего раскаяния, то их хватают и сенат карает их за нечестие» [4, с. 265]. Отметим, что именно такой страх в течение длительного времени интенсивно переживал Мартин Лютер.

С другой стороны, продолжает Мор, если священники допустят «какой-нибудь проступок, то они не подвластны никакому общественному суду, а их предоставляют только Богу и самим себе» [4, с. 266]. И действительно, как могут граждане, даже не «чрезмерно», а просто «плохие», осуждать жрецов?

Можно допустить, что мы столкнулись с предвидением Мором будущей практики английских пуритан и положений уставов протестантских общин Женевы, Брюгге, Амстердама, тотально и детально регламентирующих частную жизнь граждан. Протестантские лидеры могли, конечно, с интересом читать этот раздел «Утопии», но при этом они не могли не наткнуться и на близлежащий фрагмент, преисполненный убийственной англосаксонской иронией: «Утопийцы полагают непозволительным касаться смертной рукой того, который, каким бы злодеем он ни был, столь особым способом посвящен Богу, словно святое пожертвование» [2, с. 266]. И это им легко соблюдать, оттого что священников у утопийцев «весьма мало» [2, с. 266]. Итак, жрецы, пастыри превратились под пером Мора в священных животных. Эта ирония Мора (ее он отчасти позаимствовал у Эразма) превращает все написанное им перед этим если не в издевательство, то определенно в едкую насмешку над любыми религиями, религиозностью, институтом священнослужителей и наивными попытками со стороны государства подкрепить формальное законопослушание граждан догматами веры.

Обсуждение и заключение

В образах религии и религиозности, представленных в «Золотой книжечке», Томас Мор демонстрирует скорее свою блестящую гуманистическую образованность и элементы игры, чем более подходящие данной теме богословскую строгость, логичность и непротиворечивость.

Образы религий, которые исповедуют граждане идеального государства, отличаются нарочитой невнятностью. Они настолько неопределенны

и аморфны, что к ним неприменимо и неприложимо требование веротерпимости. Примеров веротерпимости Мор приводит много. Но это не более чем покроей новых одежд для будущих драм европейской истории, которые, как надеялся гуманист, будут их участниками широко востребованы. Примеры Мора более нацелены в будущие конфессиональные споры Европы, чем в конкретный, представленный в его произведении социум. Последний не нуждается в привитии толерантности, ибо каждый гражданин может исповедовать то, что для него является наиболее комфортным, не нарушая при этом религиозных чувств соседей.

В идеальном государстве Мора религии как таковой нет, но веротерпимость – есть. Такая веротерпимость имеет тенденцию к деформации: она оборачивается терпимостью к заблуждениям, превратным толкованиям, фантазиям, ошибкам, человеческой глупости. Чем больше такой веротерпимости, тем больше простора для власти и злоупотреблений со стороны священнослужителей. Великий гуманист доводит ситуацию до абсурда, когда под его пером веротерпимость превращается в диктат и в конечном итоге авторитет жреца (в скором будущем протестантского пастора) затмевает величие Господа, а также компетенции и прерогативы светской власти.

Хотя утопийцы и познакомились с христианством, они под принуждением власти, ставшим со временем обычаем, усвоили из него лишь догмат о бессмертии души и идею провиденциализма. Единственно как прочной мировоззренческой основы законопослушания, обеспечения порядка и исключения инакомыслия. Судя по их жестокому отношению к захваченным в плен в результате взятия городов [2, с. 21], они в нравственном развитии своем так и не «дотянулись» до идеи христианского милосердия. Учение Христа они приняли не через Его Любовь, Всепрощение и Искупление (Мор не употребляет этих слов), но будучи привлеченными новой для них конфессиональной строгостью и впечатленными героизмом многих мучеников, «добровольно пролитая кровь которых за долгий срок и на большом пространстве привела на их путь столь многочисленные народы» [4, с. 257].

Религиозность утопийцев можно рассматривать и как языческие реминисценции в сознании самого Мора. Ситуации, когда, по словам С. С. Аверинцева, «язычество живет внутри самих теистических религий, – не только как пережиток, но как идея, как ненавистный или соблазнительный образ непреодоленного прошлого, который дожидается кризиса официальной веры, чтобы обрести новую жизнь» [1, с. 211]. Это соответствует и трактовке «Утопии» как мечте о золотом веке накануне тектонических смещений и подвижек старой феодальной почвы.

Глава «О религиях утопийцев» поддается интерпретации в формате особенностей итальянского гуманистического диалога XV века, подробно описанного Л. М. Баткиным [3, с. 126–176]. Когда главной задачей участников полемики является не манифестация и доказывание своей точки зрения, а всестороннее обсуждение предмета, рассмотрение его с различных, подчас несовместимых позиций; и даже обмен участниками своими

позициями в ходе обсуждения и, как сверхзадача, предоставление возможности для пристрастного и пытливого читателя проникнуться этой высокой интеллектуальной игрой, войти в нее, сделать свои выводы и обобщения. Иными словами, данный раздел «Утопии» есть гуманистическая интеллектуальная игра в формате решения проблемы: а может ли такое вообще быть, а если даже и может, то насколько оно прочно?

Библиография

1. Аверинцев С. С. София – Логос. Словарь. Киев: Дух и Литера, 2000. 450 с. [Averinzev S.S. Sophia – Logos. Slovar. Kiev: Duh i Litera, 2000. 450 s.].
2. Багровников Н. А., Федорова М. В. Актуальные политические аспекты современного прочтения «Утопии» Томаса Мора // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4. С. 9–24. [Bagrovnikov N. A., Fedorova M. V. Aktual'nie polititseskie aspekti sovremennogo protcteniay «Utopii» Tomasa Mora // Tehnologii sozialno-gumanitarnih issledovani. 2023. № 4. S. 9–24.].
3. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978. 200 с. [Batkin L. M. Ital'aynskie gumanisti: stil schizni i stil mischlenia. M.: Nauka, 1978. 200 s.].
4. Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона // Томас Мор. Утопия / Отв. ред. И. Н. Осиновский. М.: Наука, МСМЛXXVII. С. 82–280. [Ves'ma poleznaya, a takze i zanimatelnaya, poistine zolotaya knizetscka o nailutscem ustroistve gosudarstva i o novom ostrove Utopia muza izvestneischego Tomasa Mora, grazhdanina i scherifa slavnogo goroda Londona // Tomas Mor. Utopiya. M.: Nauka, 1978. S. 82–280.].
5. Карева В. В. Судьба «Утопии» Томаса Мора во Франции. М.: «Памятники исторической мысли», 1996. 220 с. [Kareva V. V. Sud'ba «Utopii» Tomasa Mora vo Franczii. M.: «Pamyatniki istoritsceskoj misli», 1996. 220 s.].
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1987. 63 с. [Marks K., Engels F. Manifest Kommunistitsceskoj Partii. M.: Politizdat, 1987. 63 s.].
7. Осиновский И. Н. Томас Мор и его «Утопия» // Томас Мор. Утопия. М.: Наука, МСМЛXXVII. С. 5–81. [Osinovskii I. N. Tomas Mor i ego «Utopiya» // Tomas Mor. Utopiya. M.: Nauka, МСМЛXXVII. S. 5–81.].
8. Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М.: Наука, 1978. 327 с. [Osinovskii I. N. Tomas Mor: utopicheskii kommunizm, gumanizm, reformatsiya. M.: Nauka, 1978. 327 s.].
9. Осиновский И. Н. Томас Мор. М.: Мысль, 1983. 176 с. [Osinovskii I. N. Tomas Mor. M.: Misl', 1983. 176 s.].
10. Томас Мор. 1478–1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М.: Наука, 1981. 384 с. [Tomas Mor. 1478–1978. Kommunistitsceskie ideali i istoriya kulturi. M.: Nauka, 1981. 384 s.].
11. Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М.: Наука, 1978. 366 с. [Shchekli A. E. «Gorod Solnza»: utopia i nauka. M.: Nauka, 1978. 366 s.].

Примечание:

Багровников Н. А. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, написание разделов «Введение», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключения».

Федорова М. В. – написание разделов «Обзор литературы», «Материалы и методы», «Результаты исследования».

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ «ВЕЩЬ», «СВОЙСТВО», «ОТНОШЕНИЕ»: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

А. А. Лукутин¹, Д. В. Мурзаев²

*¹Волго-Вятский филиал ордена Трудового Красного Знамени Московского
технического университета связи и информатики,
Нижний Новгород, Россия*

*²Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В статье авторы проводят концептуальный анализ и синтез онтологиче-
ских категорий «вещь», «свойство», «отношение» сквозь призму философии челове-
ка и общества, обосновывая тезис о том, что не являющийся собой современный мир
должен вернуться к своим животворящим основам, губительно размытым поразившим
сознание молодых и не только людей постмодернизмом. В связи с чем возникает
насушная необходимость концептуализировать предельные основания человеческой и
социальной реальностей с позиций онтолого-метафизических.

Ключевые слова: философия, онтология, человек, общество, категории, вещь, свойство,
отношение, метафизическая триада, синергичность, антропность, дисторсионность.

ONTOLOGICAL CATEGORIES “THING”, “PROPERTY”, “RELATION”: PHILOSO-ANTHROPOLOGICAL AND SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS

Anatoly A. Lukutin¹, Dmitry V. Murzaev²

*¹Volgo-Vyatka branch of the Order of the Red Banner of Labor
of the Moscow Technical University of Communications and Informatics,
Nizhny Novgorod, Russia*

*²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. In the article, the authors carry out a conceptual analysis and synthesis of the onto-
logical categories “thing”, “property”, “relation” through the prism of human and social philoso-
phy, substantiating the thesis that the modern world, which is not itself, must return to its life-
giving foundations, disastrously blurred by postmodernism that struck the consciousness of young
and not only people. In this connection, there is an urgent need to conceptualize the ultimate
foundations of human and social realities from the standpoint of ontological and metaphysical.

Keywords: philosophy, ontology, man, society, categories, thing, property, relation, meta-
physical triad, synergy, anthropology, distortion.

Введение

Вполне естественно, что поднимаемая нами в рамках предлагаемой
статьи проблема изучалась современными мыслителями и философами

прошлого. Проблематика онтологических категорий основательно разбирается в работах А. И. Умова [12], Д. В. Пивоварова [5], А. Я. Райбекаса [6], В. К. Рыбалко [9], А. Ю. Гришина [2]. При всем этом мы считаем, что сегодня очевидно назрела необходимость по-новому осмыслить данную проблему. Мы сфокусируем особое внимание на анализе и синтезе известной всем глубоко и широко мыслящим исследователям категориальной триады сквозь призму философии человека и общества.

Обзор литературы

Исследование проблематики онтологических категорий «вещь», «свойство» и «отношение» в жизни человека и общества имело место со времен древнейших цивилизаций, в античном мире – со времен Аристотеля. К сожалению, литературы, содержащей рассмотрение категориальной триады «вещь», «свойство», «отношение» под углом зрения философии человека и общества, авторам статьи найти не удалось.

Материалы и методы

Данное исследование опирается на такие методы исследования, как анализ и синтез, сравнение, системный и структурно-функциональный методы и др. В частности, благодаря системному методу исследования авторам удалось выявить эмерджентные свойства исследуемых объектов и предметов. Посредством использования структурно-функционального метода были выявлены тенденции дезинтегрирующего, разрушающего и разобщающего влияния характеризуемых антидуховностью и чрезмерным индивидуализмом идей энергии свойства на современных человека и общество, фальшизированных атомизирующим все и вся постмодернизмом.

Результаты исследования

В результате исследования было осмыслено колоссальное значение онтологических категорий «вещь», «свойство», «отношение» для объемно-целостного видения реальности, позволяющего осознать истинные природу и сущность человека и общества, заключающихся в синергичности и антропности всего сущего. Авторы приходят к выводу, что наблюдаемый в настоящее время в мире поворот на Восток представляет собой историчный, рубежный и прорывной [7] сдвиг от антиэнергии свойства к способной помочь человеку и обществу обрести холистическую цельность положительной энергии отношения.

Вещь, свойство и отношение. Как известно, такая категория, как «вещь», как правило, характеризуется следующими свойствами: относительно самостоятельное и независимое существование вне субъекта, в объективном мире, а также ее невозможность быть чьим-либо признаком [13]. Кроме того, каждая вещь может быть описана эмпирически измеряемыми феноменальными количественными и конституирующими ее метафизически-умозрительную сущность номенальными качественными параметрами.

Относительно же двух других групп всего мыслимого следует сказать следующее. Свойство – это отличие, отношение – это сходство. В английском языке слово *property* означает ‘имущество, свойство, недвижимость, собственность, капитал, отличие’. В смысловом наполнении концепта «свойство» обнаруживается антидух анализа, разъединения, дезинтеграции, ненависти и вражды. Свойство связано с диалектическими категориями единичного и особенного, в логическом отношении это понятие коррелирует с видовым, спецификой и своеобразием, постигаемыми эмпирически. В то время как категория «отношение» является общим свойством, сопрягается с диалектическим понятием общего и всеобщего, в логическом плане соотносится с родовым. Отношение представляет собой абсолютное, созидательно-справедливый дух единения, синтеза, интеграции, объединения, слияния и сближения вещей друг с другом, их движение навстречу друг другу, любовь и Благо.

Человек и общество. В философии широко известна так называемая метафизическая триада Добра (Этика), Истины (Логика) и Красоты (Физика / Эстетика), спасительное единство (Благо) которых представляет собой Софию, мудрость [10, с. 10]. На наш взгляд, можно проследить связь и соотношение Добра с отношением, Истины со свойством и Красоты с вещью. У Гегеля мы встречаем последовательность всеобщего развития «тезис (вещь) – антитезис (свойство) – синтез(ис) (отношение)». Данная триада может быть сравнена с тремя семейными началами – мужчина, женщина, ребенок. Гуру менеджмента Ицхак Адизес в одном из многочисленных интервью высказался в том духе, что человечество развивается от общества физической силы, развитой мускулатуры (Тело-Вещество) через информационный социум ума и интеллекта (Ум-Информация) к энергетическому обществу Духа (Сердце-Энергия) [1].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что современный телесный и аксиологически материальный мир движется от западного *свойства* физического к восточному *отношению* этического. Другими словами, происходит предельно важный для всей дальнейшей истории человечества переход от нацеленного на инструментализацию нигитологического собственничества (однополярность) к исходящей из абсолютизации бытийственности подлинного и аутентичного (многополярность).

На наш взгляд, существует связь между свойством и эгоизмом, отношением и альтруизмом. Миссия человека – трансценденция, выход за пределы физики (телесно-вещественного эгопотребительства) в пространство метафизики (информационно-энергетического отношения творения и созидания). В этой связи вполне уместно вспомнить трактовку академиком Фурсовым прогресса как накопления в системе не телесно-вещественного компонента, а усиление в ней информационно-энергетической составляющей [14]. Воспитание направлено на работу с энергией, чувством, обучение же нацелено на развитие ума и интеллекта. Как писал академик Л. А. Зеленев, методологически говоря, образование – это знание, обучение – это навык (наука), воспитание – это убеждение [3]. И исходя из подобного рода алгоритмики,

корректной аксиологически последовательностью, способной обеспечить наилучший результат в жизнедеятельности человека и общества, является бескорыстный дух (Восток) – душа (Россия) – корыстное тело (Запад).

Н. Н. Рыбалкин в своей докторской диссертации по социальной философии обосновал и защитил определение безопасности как соответствия вещи своей природе [8]. Основная проблема-помеха, не дающая человеку и обществу стать собой не как свойством, а как отношением, постигнуть и выстроить свою подлинную жизнь в соответствии со своей сущностью, состоит в нашей слабости, неспособности мужественно и смело повернуться лицом к душе, а не устремлять в духе фрагментизирующей все и вся науки-свойства свой взор вовне, на тот или иной фрагмент реальности, не на действительность как таковую, единую и цельную. Единство и целостность, обретаемые исцеляющим духом философии-отношения, Софии-отношения, которой никогда нельзя обладать в практическом ключе, синергийны [15] и антропны, открываемы обеспечивающим спокойствие и мир эмерджентным холизмом.

Свойства отдачи активизируются и начинают созидать в человеке и обществе в том случае, когда и если имел место внутренний переход человека из утилитарной парадигмы свойства-обособления-отделения в метафизическо-интеллектуальную парадигму отношения – всеобщей связи с Другим. Как писал физиолог Симонов, духовность – это наличие в сердце человека сильного желания делать Благо Другому [11].

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ онтологических категорий «вещь», «свойство» и «отношение» с позиций философско-антропологической и социально-философской оптики показал, что вернуть потерявший себя мир к своим созидательно-справедливым корням можно путем прояснения содержания указанных выше фундаментальных понятий физико-денотативного раздела философского любомудрия. Из этого следует, что глубокое изучение природы взаимодействующих между собой вещей, прежде всего человека и общества, на основе данной категориально-метафизической триады позволяет постичь эссенциально-непреходящее должное в экзистенциально-манифестируемом существе и восстановить причитающееся методологически наисущественнейшее значение для онтологии реальности основному логическому закону тождества, деформированному постмодернистским дисторсионным фальшизмом [4].

Библиография

1. Адизес И. К. Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует. М.: Альпина Паблишер, 2018. 264 с. [Adizes I. K. Ideal'nyi rukovoditel': Pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet. M.: Al'pina Pablsher, 2018. 264 s.].
2. Гришин А. Ю. Взаимосвязь физики, логики и этики в учении ранней Стои: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2018. 33 с. [Grishin A. Yu. Vzaimosvyaz' fiziki, logiki i etiki v uchenii rannei Stoi: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.03. M., 2018. 33 s.].

3. Зеленев Л. А. Методология исследования социума // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (3). С. 101–109. [Zelenov L. A. Metodologiya issledovaniya sotsiuma // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 1 (3). S. 101–109.]
4. Кутырев В. А. Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетея, 2022. 288 с. [Kutyrev V. A. Chelo-vek tekhnologii, tsivilizatsiya fal'shizma. SPb.: Al-teĭya, 2022. 288 s.]
5. Пивоваров Д. В. Категории онтологии: Учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 417 с. [Pivovarov D. V. Kategorii ontologii: Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2024. 417 s.]
6. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 243 с. [Raibekas A. Ya. Veshch', svoistvo, otnoshenie kak filosofskie kategorii. Tomsk: Izd-vo TGU, 1977. 243 s.]
7. Россия не делала разворот на Восток, заявил Лавров // РИА Новости. 17.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230517/razvorot-1872319249.html> (дата обращения: 20.01.2024). [Rossiya ne delala razvorot na Vostok, zayavil Lavrov // RIA Novosti. 17.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230517/razvorot-1872319249.html> (data obrashcheniya: 20.01.2024).]
8. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 44 с. [Rybal'kin N. N. Priroda bezopasnosti: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. M., 2003. 44 s.]
9. Рыбалко В. К. Становление диалектической концепции «вещь – свойство – отношение». Харьков: Основа, 1991. 95 с. [Rybal'ko V. K. Stanovlenie dialekticheskoi kontseptsii «veshch' – svoistvo – otnosheniĖ». Khar'kov: Osnova, 1991. 95 s.]
10. Сабиров В. Ш., Соина О. С. Философия. Элементарный курс: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2006. 287 с. [Sabirov V. Sh., Soina O. S. Filosofiya. Ehlementarnyi kurs: Uchebnoe posobie. M.: Gardariki, 2006. 287 s.]
11. Симонов П. В., Ершов П. М., Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. М.: Наука, 1989. 350 с. [Simonov P. V., Ershov P. M., Vyazemskii Yu. P. Proiskhozhdenie dukhovnosti. M.: Nauka, 1989. 350 s.]
12. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 184 с. [Uemov A. I. Veshchi, svoistva i otnosheniya. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 184 s.]
13. Философия: Учебник для студентов высших учебных заведений / Под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 911 с. [Filosofiya: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii / Pod obshch. red. V. V. Mironova. M.: Norma: INFRA-M, 2016. 911 s.]
14. Фурсов А. Операция «Прогресс» // ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. URL: <http://intelros.org/lib/statyi/fursov1.htm> (дата обращения: 20.01.2024). [Fursov A. Operatsiya «Progress» // INTELROS – Intellektual'naya Rossiya. URL: <http://intelros.org/lib/statyi/fursov1.htm> (data obrashcheniya: 20.01.2024).]
15. Хоружий С. С. Синергичная антропология. Томские лекции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (6). С. 97–132. [Khoruzhii S. S. Sinergiinaya antropologiya. Tomskie lektzii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2008. № 2 (6). S. 97–132.]

Примечание:

Мурзаев Д. В. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, написание разделов «Введение», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Лукутин А. А. – написание разделов «Обзор литературы», «Материалы и методы», «Результаты исследования».

УДК 32.019.52

**ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ РОССИИ***

П. В. Седаев¹, С. В. Устинкин², А. В. Никитин³, А. С. Кочкуров⁴

*¹⁻⁴Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования является доверие молодежи к политическим институтам в контексте культурных кодов России. В условиях специальной военной операции эта проблема приобретает особую актуальность, так как политическая социализация молодежи, определение ею своей идентичности невозможны без формирования у нее доверия к институтам власти, политикам, средствам массовой информации, критического отношения к событиям, происходящим в России и мире. Настало время, когда гражданам России следует переоценить свое отношение к истории своей страны, вернуться к ее корням и традиционным ценностям, уйти от той модели развития, которая была навязана в 90-е годы XX столетия Западом.

В статье проводится анализ отношения современной российской молодежи к культурным кодам, присущим нашему государству-цивилизации (традиционализм, особая система верховной власти, конфессиональное и этническое своеобразие и др.), которые сложились на протяжении существования нашего государства. Делается вывод, что современная российская молодежь в основной своей массе с уважением относится к ценностям русской цивилизации. За основу взяты результаты исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2023 году, и данные, полученные в ходе социологического опроса студентов вузов Нижнего Новгорода, проведенного в октябре 2023 года междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Ключевые слова: культурный код, традиционализм, культурно-исторический тип, патернализм, религиозность.

**YOUTH'S TRUST IN POLITICAL INSTITUTIONS
IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S CULTURAL CODES**

*Pavel V. Sedaev¹, Sergey V. Ustinkin²,
Alexander V. Nikitin³, Alexander S. Kochkurov⁴*

¹⁻²Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT. The subject of the research in the article is the youth's trust in political institutions in the context of Russia's cultural codes. In the context of a special military operation,

---

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект)») (FSWZ-2023-0031).

this problem becomes particularly relevant, since the political socialization of young people, the definition of their identity is impossible without forming their trust in government institutions, politicians, the media, and a critical attitude to events taking place in Russia and the world. The time has come when Russian citizens should re-evaluate their attitude to the history of their country, return to its roots and traditional values, and move away from the model of development that was imposed in the 90s of the XX century by the West.

The article analyzes the attitude of modern Russian youth to such cultural codes that are inherent in our state-civilization (traditionalism, a special system of supreme power, confessional and ethnic identity, etc.) that have developed throughout the history of our state. It is concluded that the majority of modern Russian youth respect the values of Russian civilization, which is based on the results of a study by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion in 2023 and data obtained during a sociological survey of students of Nizhny Novgorod universities in October 2023 by the interdisciplinary research laboratory “Study of World and Regional socio-political processes” Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Keywords: cultural code, traditionalism, cultural and historical type, paternalism, religiosity.

Введение

Анализ социально-политических событий последнего десятилетия позволяет сделать вывод, что эпоха глобализма, в основе которой лежали единые, универсальные принципы и ценности и на которую мы возлагали большие, но ничем не оправданные надежды, сегодня подходит к завершению и становится достоянием истории. Ценности либерализма и демократии (не путать с народовластием), которые так активно насаждались по всему миру, в том числе и в нашей стране, не смогли обеспечить прогрессивно-поступательного развития нашего государства, укрепления его суверенитета. Наоборот, они оказали негативное влияние на российское общество и его государственность. Поэтому настало время творчески с научных позиций переосмыслить этот период нашей истории с опорой на те традиционные ценности, которые исконно были присущи русской цивилизации и на основании которых во многом шло ее формирование и развитие в течение более тысячи лет.

В настоящее время вопросы культурных кодов стали предметом исследования различных общественных наук в России. Это вполне объяснимо. События в мировой и региональной политике, кризис международного права, игнорирование интересов России и посягательства на них со стороны транснационального политического истеблишмента (политической элиты большинства стран западного мира) побуждают российское общество и государство искать те скрепы, которые обеспечивали бы их консолидацию и единство, укрепляли их суверенитет и целостность. Собственно это и вынудило Россию начать специальную военную операцию.

Можно согласиться с позицией А. А. Проханова, который считает, что «русские коды – это область сокровенного, закрытого знания, в котором каждый отдельный код связан с той или иной чертой народного характера и русской истории в целом» [8, с. 372–373].

В основе русской цивилизации лежит собственная уникальная система культурных кодов. В рамках настоящей статьи не представляется

возможным дать научный анализ всех культурных кодов, присущих русской цивилизации. В силу этого обстоятельства авторы поставили перед собой задачу остановиться на анализе таких культурных кодов, как традиционализм, особая форма верховной власти в России и религиозное своеобразие русской цивилизации. Кроме этого, на основе социологических данных рассмотрено отношение современной российской молодежи к этим культурным кодам.

Обзор литературы

В качестве теоретической основы была взята концепция культурно-исторических типов цивилизаций, разработанная Н. Я Данилевским. В своей работе «Россия и Европа» он впервые обосновал идею о невозможности одного-единственного пути развития для всех народов и наций, теорию о своеобразии каждого культурно-исторического типа цивилизации, среди которых выделяет отдельный славяно-русский культурно-исторический тип, который формируется и развивается на основе своих традиционных ценностей и своих культурных кодов [3].

Разработкой темы русских культурных кодов в настоящее время системно занимаются представители Изборского клуба. В 2022 году ими был издан сборник научных трудов «Русские коды», в котором предпринята попытка ответить на ряд важных вопросов: что такое русские культурные коды?; что необходимо для понимания их сути?; в чем заключается актуальность русских культурных кодов на современном этапе развития русского государства? и т. д. [1; 7; 8; 9]

Материалы и методы

Методологической основой для проведения настоящего исследования послужили системный и структурно-функциональный подходы, с помощью которых определяются место, роль и значение культурных кодов в структуре политического сознания, политической психологии и политической идеологии России, а также их влияние на политические институты нашей страны. Кроме того, использовались диалектический подход, опирающийся на принципы диалектики, в частности принцип взаимосвязи общего и единичного, и междисциплинарный подход к изучению феномена «русского культурного кода». При изучении отношения современной российской молодежи к культурным кодам применялись метод сравнительного анализа, статистический метод и ряд других.

В процессе анализа культурных кодов использовались труды российских ученых и публицистов, а при изучении отношения молодежи к культурным кодам – данные социологических исследований, полученные ВЦИОМ, Институтом социологии ФИНСЦ РАН и научно-исследовательской лабораторией «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Результаты исследования

Культурные коды, или коды культуры, – это система символов и знаков, которые используются для передачи из поколения в поколение системы ценностей, обычаев, норм поведения и т. д. Культурные коды во многом связаны с национальными особенностями того или иного народа, национальным характером, который формируется не одно столетие. Национальный характер, в свою очередь, во многом зависит от тех условий, в которых происходит формирование нации и народа. Это географические, исторические, социально-политические и другие факторы. Об этом писал еще Н. Я. Данилевский (1822–1885), который первым предложил теорию культурно-исторических типов цивилизаций и утверждал, что нет и не может быть одинакового пути развития для всех стран и народов, а следовательно, не может быть одинаковых культурных кодов для всех наций [3].

Идеология глобализма, которую исповедовали и навязывали всему миру США, является полной противоположностью теории Н. Я. Данилевского. Навязывая мировому сообществу такие в целом как бы правильные идеи прав и свобод человека, толерантности, экономического равноправного сотрудничества между государствами и другие гуманистические ценности, США использовали их в своих корыстных политических и экономических интересах. Манипулируя этими общечеловеческими ценностями, они оказывали давление на неудобные им правительства и политических лидеров, совершали перевороты, развязывали войны, разрушали национальные ценности (культуру, образование, науку, систему воспитания), грабили экономики других государств. Мощное деструктивное воздействие оказывалось и оказывается на молодежь. Чтобы успешно противостоять этому натиску, российскому обществу необходимо вернуться к исконным русским национальным культурным кодам и на основе их переосмысления (с учетом современных условий) вдохнуть в них новую жизненную силу.

Такая работа уже началась. В ноябре 2022 года президентом России был подписан Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Основной идеей документа является сохранение, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей в общественном сознании граждан России, особенно в молодежной среде.

Вся история русской цивилизации, ее развитие и современность пронизаны русскими культурными кодами. Ответить на вопрос, что такое «русский код», однозначно нельзя. В. В. Аверьянов считает, что «самая большая сложность, вероятно, в том, что коды не просто присутствуют в нашей культуре как некие константы, они активно вторгаются в реальную жизнь, как семена вторгаются в почву, прорастая в новых поколениях и превращаясь, по евангельской притче, в “торчичные деревья”» [1, с. 8]. Как нам представляется, очень близко к раскрытию содержания данного понятия подошел А. А. Проханов. По его мнению, «“русские коды” – это навыки, умения, духовные приемы, определяющие неповторимость русского

человека. Эти коды позволяют народу не изменять своей Мечте, превозмогать напасти и бездны в заповедном стремлении к божественному идеалу» [8, с. 354]. Другими словами, культурные коды – это определенный образ жизни, определенный набор навыков и умений, которые помогают нации и народу реагировать на вызовы повседневной жизни.

Прежде чем ответить на вопрос, какие культурные коды присущи именно русской нации, русскому народу, отметим, что слово «русский» мы используем как собирательный образ всех народов и наций, которые проживали на территории России с древнейших времен до нашего времени, дабы нас не обвинили в национализме политически нечистоплотные оппоненты.

По мнению авторов статьи, одним из главных русских культурных кодов является традиционализм, который выражается в опоре на традиционные ценности, присущие тому или иному народу. Сразу же заметим, что однозначного понимания традиционализма в научной литературе нет. Сам термин «традиционализм» возникает в конце XIX – начале XX столетия как определенная реакция на разрушение национального своеобразия государств Европы и создание единых стандартов, единого образа жизни, который становится универсальным для всех европейских народов. Именно европейские мыслители первыми заговорили о необходимости поддержания и сохранения своих традиционных ценностей. Например, Рене Генон, он же Абдуль-Вахид Йахья, писал, что любое развитие должно опираться на свой собственный фундамент, что «...на пустоте ничего построить нельзя, но исключительно профанное существование, из которого исключен традиционный элемент, в реальности является в этом отношении только пустотой и небытием» [2, с. 63].

В рамках настоящей статьи под традициями мы будем понимать исторически сложившуюся систему норм, правил, законов, образцов поведения, духовно-нравственных ценностей, которые передаются из поколения в поколение. Именно эти ценности входят в число культурных кодов русской цивилизации, русского народа. К числу таких традиционных русских ценностей относятся: приоритет духовных благ над материальными; вера в сильное государство и в то, что оно должно помогать своему народу (патернализм); культ семьи; любовь к труду; честность; вера в необходимость справедливости; умение напрягать все силы для достижения поставленной цели и др. Именно на основе этих ценностей и строилась русская цивилизация, русская государственность. Таким образом, сущность традиционализма, на наш взгляд, заключается не только в опоре на традиционные ценности, но и в их развитии и использовании в современных условиях в борьбе национальных государств за суверенитет и строительство многополярной системы международных отношений.

Интересные данные об отношении современной молодежи к традиционным русским ценностям, полученные в декабре 2022 года, т. е. по истечении десяти месяцев с начала специальной военной операции, приводит Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ). Так, в топе три основных жизненных ориентира: на первом месте – высокий

уровень личного благополучия (58 %); на втором месте – спокойная, тихая, уютная жизнь (54 %); на третьем месте – активная позиция в помощи своему государству, народу (только 26 %). 9 % хотели бы вести спокойную беззаботную жизнь, не думая о будущем [20].

28 декабря 2023 года ВЦИОМ опубликовал результаты очередного соцопроса об отношении молодежи к традиционным русским ценностям. На первом месте уже оказались семья как союз мужчины и женщины и необходимость воспитания детей (45 %). На втором месте – патриотизм (23 %). Третье и четвертое места заняли такие ценности, как гуманизм, национальная культура и религия с результатом 17 % и 16 % соответственно. Радует, что 77 % опрошенных считают необходимым сохранение традиционных русских ценностей, таких как семья, культура материнства и отцовства, поддержка рождаемости и многодетности. 66 % респондентов уверены в том, что необходимо поддерживать традиционные ценности, даже если они противоречат современной действительности. Только 16 % респондентов выразили мнение, что нет никакой необходимости держаться за традиции, так как они утрачивают свою значимость во времени [13].

Как видим, ценностные приоритеты у большей части молодежи кардинально изменились. Чем это обусловлено? Очевидно, изменилось в своей основе все российское общество, которое постепенно осознает, какая угроза нависла над Отечеством, кто наш союзник, а кто – враг, в каком направлении должна развиваться страна.

Наше государство на самом высоком уровне осознает, что сегодня необходимо поддерживать русские национальные духовно-нравственные ценности. Положения о значимости традиционных ценностей включены в новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [14]. Так, в пп. 84–93 Стратегии прямо говорится о защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Другим важным политико-правовым документом, который говорит о необходимости защиты традиционных русских ценностей, является Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в п. 5 которого «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [15].

Судя по данным опросов ВЦИОМ, которые мы приводили выше, современная молодежь в своем большинстве относится к этим усилиям с пониманием. Это говорит о том, что проводимые ранее либеральные реформы, которые во многом были направлены на привитие молодежи России западных ценностей, западного образа жизни и мировосприятия и отказ

от национальных ценностей, не достигли в полной мере своей цели. На этом основании можно констатировать, что дальнейшее развитие России как суверенного государства-цивилизации возможно только с опорой на собственный исторический опыт, апробированный предыдущими поколениями, и традиционные российские духовно-нравственные ценности. Мы поддерживаем точку зрения Е. К. Рудаковой о том, что демографическое развитие и воспроизводство в России «возможно при условии доминирования в обществе витальных ценностей: жизни, семьи, деторождения, многодетности, любви к детям, роду, истории, поколенческой преемственности опыта и традиций, уважения к старшим, творчества и созидания» [12, с. 57], и согласны с ее предложением о необходимости наращивания эмпирического материала для верификации ложных когнитивных смыслов в молодежной среде, разрушающих витальные ценности и структуры общества, формирования образа будущего и устойчивого развития нашей страны на основе бережного сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей [11].

Другим культурным кодом русского народа, на который хотелось бы обратить внимание, является особая форма верховной власти. Этот культурный код исторически характерен только для русской цивилизации. Такой формы государственного правления нет ни в одной стране мира. На протяжении всей истории, в тех особых географических, этнографических, внешнеполитических условиях, в которых проходило формирование русской цивилизации, русской государственности, была необходимость в построении жесткой централизованной власти. В таком государстве политические права и свободы отходят на второй план. Свобода для русского человека воспринимается как воля, как возможность уйти из-под власти государства. Именно вольные люди занимались освоением сибирских территорий. Наиболее известный, но далеко не единственный пример – Ермак Тимофеев. Таким образом, понятие о политических свободах, которое было привнесено в русское общественное сознание извне, никак не соответствует тому традиционному пониманию свободы, которое было присуще русскому культурному коду. В 90-е годы XX столетия призывы к политической, экономической свободе в России по западным меркам закончились развалом экономики, обнищанием большинства граждан России. Примерно те же процессы происходили и в начале XXI столетия.

Существует мнение, что в России «легитимность власти оценивается не по династическому признаку, не по позиции элиты и, тем более, не по результатам всенародного волеизъявления. Для российской власти важна только успешность, и, прежде всего, военная успешность. В России власть находится в такой же абсолютной зависимости от народа, как и народ от власти. Это делает русский национальный характер одновременно и предельно несвободным, и предельно свободным (пресловутая антиномичность). Если Людовик XIV мог с некоторым основанием сказать: “Государство – это я”, то русский народ всей своей историей говорит: “Государство – это мы”» [7, с. 104]. Поэтому на протяжении всей своей истории русский

народ с уважением относился к государству, если государство, в свою очередь, исполняло обязанности перед своим народом. Отсюда возникает такое понятие, как патернализм*, которое присуще только русской цивилизации. Это значит, что население России всегда рассматривало государство как неотъемлемую часть своего существования, видело в нем опору, связывало с ним свои надежды.

В связи с этим приведем результаты исследования ВЦИОМ от 2 августа 2023 года об отношении российской молодежи к государству. Любопытен следующий факт: по мнению 21 % опрошенных, Россия возглавляет список стран, где общество устроено наиболее справедливо, а еще 10 лет назад эта цифра была менее 1 %. Второе место в списке занимает Китай – 11 %, на третьем месте Беларусь – 6 %. По 5 % набирают Швеция и Норвегия и по 4 % – ОАЭ и Германия [6]. Кроме этого, на сегодняшний день в среде российской молодежи существует запрос на необходимость проведения сильной социальной политики (15 %) и более жесткой антикоррупционной политики (14 %). О необходимости более серьезного внимания к проведению внутренней политики говорят 8 % опрошенных, о необходимости повышения зарплат и пенсий – 12 % респондентов [6]. Из приведенных данных можно сделать вывод, что идея сильного государства, которое должно больше внимания уделять своим гражданам, присутствует в сознании части современной молодежи.

Интересные данные приводятся в статье «Отношение студенческой молодежи к власти и политике: на примере исследования мнений учащихся нижегородских вузов», на их основании можно сделать вывод о том, что чем выше уровень благосостояния респондентов, тем выше доверие к главе государства. «В группе участников опроса с высокими и средними доходами и возможностями потребления доля доверяющих деятельности президента составляет 88,9 % от числа группы. Среди респондентов, чьи возможности потребления ниже средних, – 66,3 %, а в группе наименее обеспеченных – только 48,4 %» [18, с. 66].

На повышение уровня доверия к институтам государства и патристических настроений среди учащейся молодежи оказала влияние специальная военная операция. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования среди студенческой молодежи Нижнего Новгорода и Нижегородской области, проведенного сотрудниками научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова в октябре 2023 года. Так, относительное большинство (49,9 %) участников опроса считает решение Российской Федерации провести специальную военную операцию

---

*См. *патернализм* // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/paternalizm-4b88b3> (дата обращения: 18.01.2024). В либеральной идеологии воспринимается как анахронизм. Как правило, является одной из характеристик тоталитарного государства.

на Украине либо однозначно необходимым (26,8 %), либо скорее необходимым (23,1 %). Не разделяет эту точку зрения в сумме лишь 18,6 % от общего числа респондентов. Почти треть участников опроса (31,4 %) затруднились ответить. Наибольшим числом затруднившихся оказалось среди самых молодых участников исследования (от 14 до 17 лет) – 39,6 %, а также среди наименее материально обеспеченных респондентов – 48,4 %.

Вместе с тем в среде студенческой молодежной еще достаточно сильны сомнения в росте сплоченности российского общества и власти после начала СВО. Если в целом преобладает уверенность в усилении единства (в сумме 57,5 %), то в ряде социально-демографических групп наблюдается противоположная точка зрения. В частности, не видят роста сплоченности малообеспеченные респонденты (66,1 %), представители низшего среднего класса (56,1 %), а также убежденные атеисты (54,5 %).

Одним из значимых факторов, который во многом объясняет высокую долю среди молодежи неопределившихся в отношении к различным аспектам проведения СВО, можно считать особенности ее отношения к информации о событиях и восприятие спецоперации на эмоционально-психологическом уровне (см. диаграмму). Для половины респондентов (49,6 %) информация из зоны проведения специальной военной операции служит фактором, влияющим на социально-психологическое состояние. Полностью отрицают влияние информации об СВО на эмоциональное и психологическое состояние только 16,7 % из числа опрошенных.

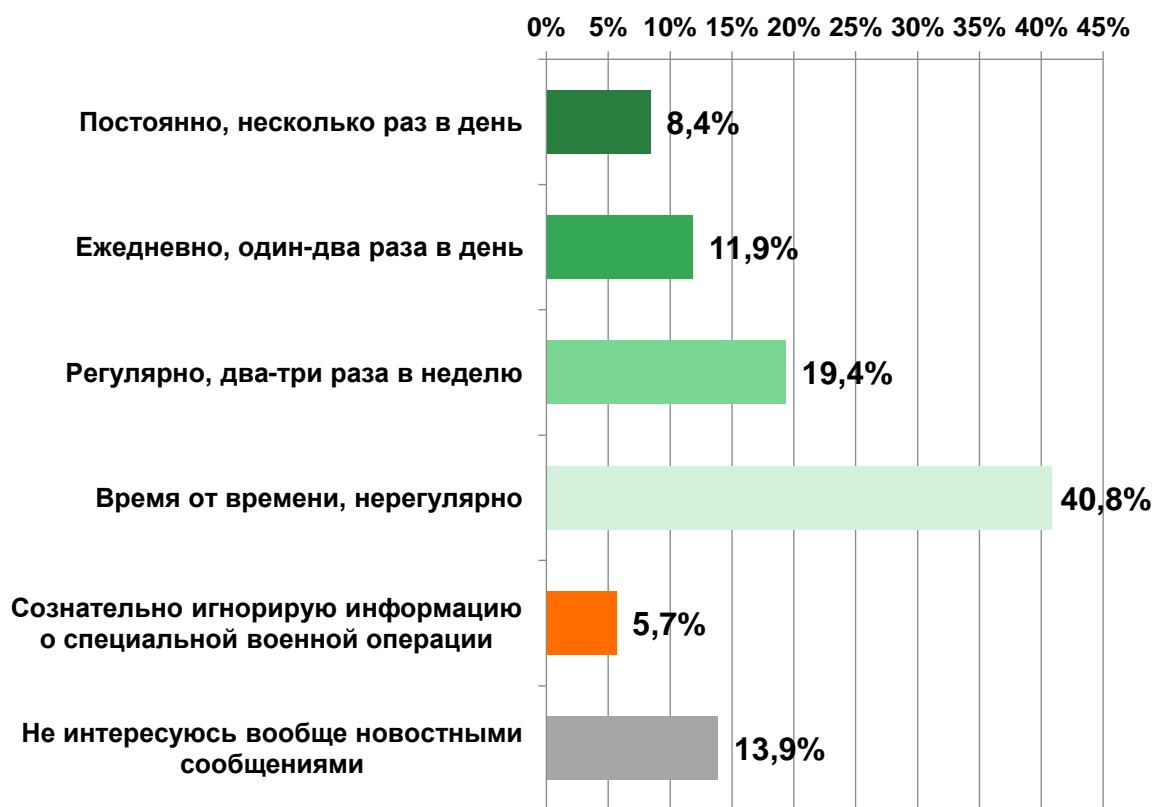

Диаграмма. Как часто Вы интересуетесь информацией о специальной военной операции?

Изменилось в положительную сторону и отношение молодежи к своей стране. При ответе на вопрос «Как Вы думаете, где сегодня в целом социально-экономическая ситуация лучше, в России или странах Запада?» более половины респондентов (51,6 %) выбрали нейтральный и наиболее реалистичный вариант – «общий кризис, везде есть свои проблемы», что свидетельствует о преобладании в целом объективной оценки студенческой молодежью ситуации в стране и в мире. Лишь чуть более четверти участников сочли ситуацию лучше на одном из полюсов противостояния: в России – 17,6 %, в США и Западной Европе – 10,3 %.

Из приведенного выше анализа статистических данных можно предположить, что идея патернализма, идея о том, что государство должно заботиться о своих гражданах, как правило, находит поддержку в среде современной российской молодежи.

Остановим внимание читателя еще на одном культурном коде России – религиозном своеобразии мировосприятия. На территории Российской империи, а затем Советского Союза всегда существовало множество религиозных течений. Однако на территории российского государства, как бы оно ни называлось, никогда не было религиозных войн. Именно в этой области общественной жизни удалось выработать достаточно эффективную модель взаимодействия между различными религиями и конфессиями (православием, исламом, католицизмом, протестантизмом, иудаизмом, буддизмом, различными местными верованиями). Понятно, что при этом исторически главенствующую роль всегда играла и продолжает играть Русская православная церковь. Представители других, неправославных религий имели точно такие же права, как и представители традиционной русской церкви. Единственное, необходимо было признавать русскую верховную власть, жить по законам российского государства. Правда, имели место и некоторые исключения в виде сект, которые жили по своим собственным правилам, во многом отличавшимся от правил государства, и поэтому их жестко преследовали и подавляли. В годы советской власти, особенно в 20–30-е годы XX века, верховная власть пыталась навязать своим гражданам идею атеизма, целенаправленно уничтожая соборы и мечети, монастыри и синагоги, преследуя священнослужителей.

В современной России государственно-церковные отношения строятся на основе Конституции РФ. Согласно ст. 28 Конституции РФ, «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [5]. В 1997 году был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в преамбуле которого особо подчеркивается роль православной религии в формировании российской государственности, в развитии духовной культуры и нравственности России. Вместе с тем обращается внимание на необходимость уважительно относиться к другим

вероисповеданиям, которые также являются неотъемлемой частью российской культуры [19].

Как же современная молодежь относится к религии? Согласно данным ВЦИОМ, которые были представлены 27 июля 2023 года, самой распространенной конфессией в России является православие – 57 %. Приверженцами ислама являются 5 % населения России. Доля неверующих в нашей стране составляет 19 %. Еще 7 % являются колеблющимися между верой и неверием. Среди молодежи до 25 лет в церковь скорее не пойдет 51 %, а среди российской молодежи от 25 до 34 лет – уже 41 %. Интересно, что единственная возрастная категория, где примерно поровну верующих и не верующих, – это молодежь от 18 до 24 лет. Среди них 48 % не верят в Бога, 45 % верят [10].

В октябре 2023 года аналогичное исследование было проведено научно-исследовательской лабораторией «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Оно показало неожиданные и неоднозначные результаты, особенно относительно веры студенческой молодежи в Бога. На вопрос «Верите ли Вы в Бога?» положительно ответили 46,2 % респондентов. Оказалось, что их в 1,5 раза больше тех опрошенных, которые в Бога не верят (30,5 %). Таким образом, оказался несостоятельным тезис об абсолютной светскости современной студенческой молодежи. При этом отношение к вере не зависело от места жительства и возраста респондентов. Что касается гендерного фактора, среди юношей число верующих меньше (41,6 %), чем среди девушек (48,7 %).

Оказывает влияние на отношение к религии и материальное положение респондентов. В группе участников опроса, определивших свое экономическое положение как высокое или среднее, доля верующих составила 50,7 %, тогда как среди представителей низшего среднего класса – только 34,1 %, а среди самых необеспеченных – 33,9 % респондентов группы.

Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете роль и влияние религии на уровень морали и нравственности в обществе в современной России?», почти половина опрошенных молодых людей (47 %) декларировала наличие сильного (22,6 %) или значительного (24,4 %) влияния. Среди отрицательно ответивших на вопрос (53 %) часть респондентов (22,2 %) также признала наличие влияния, но сочла его незначительным. Любопытно, что влияние религии на личные установки и поведение оказалось не равно веру. В группе респондентов, декларировавших веру в Бога, только 83,3 % группы признали такое влияние. Наоборот, среди атеистов 18,5 % считают, что религия влияет на их поведение и жизненные установки.

Исследование показало, что в целом существует устойчивое большинство студенческой молодежи, считающее положительным влияние религии на морально-нравственное состояние общества. Однако следует учитывать, что большинство опрошенных студентов (50,1 %) выбрали

осторожный вариант оценки воздействия – «скорее положительно», что демонстрирует значительный уровень неопределенности в данном вопросе и отсутствие уверенности.

Наиболее интересным представляется тот факт, что если среди верующих участников опроса только 5,9 % считает влияние религии отрицательным, то в группе атеистов уже 55 % респондентов считает роль религии в обществе положительной или скорее положительной.

Довольно высокую неустойчивость своих представлений о религии студенческая молодежь продемонстрировала и в случае, когда было необходимо выразить свое отношение к тезисам, относящимся к религии. С тем, что «религия повышает уровень морали и нравственности в обществе», согласны 61,5 % респондентов, впоследствии ответивших положительно на прямой вопрос о роли и влиянии религии. С утверждением «Устаревшие религиозные нормы тормозят развитие общества» оказались согласны 53,8 % участников опроса, при этом 36,4 % далее обозначили себя как верующих.

Несмотря на присутствие у студенческой молодежи довольно оптимистических оценок нужности и важности традиционных духовно-нравственных ценностей в жизни российского общества, еще значительная часть молодежи не приемлет их, оставаясь под влиянием чуждых нам антиценностей западной идеологии и массовой культуры.

Обсуждение и заключение

Анализ научной литературы и материалов многочисленных социологических исследований по мониторингу состояния молодежной среды за последние 20 лет и более показывает, что ситуация медленно, но неуклонно меняется в сторону роста доверия молодежи и подростков к политическим институтам России, а также традиционным ценностям. Так, если еще в начале XXI века в ходе исследования московской молодежи из списка 24 ценностей патриотизм занимал 22-е место, а положительные эмоции у молодежи вызывали слова «свобода» (88,4 %), «прогресс» (87,9 %), «права человека» (72,3 %), «сострадание» (67,4 %) [4, с. 488] т. е. доминировали либеральные ценности, то в 2010 году, по данным ФИНСЦ РАН, лишь 25 % молодежи ориентировалось на либеральные евро-атлантические ценности, 25 % – на умеренно консервативные ценности и 50 % имели смешанный конгломерат либерально-традиционных ценностей [16, с. 68–69]. Сегодня же в условиях специальной военной операции ситуация кардинально меняется. Более 75 % молодых людей считают государство одной из традиционных ценностей России, и они готовы вносить свой вклад в его укрепление и защиту [17, с. 48].

Следует отметить, что современной российской молодежи сложно ориентироваться в том, что происходит в стране и мире, сформулировать непротиворечивую систему ценностных ориентаций, поскольку на протяжении последних лет неоднократно менялись приоритеты, оценки, акценты. Манипуляция сознанием, выдаваемая за демократию сторонниками

либеральных взглядов, подменяла убеждения мнениями и объявляла их абсолютными истинами. Манипуляция терминами и понятиями рассекала представления о добре и зле, патриотизме и предательстве, свободе и обязанности, создавая рынок исторических мифов и фальсификаций, дезориентирующих молодежь.

Обращает на себя внимание большое количество колеблющихся в молодежной среде, что говорит о сложности ситуации в стране и мире и о наших недочетах в работе с молодежью. Всем очевидно: какую позицию займет пока не определившаяся часть молодежи, те ценности и будут формировать будущее нашей страны.

Полагаем, что положительную роль в формировании и развитии традиционных ценностей, особенно среди неопределившейся части молодежи, сыграет новый учебный курс «Основы российской государственности», который начали изучать в российских вузах с 2023/2024 учебного года. Данный предмет в первую очередь направлен на изучение русских культурных кодов, русских традиций и культурных основ российской государственности, самобытности России, ее традиционных ценностей, что во многом может повлиять на отношение молодежи к ним.

Библиография

1. Аверьянов В. В. Духовный генокод. Витки спирали // Русские коды. М.: Издательство «Наше завтра», 2022. С. 8–43. [Aver'yanov V. V. Dukhovnyi genokod. Vitki spirali // Russkie kody. M.: Izdatel'stvo «Nashe zavtra», 2022. S. 8–43.]
2. Генон Р. Инициация и духовная реализация. М.: Тотенбург, 2020. 248 с. [Genon R. Initsiatsiya i dukhovnaya realizatsiya. M.: Totenburg, 2020. 248 s.]
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарий Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с. [Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa / Sostavlenie i kommentarii Yu. A. Belova; отв. red. O. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. 816 s.]
4. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Росман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 481–493. [Ivleva M. L., Kurilov S. N., Rossman V. I. Religioznye tsennosti glazami molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2018. T. 18. № 3. S. 481–493.]
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/69de606a34754e42f0767090ca6c640885cdf63d/ (дата обращения: 12.12.2023). [Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/69de606a34754e42f0767090ca6c640885cdf63d/ (data obrashcheniya: 12.12.2023).]
6. Общество в поисках справедливости // ВЦИОМ Новости. 02.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения: 12.12.2023). [Obshchestvo v poiskakh spravedlivosti // VTSIOM Novosti. 02.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (data obrashcheniya: 12.12.2023).]

7. Перелегин С. Цивилизация в людях и кодах. // Русские коды. М.: Издательство «Наше завтра», 2022. С. 93–113. [Pereslegin S. Tsivilizatsiya v lyudyakh i kodakh. // Russkie kody. M.: Izdatel'stvo «Nashe zavtra», 2022. С. 93–113.].
8. Проханов А. А. Коды русской мечты // Русские коды. М.: Издательство «Наше завтра», 2022. С. 370–374. [Prokhanov A. A. Kody russkoy mechty // Russkie kody. M.: Izdatel'stvo «Nashe zavtra», 2022. С. 370–374.].
9. Проханов А. А. Сакральная триада русского государства // Изборская идеология. М.: Издательство «Наше завтра», 2022. С. 351–360. [Prokhanov A. A. Sakral'naya triada russkogo gosudarstva // Izborskaya ideologiya. M.: Izdatel'stvo «Nashe zavtra», 2022. С. 351–360.].
10. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ Новости. 27.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 12.12.2023). [Religiya i obshchestvo: monitoring // VCIOM Novosti. 27.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (data obrashcheniya: 12.12.2023).].
11. Рудакова Е. К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: Дис. ... д-ра полит. наук по специальности 5.5.4. Н. Новгород, 2023. URL: <https://diss.unn.ru/1315> (дата обращения: 17.10.2023). [Rudakova E. K. Obespechenie demograficheskoi bezopasnosti Rossii v usloviyakh kognitivnykh ugroz: Dis. ... d-ra polit. nauk po spetsial'nosti 5.5.4. N. Novgorod, 2023. URL: <https://diss.unn.ru/1315> (data obrashcheniya: 17.10.2023).].
12. Рудакова Е. К. Поколение 5G: глобальный взгляд на проблему доверия молодежи к традиционным политическим и общественным институтам // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 53–59. [Rudakova E. K. Pokolenie 5G: global'nyi vzglyad na problemu doveriya molodezhi k traditsionnym politicheskim i obshchestvennym institutam // Tekhnologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2023. № 4 (4). S. 53–59.].
13. Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ Новости. 28.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 12.12.2023). [Traditsii v ehpokhu peremen // VTSIOM Novosti. 28.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (data obrashcheniya: 12.12.2023).].
14. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 12.12.2023). [Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashcheniya: 12.12.2023).].
15. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.12.2023). [Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (data obrashcheniya: 12.12.2023).].
16. Устинкин С. В., Данилова Н. М. Историческая память как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества // Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов: Монография / Под. ред. М. И. Рыхтика, А. Н. Фортунатова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. С. 59–78. [Ustinkin S. V., Danilova N. M. Istoricheskaya pamyat' kak faktor obespecheniya stabil'nosti rossiiskogo gosudarstva i obshchestva // Vlast' v XXI veke. Sotsiokul'turnye aspekty politicheskikh protsessov: Monografiya / Pod. red. M. I. Rykhtika, A. N. Fortunatova. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2020. S. 59–78.].

17. Устинкин С. В., Никитин А. В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО) // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 32–52. [Ustinkin S. V., Nikitin A. V. Problema doveriya molodezhi k obshchestvennym i gosudarstvennym institutam v kontekste provedeniya spetsial'noi voennoi operatsii (SVO) // Tekhnologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2023. № 4 (4). S. 32–52.].

18. Устинкин С. В., Самсонов А. И. Отношение студенческой молодежи к власти и политике: на примере исследования мнений учащихся нижегородских вузов // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 60–70. [Ustinkin S. V., Samsonov A. I. Otnoshenie studencheskoi molodezhi k vlasti i politike: na primere issledovaniya mneniy uchashchikhsya nizhegorodskikh vuzov // Tekhnologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2023. № 4 (4). S. 60–70.].

19. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в редакции от 02.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 12.12.2023). [Federal'nyi zakon «O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyaKH» ot 26.09.1997 № 125-FZ (v redaktsii ot 02.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (data obrashcheniya: 12.12.2023).].

20. Ценности молодежи // ВЦИОМ Новости. 14.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 12.12.2023). [Tsennosti molodezhi // VTSIOM Novosti. 14.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (data obrashcheniya: 12.12.2023).].

Примечание:

Устинкин С. В. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта.

Седаев П. В. – написание разделов «Введение», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Никитин А. В. – написание разделов «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Кочуров А. С. – написание разделов «Обзор литературы», «Материалы и методы», «Результаты исследования».

«КРОВАВЫЙ СПОРТ» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

*Е. А. Пахомова¹, О. С. Рыбкина²,
А. В. Никитин³, А. А. Фоменков⁴*

*¹Волжский государственный университет водного транспорта,
Нижний Новгород, Россия*

*²Нижегородский институт управления (филиал РАНХиГС),
Нижний Новгород, Россия*

*⁴Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

*³⁻⁴Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. «Мягкая сила» важна в международных отношениях даже в условиях эскалации конфликтов. Одним из элементов российской «мягкой силы» является спорт. Выявлены отдельные особенности улучшения имиджа страны благодаря активному развитию ММА. Указано, что потенциал комплексных смешанных единоборств пока еще используется российским государством далеко не в полной мере.

Ключевые слова: «мягкая сила», Российская Федерация, имидж страны, продвижение, спорт, ММА, потенциал.

“BLOOD SPORT” AS A TOOL OF “SOFT POWER”

*Elizaveta A. Pakhomova¹, Olga S. Rybkina²,
Alexander V. Nikitin³, Artyom A. Fomenkov⁴*

¹Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia

*²Nizhny Novgorod Institute of Management (branch of RANEPA),
Nizhny Novgorod, Russia*

*⁴National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

³⁻⁴Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT. “Soft power” is important in international relations even in the context of escalating conflicts. One of the elements of the Russian “soft power” is sports. Certain features of improving the country’s image due to the active development of MMA have been identified. It is indicated that the potential of complex mixed martial arts is still far from being fully used by the Russian state.

Keywords: “soft power”, Russian Federation, country’s image, promotion, sports, MMA, potential.

Введение

Прошло уже много лет после того, как с подачи американского политолога Дж. Ная – младшего в оборот был введен термин «мягкая сила». В Российской Федерации его статья, где употреблялась означенная дефиниция, была опубликована в далеком 2004 году [16]. Признаем, что российское государство стремится активно эту самую «мягкую силу» применять (едва ли не в большей степени этот тезис относится к такой структуре, как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (оно же Россотрудничество) [11]), однако, как нам представляется, есть и необоснованно мало используемые механизмы продвижения позитивного имиджа нашей страны в мире.

Обзор литературы

За последние два десятилетия в Российской Федерации вышло немало работ, посвященных «мягкой силе» и ее применению. Прежде всего, по нашему мнению, заслуживает внимания диссертационное исследование В. Д. Агеевой, посвященное именно применению «мягкой силы» отечественной дипломатией [1]. Институциональные и, что особенно ценно, концептуальные основы «мягкой силы» изучены И. А. Андреевым [4]. Специфику применения «мягкой силы» другими государствами изучали такие авторы, как М. А. Неймарк [18], Г. Ю. Филимонов [29], Л. Р. Рустамова [22; 23], Д. М. Ковба [19], Е. М. Харитоновна [30]. О спорте как инструменте «мягкой силы» писали такие авторы, как Р. Р. Аминова и Б. Г. Ахметкаримов [3], Г. Т. Басюков [7], Н. П. Бродская и Э. Г. Соловьев [8], А. С. Геворгян, Е. А. Довгань и Ю. Е. Довгань [9], Е. А. Игонина [12], Е. Д. Леонтьев [13], М. О. Маков [14], А. О. Наумов [17], Е. В. Смирнова и А. В. Трошкова [26], О. Ф. Русакова и В. А. Корнев [21], П. В. Черкасова [31], М. С. Терехов [28] и др. По некоторым видам спорта, а точнее их потенциалу в качестве инструмента «мягкой силы», практически ничего не написано.

Материалы и методы

При написании статьи авторы применяли прежде всего общенаучные методы, а также системный метод. Эмпирической базой являлись интервью, данные корреспондентам как спортивных, так и неспортивных изданий представителями комплексных смешанных единоборств.

Результаты исследования

К значимым инструментам «мягкой силы» необходимо причислить спорт. Разумеется, возможны возражения, что спорт и так стал в последние полтора десятилетия одной из «витрин» российского государства. Свидетельством тому являются и Олимпийские игры в Сочи, и футбольный мундиаль. Однако есть как минимум два обстоятельства, учитываемые в контексте спорта как инструмента «мягкой силы» не в полной мере. Аспект

первый лежит на поверхности: спорт в странах Запада пронизан тем, что часто именуют постмодернистской теорией [6] – это и борьба за права ЛГБТ-сообщества, и противодействие харассменту, абьюзу и т. п. Собственно спортивная составляющая вообще нередко уходит на второй план. В российском же спорте ничего подобного нет.

Второй аспект, пожалуй, даже еще более важен. Итак, зададимся вопросом: а какой, собственно, вид спорта может с полным основанием считаться российским национальным видом спорта? Выдающийся представитель отечественной экономической мысли А. А. Аузан в одной из своих работ писал о бейсболе как о воплощении американских национальных ценностей. При этом мэтр экономической науки не написал, что же есть российский аналог бейсбола, указав лишь, что прятки и стенка на стенку – именно русские национальные игры [5, с. 70].

У нас есть ответ на этот вопрос. Сразу же отметим, что это отнюдь не футбол, считающийся спортом номер один в мире. Футбол в России никак не может считаться национальным видом спорта. Неслучайно периодически в спортивной прессе пишут, что «футбол зародился в Англии, а умирает...» (далее идет либо название российского региона, либо даже совокупное название группы отечественных регионов). Когда упоминается об эффективности управления российскими футбольными клубами, то речь идет не про прибыль, но лишь про умение минимизировать затраты. Хоккей, в котором российская сборная фаворит во всех турнирах, также недалеко ушел от футбола. Причина очевидна: практически все российские хоккейные клубы – в отличие от тех, что играют в НХЛ, – планомерно убыточны и призваны тешить эго своих боссов. Иное дело смешанные единоборства – как показала практика (едва ли не в первую очередь российская!), этот вид спорта вполне прибыльный. То есть настоящий национальный вид спорта по определению не может быть убыточным у себя на родине [15, с. 63; 20, с. 187].

Итак, комплексные смешанные единоборства (часто именуемые *ММА* [2, с. 83], а также по аналогии с культовыми некогда фильмами «кровавым спортом») и есть истинно российский вид спорта. Может, он и не всегда сближает народы нашей страны, но нельзя не признать, что среди его признанных корифеев есть как этнические русские, так и татары, а также представители кавказских и среднеазиатских народов. Иначе говоря, практически все мало-мальски крупные этносы, проживающие на территории нашей страны, имеют своего представителя (причем конкурентоспособного!) в *ММА*.

Комплексные смешанные единоборства становятся год от года все популярнее во многих странах мира, включая наиболее экономически развитые. Неслучайно признанные мастера имеют огромную известность. Так, например, исследовательница Т. А. Скворцова приводила следующие данные: «...сегодня, пожалуй, у самого известного бойца – ирландца Конора МакГрегора – 36,6 млн подписчиков в инстаграме. Самый популярный боец России, выходец из Дагестана – Хабиб Нурмагомедов. На Хабиба

подписалось 20,4 млн фанатов. Чтобы было понятно, насколько это много, то у всемирно известной теннисистки Марии Шараповой – 4 млн инстаграм-подписчиков» [24, с. 286]. Акцентируем внимание на двух обстоятельствах: во-первых, это были данные за 2020 год, а с той поры число подписчиков у обоих бойцов только выросло, и, во-вторых, количество их подписчиков вполне сопоставимо с числом жителей далеко не самой маленькой европейской (и даже азиатской) страны.

Обсуждение и заключение

Нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что видные представители смешанных единоборств (подчеркнем: в данном случае мы акцентируем внимание не на россиянах) крайне комплиментарно относятся к России и ее лидеру. Так, уже упоминавшийся выше экс-чемпион мира К. Макгрегор «...написал в соцсетях: “Этот человек – один из величайших лидеров нашего времени, и я был удостоен чести присутствовать на таком знаменательном событии вместе с ним. Это была честь для меня, мистер Путин. Спасибо вам, примите поздравления с невероятным чемпионатом мира”. Он сопроводил пост фразой “Россия, вперед!”, которую написал по-русски» [10]. Другой пример – олимпийский чемпион по дзюдо 2008 года, добившийся затем успехов и в *ММА*, Сатоси Исии в одном из интервью заявил следующее: «Я уважаю господина Путина. Я считаю, что он лучший политик в мире и отличный дзюдоист. Я изучаю русский язык, чтобы однажды, когда встретимся с ним, я мог пообщаться с господином Путиным» [25]. И еще одно наглядное подтверждение нашего тезиса: некогда один из самых грозных бойцов-тяжеловесов Д. Монсон (Исии, кстати, он проигрывал) не только отказался от американского гражданства, но и стал россиянином, вступил в партию «Единая Россия» и был избран муниципальным депутатом в Московской области [27, с. 23]. После перечисления этих красноречивых фактов много говорить о всемерной поддержке СВО со стороны российской *ММА*-общественности, как нам представляется, нет особой необходимости.

Таким образом, признаем, что именно *ММА* имеет большой потенциал для продвижения положительного имиджа Российской Федерации и ее руководства в мире. При этом очевидно, что потенциал комплексных смешанных единоборств пока еще используется российским государством далеко не в полной мере.

Библиография

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2016. 279 с. [Ageeva V. D. Rol' instrumentov «myagkoi sil'Y» vo vnesheinei politike Rossiiskoi Federatsii v kontekste globalizatsii: Dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. SPb., 2016. 279 s.].
2. Айгубов Н. М., Дорошенко А. Л. История развития *ММА* // Развитие науки и образования в современном мире: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 30 сентября 2014 г.: в 7 частях. Часть IV. М.: ООО «АР-Консалт», 2014. С. 82–84. [Aigubov N. M., Doroshenko A. L. Istoriya

razvitiya MMA // Razvitie nauki i obrazovaniya v sovremennom mire: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 30 sentyabrya 2014 g.: v 7 chastyakh. Chast' IV. M.: ООО «AR-KonsalT», 2014. S. 82–84.].

3. Аминова Р. Р., Ахметкаримов Б. Г. Спорт как мягкая сила в современных международных отношениях // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 4. С. 75–80. [Aminova R. R., Akhmetkarimov B. G. Sport kak myagkaya sila v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo. 2019. T. 1. № 4. S. 75–80.].

4. Андреев И. А. Феномен «мягкой» силы: концептуальные, институциональные и технологические аспекты: Дис. ... канд. полит. наук: 5.5.2. М., 2023. 223 с. [Andreev I. A. Fenomen «myagkoI» sily: kontseptual'nye, institutsional'nye i tekhnologicheskie aspekty: Dis. ... kand. polit. nauk: 5.5.2. M., 2023. 223 s.].

5. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с. [Auzan A. Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. 160 s.].

6. Балчугов А. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Постмодернистская теория: к вопросу о причинах успешности // Власть. 2022. Т. 30. № 1. С. 128–132. [Balchugov A. V., Ustinkin S. V., Fomenkov A. A. Postmodernistskaya teoriya: k voprosu o prichinakh uspechnosti // Vlast'. 2022. T. 30. № 1. S. 128–132.].

7. Басюков Г. Т. Спорт и политика: спорт как инструмент мягкой силы // Синергия наук. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article2218> (дата обращения: 12.10.2023). [Basyukov G. T. Sport i politika: sport kak instrument myagkoi sily // Sinergiya nauk. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article2218> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

8. Бродская Н. П., Соловьев Э. Г. Спорт больших достижений как эффективный инструмент «мягкой силы» в мировой политике // Вопросы политологии. Т. 8. № 11 (39). 2018. С. 1012–1024. [Brodskaaya N. P., Solov'ev E. G. Sport bol'shikh dostizhenii kak ehffektivnyi instrument «myagkoi sily» v mirovoi politike // Voprosy politologii. T. 8. № 11 (39). 2018. S. 1012–1024.].

9. Довгань Ю. Е., Довгань Е. А., Геворгян А. С. Фактор спорта в развитии российской внешней политики «мягкой силы» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 183–186. [Dovgan' Yu. E., Dovgan' E. A., Gevorgyan A. S. Faktor sporta v razvitii rossiiskoi vneshnei politiki «myagkoi silY» // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 2. S. 183–186.].

10. Живоглядов Н. «Один из величайших лидеров». Встреча Конора и Путина на финале ЧМ-2018: подарил бутылку виски и напярэг охрану // Sports.ru. 10.05.2023. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/puncher/3135825.html> (дата обращения: 04.10.2023). [Zhivoglyadov N. «Odin iz velichaisikh liderov». Vstrecha Konora i Putina na finale CHM-2018: podaril butylku viski i napryag okhranu // Sports.ru. 10.05.2023. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/puncher/3135825.html> (data obrashcheniya: 04.10.2023).].

11. Звягина Д. А. Роль Россотрудничества в применении «мягкой силы» Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (29). С. 111–113. [Zvyagina D. A. Rol' Rossotrudnichestva v primenenii «myagkoi silY» Rossiiskoi Federatsii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 3-2 (29). S. 111–113.].

12. Игоница Е. А. Спорт как фактор мягкой силы // Дружба народов без границ: экономика, общество, культура: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, студентов, школьников. Ставрополь: РИО ИДНК, 2018. С. 547–549. [Igonina E. A. Sport kak faktor myagkoi sily // Druzhba narodov bez granits: ehkonomika, obshchestvo, kul'tura: Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov, studentov, shkol'nikov. Stavropol': RIO IDNK, 2018. S. 547–549.].

13. Леонтьев Е. Д. Спорт как элемент «мягкой силы» в арсенале средств внешнеполитической деятельности государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1 (846). С. 40–44. [Leont'ev E. D. Sport kak ehlement «myagkoi sily» v arsenale sredstv vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti gosudarstva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2022. № 1 (846). S. 40–44.]
14. Маков М. О. «Мягкая сила» Российской Федерации: спорт как инструмент эффективной внешней и внутренней политики // Студенческий. 2021. № 20-4 (148). С. 38–40. [Makov M. O. «Myagkaya sila» Rossiiskoi Federatsii: sport kak instrument ehffektivnoi vneshnei i vnutrennei politiki // Studencheskii. 2021. № 20-4 (148). S. 38–40.]
15. Марголис Н. Ю., Пахомова Е. А., Федотова М. И. Особенности современной либертарной критики феномена «большого спорта» // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 2. С. 60–65. [Margolis N. YU., Pakhomova E. A., Fedotova M. I. Osobennosti sovremennoi libertarnoi kritiki fenomena «bol'shogo sporta» // Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii. 2014. № 2. S. 60–65.]
16. Най-младший Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 32–38. [Nai-mladshii Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI. 2004. № 10. S. 32–38.]
17. Наумов А. О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. 2017. № 4. С. 32–43. [Naumov A. O. Sportivnaya diplomatiya kak instrument «myagkoi sily» // Mirovaya politika. 2017. № 4. S. 32–43.]
18. Неймарк М. А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и К°, 2017. 270 с. [Neimark M. A. «Myagkaya sila» v mirovoi politike. M.: Dashkov i K°, 2017. 270 s.]
19. Ковба Д. М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2017. 38 с. [Kovba D. M. «Myagkaya sila» kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochno-aziatskogo regiona: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. Ekaterinburg, 2017. 38 s.]
20. Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Институциональная экономика: значимость при подготовке студентов гуманитарных специальностей // Великие реки – 2020. Труды 22-го международного научно-промышленного форума. Н. Новгород: ВГУВТ, 2020. С. 187. [Pakhomova E. A., Fomenkov A. A. Institutsional'naya ehkonomika: Znachimost' pri podgotovke studentov gumanitarnykh spetsial'nostei // Velikie reki – 2020. Trudy 22-go mezhdunarodnogo nauchno-promyshlennogo foruma. N. Novgorod: VGUVT, 2020. S. 187.]
21. Русакова О. Ф., Корнеева В. А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 195–207. [Rusakova O. F., Korneeva V. A. Sport kak sfera primeneniya «myagkoI» i «zhestkoI» sil politicheskogo vliyaniya // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2016. T. 5. № 5A. S. 195–207.]
22. Рустамова Л. Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2016. 29 с. [Rustamova L. R. «Myagkaya sila» vo vneshnei politike sovremennoi Germanii: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. M., 2016. 29 s.]
23. Рустамова Л. Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 118–128. [Rustamova L. R. Osobennosti «myagkoi sily» vo vneshnei politike FRG // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. № 1 (46). S. 118–128.]
24. Скворцова Т. А. Причины роста популярности ММА // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 285–288. [Skvortsova T. A. Prichiny rosta populyarnosti MMA // Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva. 2020. № 9. S. 285–288.]
25. Слепухина Д. Сатоши Ишии: Путин – лучший в мире политик // FIGHTru 06.07.2023. URL: <https://fight.ru/interview/satoshi-ishii-putin-luchshij-v-mire-politik/> (дата

обращения: 04.10.2023). [Slepukhina D. Satoshi Ishii: Putin – luchshii v mire politik // FIGHTru 06.07.2023. URL: <https://fight.ru/interview/satoshi-ishii-putin-luchshij-v-mire-politik/> (data obrashcheniya: 04.10.2023).].

26. Смирнова Е. В., Трошкова А. В. Олимпийский спорт как инструмент мягкой силы в политике // Культурологические чтения – 2022. Культурное наследие и актуальные культурные практики: репрезентации, трансформации, перспективы: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–18 марта 2022 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 375–379. [Smirnova E. V., Troshkova A. V. Olimpiiskii sport kak instrument myagkoi sily v politike // Kul'turologicheskie chteniya – 2022. Kul'turnoe nasledie i aktual'nye kul'turnye praktiki: reprezentatsii, transformatsii, perspektivy: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 15–18 marta 2022 g.). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. S. 375–379.].

27. Сычев М. С. К вопросу об особенностях административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства // NovaUm.Ru. 2021. № 30. С. 22–24. [Sychev M. S. K voprosu ob osobennostyakh administrativno-pravovogo statusa inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva // NovaUm.Ru. 2021. № 30. S. 22–24.].

28. Терехов М. С. Спортивные соревнования как инструмент «мягкой силы» // Актуальные проблемы современной политической науки: Сб. научн. тр. / Под ред. М. С. Арканниковой. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. Вып. 17. 264–271. [Terekhov M. S. Sportivnye sorevnovaniya kak instrument «myagkoi sily» // Aktual'nye problemy sovremennoi politicheskoi nauki: Sb. nauch. tr. / Pod. red. M. S. Arkannikovoi. SPb.: POLITEKH-PRESS, 2022. Vyp. 17. 264–271.].

29. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2013. 49 с. [Filimonov G. YU. Rol' «myagkoi sily» vo vneshnei politike SSHA: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.04. M., 2013. 49 s.].

30. Харитоновна Е. М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2017. 24 с. [Kharitonova E. M. «Myagkaya sila» vo vneshnei politike gosudarstva: opyt Velikobritanii (vtoraya polovina 1990-kh – 2010-e gg.): Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. M., 2017. 24 s.].

31. Черкасова П. В. Спорт как инструмент мягкой силы в международных отношениях // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Т. 2. № 12-1. С. 269–272. [Cherkasova P. V. Sport kak instrument myagkoi sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskii natsional'nyi universitet». 2020. T. 2. № 12-1. S. 269–272.].

Примечание:

Фоменков А. А. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта.

Рыбкина О. С. – написание разделов «Введение», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Пахомова Е. А. – написание разделов «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Никитин А. В. – написание разделов «Обзор литературы», «Материалы и методы».

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ ЕСТЬ НОНСЕНС? (К ВОПРОСУ О СОВЕТСКОМ ОПЫТЕ)

*Е. А. Пахомова¹, Д. Е. Руденко²,
С. В. Устинкин³, А. А. Фоменков⁴*

¹*Волжский государственный университет водного транспорта,
Нижний Новгород, Россия*

²*Нижегородский институт Международного инновационного
университета, Нижний Новгород, Россия*

³⁻⁴*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье анализируются отдельные значимые аспекты развития судов в СССР. Авторами исследовались особенности функционирования товарищеских судов. Сделаны выводы относительно как эффективности последних, так и более общих вопросов, связанных с правосудием и ролью граждан в его осуществлении.

Ключевые слова: правосудие, СССР, суды, товарищеские суды, функции, государство, общество.

IS PUBLIC JUSTICE NONSENSE? (TO THE QUESTION OF THE SOVIET EXPERIENCE)

*Elizaveta A. Pakhomovova¹, Dmitry E. Rudenko²,
Sergey V. Ustinkin³, Artjom A. Fomenkov⁴*

¹*Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia*

²*Nizhny Novgorod Institute of International Innovation University,
Nizhny Novgorod, Russia*

³⁻⁴*Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. This article analyzes some significant aspects of the development of courts in the USSR. The authors investigated the peculiarities of the functioning of friendly courts. Conclusions are drawn regarding both the effectiveness of the latter and more general issues related to justice and the role of citizens in its implementation.

Keywords: justice, USSR, courts, friendly courts, functions, state, society.

Введение

В разных государствах и в разные эпохи существовали отличающиеся друг от друга модели участия населения в осуществлении правосудия [14, с. 184; 23, с. 164]. Даже сейчас наличествует как минимум две модели – суд присяжных (действует в том числе и в Российской Федерации) и суд шэффенов. Нет ничего удивительного в том, что и в советский период

граждан привлекали к функционированию судов (в те годы подчеркивалось, что советский суд – отнюдь не шеффенский [1, с. 239]).

Отметим, что в советских реалиях имело место особое представление о праве. Так, советские теоретики следовали за К. Марксом и Ф. Энгельсом, писавшими в «Манифесте Коммунистической партии», что «...право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса (буржуазии. – *Авт.*), воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [13, с. 443]. Важно отметить, что «участие трудящихся в деятельности советского суда было закреплено в первом же законодательном акте по судоустройству и судопроизводству...» [16, с. 5]. Подчеркивалась (особенно в первые годы советской власти) задача сделать суд поистине народным институтом. Так, например, В. И. Ленин отмечал, что «наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое» [12, с. 197].

Обзор литературы

Наиболее изученным в контексте настоящей статьи следует признать участие граждан в судебных заседаниях в качестве народных заседателей. Напомним, что в советский период народные заседатели в отличие от современных присяжных участвовали в процессах не только по уголовным, но и по гражданским (включая, например, бракоразводные процессы) делам [19, с. 6–8].

Напомним также, что функционировали в советские годы и так называемые товарищеские суды, исследованные в меньшей степени [24, с. 116]. Пермский исследователь Ю. Г. Белоногов справедливо отмечал, что «...институт товарищеских судов был закреплен Декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1919 года и в последовательно сменявшихся форматах (рабочие дисциплинарные товарищеские суды, товарищеские суды, производственно-товарищеские суды) с некоторыми изменениями в порядке формирования, подсудности, вопросов сферы компетенции и полномочий просуществовал на протяжении большей части советской истории» [2, с. 436].

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования является диалектический подход, и в частности принцип взаимосвязи общего и единичного. Применялись прежде всего общелогические методы исследования. Использовался также сравнительно-исторический метод.

Результаты исследования

Появление товарищеских судов в советской правовой системе напрямую связано с ленинской концепцией массового привлечения общественности к правосудию, что ранее нашло отражение в Декрете СНК РСФСР от 14 ноября 1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских

судах». Дальнейшая их деятельность была детерминирована программами КПСС, указами Президиумов Верховных Советов союзных республик, Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1965 года «О практике передачи судами дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов» [17], Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 года «О дальнейшем совершенствовании деятельности товарищеских судов», Положением о товарищеских судах, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 11 марта 1977 года, уголовными кодексами республик СССР и др. [4, с. 109]

Декларировалось, что товарищеские суды являются выборными общественными органами, созданными по решению общих собраний рабочих, служащих, колхозников, учащихся, жильцов крупного дома, села или поселка. Минимальный коллектив для создания – сначала 100 человек [20, с. 2; 21, с. 7], затем порог был уменьшен до 50 человек [10, л. 4]. Практика показала, что в основном в товарищеские суды избирались люди в возрасте, обладавшие жизненным опытом [7, с. 116].

Функции товарищеских судов были обширными. Они рассматривали трудовые споры, а также административные правонарушения и возникающие в коллективах спорные ситуации, имеющие гражданско-правовой характер [3; 22]. В отдельных случаях, по сути, были созданы возможности и для участия товарищеских судов в разбирательстве по уголовным делам (мелкие хищения собственности, мелкая спекуляция, мелкое хулиганство и другие, имеющие незначительную общественную опасность [9, л. 9–10]). Подчеркнем, что изначально ситуация была иной, а в п. 10 Декрета «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» указывалось следующее: «В случае обнаружения судом признаков уголовного или гражданского правонарушения дело немедленно передается судом в соответствующее судебное учреждение Советской Республики» [5]. Кроме того, декларировалась большая воспитательная роль товарищеских судов [17], однако изначально после установления советской власти эта функция возлагалась на суд как институт в целом [4, с. 11].

Усиление позиций товарищеских судов было связано с идеей о возможности построения в обозримом будущем коммунизма, циркулировавшей в советской элите на рубеже 1950–1960-х годов [18, с. 51]. Именно этим объяснялось стремление дать больше полномочий общественным организациям.

Особо отметим, что в таком важном нормативно-правовом акте, как Основы законодательства о судеустройстве Союза ССР от 25 декабря 1958 года [15], о товарищеских судах речи не шло вообще. То есть означенный институт не являлся частью системы советского правосудия (о судебной ветви власти не пишем, ибо в СССР разделения властей не существовало).

Видный советский правовед Т. Н. Добровольская придерживалась мнения, что товарищеские суды вообще не участвовали в осуществлении правосудия, так как последнее существовало исключительно как государственное [6, с. 5]. Представления о наличии в СССР «общественного правосудия» (с точки зрения сторонников наличия последнего, общественное

правосудие как раз и выражалось в деятельности товарищеских судов) Т. Н. Добровольской не разделялись. Адептов этой точки зрения – А. Т. Баженова, В. К. Пучинского и А. П. Чугаева – она подвергала резкой критике [6, с. 6]. Роль товарищеских судов она сводила в основном именно к воспитательной функции, о которой уже упоминалось выше [6, с. 10].

Обсуждение и заключение

Закономерен и вопрос: а насколько оправдали себя товарищеские суды в СССР? Исследовательница из Санкт-Петербурга С. В. Ремнева писала, что «в результате деятельности товарищеских судов значительно сокращалось количество дел в народных судах, также сокращалось поступление жалоб по нарушению правил общественного порядка и по различным бытовым конфликтам в исполкомы и депутатам избирательных округов» [18, с. 53]. Однако такого рода количественные показатели были характерны далеко не для всех регионов. Так, например, «заведующий отделом юстиции горьковского облисполкома отмечал, что некоторые товарищеские суды г. Горького начиная с 1965 г. по существу бездействовали» [9, с. 50]. Яркий пример, подтверждающий приведенный выше тезис: «на таком передовом предприятии, как “Маяк”, в 1970 г. было совершено 469 нарушений трудовой дисциплины, а товарищеские суды рассмотрели лишь три дела» [9, с. 50]. Еще более критичен и категоричен в своих оценках товарищеских судов был экс-сотрудник милиции, петербургский литератор А. Кивинов [8, с. 35].

Итак, товарищеские суды вписывались в представления советских элит о противодействии преступности. Вполне можно допустить, что такого рода товарищеские суды были бы более эффективными в реалиях иных государств и социумов, в которых наличествует развитое гражданское общество и существуют настоящие комьюнити, о которых часто пишут современные урбанисты [11, с. 19]. Не то что элементом правосудия, но даже действенным элементом перевоспитания граждан товарищеские суды не стали. На вопрос о том, возможно ли общественное правосудие, ответим, опираясь на советский опыт, что лишь в очень ограниченных случаях, причем только при условии развитого гражданского общества, да к тому же и в реалиях скорее статично проживающего, нежели мобильного в плане миграции населения.

Библиография

1. Аврах Я. С. Участие народных заседателей в осуществлении правосудия по уголовным делам: Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.00. М., 1960. 254 с. [Avrakh Ya. S. Uchastie narodnykh zasedatelei v osushchestvlenii pravosudiya po ugovolnym delam: Dis. ... kand. jur. nauk: 12.00.00. M., 1960. 254 s.]
2. Белоногов Ю. Г. Показательные суды на производстве за нарушения трудовой дисциплины в городах Молотовской области в 1940 // Современный город: власть, управление, экономика. 2022. Т. 1. С. 434–448. [Belonogov Yu. G. Pokazatel'nye sudy na proizvodstve za narusheniya trudovoi distsipliny v gorodakh Molotovskoi oblasti v 1940 // Sovremennyi gorod: vlast', upravlenie, ehkonomika. 2022. T. 1. S. 434–448.]

3. Гаврилова А. В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 106–119. [Gavrilova A. V. Fenomen narodnogo uchastiya v sovetskoj modeli pravosudiya i ego preemstvennost' na postsovetskom prostranstve // Zhurnal rossiiskogo prava. 2020. № 9. S. 106–119.].
4. Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М.: Госюриздат, 1962. 255 с. [Galkin B. A. Sovetskii ugovovno-protsessual'nyi zakon. M.: Gosyurizdat, 1962. 255 s.].
5. Декрет. Совета народных комиссаров РСФСР от 14 ноября 1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» (Положение). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4046#Y3f3j3UIfKibd0du> (дата обращения 05.02.2024). [Dekret Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 14 noyabrya 1919 goda «O rabochikh distsiplinarnykh tovarishcheskikh sudaKH» (Polozhenie). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4046#Y3f3j3UIfKibd0du> (data obrashcheniya 05.02.2024).].
6. Добровольская Т. Н. Понятие советского социалистического правосудия // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. 1963. Вып. 16. С. 3–45. [Dobvol'skaya T. N. Ponyatie sovetskogo sotsialisticheskogo pravosudiya // Uchenye zapiski Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk. 1963. Vyp. 16. S. 3–45.].
7. Заровнева Г. С. Проблемы повышения социальной активности народных заседателей: при рассмотрении уголовных дел в районном, городском народном суде: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Харьков, 1981. 214 с. [Zarovneva G. S. Problemy povysheniya sotsial'noi aktivnosti narodnykh zasedatelei: pri rassmotrenii ugovovnykh del v raionnom, gorodskom narodnom sude: Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Khar'kov, 1981. 214 s.].
8. Кивинов А. Кошмар на улице Стачек: [Повести]. СПб.: Нева, 2000. 396 с. [Kivinov A. Koshmar na ulitse Stachek: [Povesti]. SPb.: Neva, 2000. 396 s.].
9. Киселева А. В. Самый справедливый суд в мире (о деятельности товарищеских судов Горьковской области в 1965–1972 гг.) // Вестник Нижегородского института управления. 2017. № 1 (42). С. 49–51. [Kiseleva A. V. Samyi spravedlivyi sud v mire (o deyatelnosti tovarishcheskikh sudov Gor'kovskoi oblasti v 1965–1972 gg.) // Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya. 2017. № 1 (42). S. 49–51.].
10. Клаванский Б. Л. О товарищеских судах. Рига: [б.и.], 1962. 47 л. [Klavanskii B. L. O tovarishcheskikh sudakh. Riga: [b.i.], 1962. 47 l.].
11. Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 15–29. [Kurennoi V. Sila slabykh svyazei. Gorozhanin i pravo na odinochestvo // Gorozhanin: chto my znamo o zhitele bol'shogo goroda? M.: Strelka Press, 2017. S. 15–29.].
12. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 36. С. 165–208. [Lenin V. I. Ocherednye zadachi sovetskoj vlasti // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1974. T. 36. S. 165–208.].
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 419–459. [Marks K., Ehngel's F. Manifest Kommunisticheskoi partii // Marks K., Ehngel's F. Sochineniya / izd. 2-e. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. T. 4. S. 419–459.].
14. Николаев В. В., Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Народное представительство в судопроизводстве: политическое измерение // Государство, общество, личность: история и современность. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. С. 184–188. [Nikolaev V. V., Pakhomova E. A., Fomenkov A. A. Narodnoe predstavitel'stvo v sudoproizvodstve: politicheskoe izmerenie // Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost': istoriya i

sovremennost'. Sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza: Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2020. S. 184–188.].

15. Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик; [Закон об утверждении Основ законодательства о судостроительстве]. М.: Госюриздат, 1960. 14 с. [Osnovy zakonodatel'stva o sudostroistve Soyuza SSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik; [Zakon ob utverzhdenii Osnov zakonodatel'stva o sudostroistve]. М.: Gosyurizdat, 1960. 14 s.].

16. Понеделков М. И. Участие народных заседателей в рассмотрении уголовных дел и предупреждении преступлений: Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. М., 1972. 205 с. [Ponedelkov M. I. Uchastie narodnykh zasedatelei v rassmotrenii ugovolnykh del i preduprezhdenii prestuplenii: Dis. ... kand. ur. nauk: 12.00.08. М., 1972. 205 s.].

17. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1965 года № 1 «О практике передачи судами дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/9053833> (дата обращения 05.02.2024). [Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 9 aprelya 1965 goda № 1 «O praktike peredachi sudami del i materialov na rassmotrenie tovarishcheskikh sudov». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/9053833> (data obrashcheniya 05.02.2024).].

18. Ремнева С. В. Участие населения в работе правоохранительной системы в период хрущевской «оттепели» // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 3 (35). С. 50–54. [Remneva S. V. Uchastie naseleniya v rabote pravookhranitel'noi sistemy v period khrushchevskoi «otpeleI» // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2016. № 3 (35). S. 50–54.].

19. Сабалиев Б. Народные заседатели в советском суде. Алма-Ата: Казахстан, 1970. 48 с. [Sabaliev B. Narodnye zasedateli v sovetskom sude. Alma-Ata: Kazakhstan, 1970. 48 s.].

20. Саркисов А. И. Производственно-товарищеские суды: (Памятка для работников ФЗМК и производственно-товарищеских судов). Баку: Азернешр, Массовый отд., 1934. 23 с. [Sarkisov A. I. Proizvodstvenno-tovarishcheskie sudy: (Pamyatka dlya rabotnikov FZMK i proizvodstvenno-tovarishcheskikh sudov). Baku: Azerneshr, Massovyi otd., 1934. 23 s.].

21. Склярский И. А., Гинзбург В. С. Товарищеские суды при жилищно-коммунальных объединениях. М.: Советское законодательство, 1932. 56 с. [Sklyarskii I. A., Ginzburg V. S. Tovari-shcheskie sudy pri zhibo-''edineniyakh. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1932. 56 s.].

22. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 года «Об утверждении “Положения о товарищеских судах”». URL: <https://e-ecolog.ru/docs/RBwrXng2anjLI1HJmf8xZ> (дата обращения 05.02.2024). [Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 3 iyulya 1961 goda «Ob utverzhdenii “Polozheniya o tovarishcheskikh sudaKH”». URL: <https://e-ecolog.ru/docs/RBwrXng2anjLI1HJmf8xZ> (data obrashcheniya 05.02.2024).].

23. Устинкин С. В., Савченко И. А., Самсонов А. И. Справедливость и законность в фокусе поколенческих и социально-экономических отличий // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 162–166. [Ustinkin S. V., Savchenko I. A., Samsonov A. I. Spravedlivost' i zakonnost' v fokuse pokolencheskikh i sotsial'no-ehkonomicheskikh otlichii // Vestnik ehkonomiki, prava i sotsiologii. 2021. № 1. S. 162–166.].

24. Факурдинова А. Г. Квзисудебные органы советской системы (Историографический аспект) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 113–117. [Fakurdinova A. G. Kva-zisudebnye organy sovetskoi sistemy (Istoriograficheskii aspekt) // Manuscript. 2019. T. 12. № 10. S. 113–117.].

Примечание:

Пахомова О. А. – написание разделов «Введение», «Обзор литературы», «Материалы и методы».

Руденко Д. Е. – написание раздела «Результаты исследования».

Фоменков А. А. – написание раздела «Результаты исследования».

Устинкин С. В. – написание разделов «Результаты исследования» и «Обсуждение и заключение».

УДК 327

МИРОТВОРЧЕСТВО В АФРИКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ

Д. С. Коршунов¹, А. А. Нелидова², А. А. Халиуллина³

*¹⁻³Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется роль ООН и Африканского союза в миротворческих операциях в Африке. Во второй половине XX века миротворчество на континенте осуществлялось под эгидой ООН. Однако в начале XXI века новая организация – Африканский союз – стала претендовать на важную роль в миротворческих усилиях в регионе. Это ставит важную теоретическую и практическую проблему координации действий различных организаций для эффективного осуществления миротворческой деятельности. В статье на основе сравнительного институционального анализа выявляются сильные и слабые стороны миротворческой деятельности ООН и Африканского союза и обосновывается целесообразность их взаимодействия. Проблемы Африки имеют не только региональное, но и глобальное значение. В частности, в Африке проверяется способность международного сообщества предлагать и обеспечивать эффективные модели решения общих проблем. Это делает актуальным вопрос о новой конфигурации глобального управления в XXI веке. Фиксируемая в статье тенденция к формированию комплексного режима безопасности в Африке, основанного на сочетании усилий глобальных (ООН и «великие державы»), региональных (Африканский союз) и субрегиональных игроков, отражает процесс формирования многополярного мира.

Ключевые слова: Африка, миротворчество, Организация Объединенных Наций, Африканский союз.

PEACEKEEPING IN AFRICA: TRANSFORMATION
OF ORGANIZATIONAL APPROACHES

Dmitry S. Korshunov¹, Alexandra A. Nelidova², Anastasiia A. Khaliullina³

*¹⁻³Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. The article examines the role of the UN and the African Union in peacekeeping operations in Africa. In the second half of the 20th century, peacekeeping on the continent was carried out under the auspices of the United Nations. However, at the beginning of the 21st century, a new organization, the African Union, began to claim an important role in peacekeeping efforts in the region. This poses an important theoretical and practical problem of coordinating the activities of various organizations for the effective implementation of peacekeeping activities. Based on a comparative institutional analysis, the article identifies the strengths and weaknesses of the UN and African Union peacekeeping activities and substantiates the expediency of their interaction. Africa's problems are not only of regional, but

also of global importance. In particular, in Africa, the ability of the international community to propose and provide effective models for solving common problems is being tested. This makes the issue of a new configuration of global governance in the 21st century relevant. The tendency recorded in the article towards the formation of an integrated security regime in Africa based on a combination of efforts by global (UN and “great powers”), regional (African Union) and subregional players reflects the process of formation of a multipolar world.

Keywords: Africa, peacekeeping, United Nations, African Union.

Введение

В истории современного мира Африканский континент всегда отличался конфликтностью ввиду сложной исторической судьбы. Африка пережила множество колониальных войн и делений, режим апартеида, сотни лет рабовладельчества, что стало причиной крайне неоднородного языкового, этнического и политического состава ее населения, а также множества проблем, вследствие которых индустриальное и социально-политическое развитие африканских государств отстало на десятки лет. Обеспечение мира и международной безопасности стало особенно проблематичным на Африканском континенте в конце XX – начале XXI века, поскольку к этому времени в регионе обострились социально-политические и экономические проблемы, среди которых можно выделить крайне высокий уровень бедности, религиозно-этнические разногласия, недовольство политикой властей, споры за территории и ресурсы [2, с. 34]. Тема миротворческой деятельности и защиты гражданского населения в Африке является весьма актуальной, поскольку в настоящий момент континент представляет собой нестабильный регион с множеством локальных конфликтов, базу для большого числа террористических групп и часто источник эпидемий. Нужно отметить, что африканские конфликты отличаются тем, что каждый из них уникален и требует детального изучения и большого внимания со стороны мирового сообщества для его разрешения. В одних государствах требуется защитить этнические меньшинства, усилить армию и властный аппарат, в других – стимулировать развитие социально-экономической сферы, снизить уровень эксплуатации природных ресурсов со стороны правительств и иностранных государств и т. д. Кроме того, ввиду глобальности современного мира проблемы отдельного региона могут стать проблемами всего человечества. К сожалению, когда в государствах возникают серьезные проблемы, больше всего страдает население этих государств. Так, например, во время геноцида в Руанде погибло несколько сотен тысяч человек, что просто немыслимо для второй половины XX века, когда все мировое сообщество, пережив две мировые войны, старалось во что бы то ни стало держать курс на бесконфликтный миропорядок. Поэтому эффективное содействие африканским государствам в решении их проблем – вопрос мировой важности. А миротворческие миссии на территории Африки – один из наиболее эффективных способов ускорить решение этих проблем и стабилизировать регион. Исходя из этого, целью данного исследования является выявление роли миротворцев в африканских

конфликтах и оценка эффективности миротворческой деятельности в этом регионе. Помимо этого, необходимо на основе анализа прошедших событий и современной ситуации сделать предположения о возможных перспективах развития региона в целом.

В работе содержится анализ текущей ситуации, а также исторических событий, которые переживал Африканский континент, роли в этих событиях миротворцев Организации Объединенных Наций. Кроме того, в работе выявляются проблемы, с которыми столкнулось мировое сообщество на пути к обеспечению мира в Африке. Отмечается важность нахождения устойчивых решений для многих региональных конфликтов в Африке. Такие конфликты, как, например, в Южном Судане и Демократической Республике Конго, имеют серьезные последствия для мирного населения и препятствуют развитию стран. Миротворческие усилия ООН направлены на нахождение долгосрочных решений для этих конфликтов и обеспечение безопасности и стабильности в регионе.

Наконец, статья отмечает важность дальнейшего анализа роли ООН в обеспечении мира в Африке. Несмотря на достигнутые результаты, многие вызовы и проблемы остаются нерешенными. Дальнейшее изучение эффективности миротворчества и оценка его воздействия на ситуацию в Африке могут быть полезными для разработки стратегии и подходов, которые помогут региону достичь долгосрочного мира и развития.

Обзор литературы

В настоящее время Африка является зоной повышенного интереса со стороны международного сообщества не только в геополитическом плане, но и в научном, поэтому можно найти значительное количество трудов, посвященных этому региону. При написании данной работы особое внимание было уделено исследованиям, посвященным конкретным африканским конфликтам. Это, например, «Кризис в районе Великих озер: Руанда, Бурунди, Заир» П. В. Кукушкина и Д. В. Поликанова [8], «Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию» Д. В. Поликанова [11], «Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго» Г. М. Сидоровой [13]. При написании статьи также были использованы труды российских и советских ученых востоковедов и африканистов, таких как Р. Н. Исмагилова [5], В. М. Татаринцев [17] и др.

Также работа основана на изучении результатов зарубежных исследований конфликтов и миротворчества в Африканском регионе. Среди них можно выделить труд О. Бабатолла «Внешняя политика Нигерии в контексте проблем безопасности в западноафриканском регионе» [1], «Гражданские войны в Африке: корни и разрешение» Р. О. Мэтьюса [31], «Адаптация к победе: как повстанцы сражаются и побеждают иностранные государства в войне» Н. Катарики [27], «Война и конфликт на Среднем Востоке и в Северной Африке» Э. Ахрама [21].

Особо стоит отметить периодическое издание Российской академии наук «Учебные записки института Африки», в котором публикуются как отечественные, так и зарубежные специалисты в области африканистики [6]. Статьи журнала охватывают широкий спектр вопросов по Африканскому континенту.

Роль международных организаций (в частности, ООН и Африканского союза) в процессах миротворчества анализировалась следующими авторами: С. А. Бокерия [3], И. Р. Ютяева [18], Т. С. Денисова [4], П. Уильямс [36], К. Апуули [22].

Тем не менее в вышеперечисленных работах не проводится сравнительный анализ сильных и слабых сторон ООН и Африканского союза в осуществлении миротворческих операций в Африке. Изучению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы и данные ООН [32] и Африканского союза [30] о конфликтах и миротворческих операциях на Африканском континенте.

Основным в данной работе выступил метод сравнительного институционального анализа, который позволил выявить и сопоставить сильные и слабые стороны миротворческой деятельности ООН и Африканского союза в Африке. В работе также применяются системный, исторический и конфликтологический подходы с целью выявления характеристик конфликтов и миротворческих операций в странах Африки, а также методы сбора и систематизации информации из открытых источников.

Результаты исследования

Высокая конфликтность в Африканском регионе появилась сравнительно недавно. Важнейшим международным процессом второй половины XX века была деколонизация, несколько десятков стран обрели суверенитет, освободившись от продолжительного гнета и зависимости от других стран. Это произошло благодаря распространению идей о правах и свободах, равноправия народов во всем мире, а также гуманизма. В 1960 году 17 государств Африканского региона получили независимость, что было закреплено в символическом словосочетании «год Африки» [10].

Добиваясь свободы и независимости, государства используют различные методы, начиная от переговоров и заканчивая военными восстаниями. В процессе конфликтов мирное население практически всегда находится под угрозой, и иногда стороны – зачинщики мятежа не могут самостоятельно положить конец противоборству. В таких ситуациях часто применяются миротворческие миссии, чтобы создать безопасные условия для разрешения конфликта, а также проконтролировать обстановку в регионе. Миротворческие миссии получают поддержку от Организаций Объединенных Наций, других организаций мирового масштаба, а также от крупных и влиятельных государств [7].

Генеральная Ассамблея ООН аккумулирует средства обеспечения деятельности миротворческих миссий, основываясь на специальной системе, которую разработали сами государства – члены организации. Данная система учитывает экономический потенциал стран-участниц, а также особую роль и ответственность постоянных членов Совета Безопасности, которые несут повышенные расходы на поддержание международной безопасности [19].

Миротворческий контингент представляет собой многонациональные силы под командованием ООН. Необходимо подчеркнуть, что своей армии у организации нет, войска на добровольной основе предоставляются странами-участницами, а также часть миротворческих сил составляют гражданские сотрудники ООН. Те страны, которые предоставляют ООН войска, сохраняют за ними полный контроль. Миротворцы играют роль нейтральной третьей стороны в конфликте, обеспечивая безопасность жителей региона, в то время пока уполномоченные лица решают конфликт на высшем уровне. Стоит отметить, что существует два типа миротворческих операций – наблюдательные миссии и операции с участием миротворческих сил. Члены наблюдательных миссий безоружны, а участники операций второго типа вооружены и имеют право применять оружие [9]. Если говорить об африканских конфликтах, здесь чаще всего ведутся миссии обоих типов, поскольку далеко не все конфликты решены и даже в уже завершенных конфликтах время от времени могут возникать отдельные очаги насилия.

Миротворчество под эгидой ООН активно использует потенциал структур «третьего сектора». Большое число международных гуманитарных организаций, таких как Международный комитет Красного Креста, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Всемирная продовольственная программа, и многочисленные неправительственные организации участвуют в помощи гражданскому населению в Африканском регионе [15].

Несмотря на участие мирового сообщества в лице ООН в снижении конфликтности Африки, этот регион продолжает сохранять статус самого нестабильного, что может свидетельствовать о недостаточной эффективности миротворческой помощи, необходимости коррекции подходов к решению проблем региона.

Что касается миротворчества в Африке на данный момент, согласно информации *UN Peacekeepers by Country* по состоянию на 2023 год, на Африканском континенте находится больше миротворческих подразделений, чем где бы то ни было в мире. Как уже было упомянуто, так происходит потому, что последние 50 лет он является местом наибольшей нестабильности [34]. Главным образом миротворцы в Африке занимаются тем, что за счет развертывания своих подразделений обеспечивают локализацию конфликта, содействуют соблюдению мирных соглашений, предоставляют помощь в проведении выборов и поддержке государственной власти, следят за соблюдением прав и свобод человека. Разумеется, это не весь список

того, чем занимается миротворческий контингент в Африке. Деятельность миротворца подчиняется Уставу ООН, а также другим, более узконаправленным документам. В частности, Резолюции 1674 (2006) Совета Безопасности о защите гражданского населения в вооруженных конфликтах [12].

Первая миротворческая операция под эгидой ООН в Африке была проведена в Конго в 1960 году (она же *ONUC*). Эта миротворческая операция считается одной из самых массовых и кровопролитных, так как в ней было задействовано около 20 тыс. военнослужащих из 30 стран мира, а погибло 250 миротворцев и гражданских служащих. Изначально миссия была организована по просьбе государства Конго о выводе бельгийских войск из страны, но позже целью операции стало недопущение нарушения государственной целостности и политической независимости Конго [10].

Многие миротворческие миссии имеют незаконченный характер в связи с высоким риском возобновления конфликта. Самой известной такой операцией является миссия ООН в Республике Южный Судан, которая началась в 2011 году. Она же является и самой массовой операцией. Ее проведение связано с тем, что в 2011 году Южный Судан стал самым молодым государством мира и нуждался в помощи по защите своих границ, а также новой власти. С 2014 года Совет Безопасности изменил мандат операции таким образом, чтобы основная деятельность миротворцев была сосредоточена на защите гражданского населения, мониторинге соблюдения прав человека и оказании поддержки доставке гуманитарной помощи. По состоянию на февраль 2023 года в операции в Южном Судане задействовано около 20 тыс. миротворцев [14].

Существует и ряд других операций, которые имеют статус неоконченных. Так, например, миротворческая миссия по проведению референдума в Западной Сахаре началась еще в 1991 году и продолжается по сей день, поскольку сохраняется необходимость контроля за ситуацией и защиты гражданского населения [14]. Началась в 2013 году и продолжается до сих пор многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали. Целью операции было оказание поддержки переходным властям в государстве Мали и недопущение захвата власти исламистами. В настоящее время основная цель операции ООН в Мали – это предотвращение захвата власти исламистским режимом и защита мирного населения от джихадистов.

Еще одна неоконченная миссия – это операция в Абьее [14]. В 2011 году ООН отреагировала на нестабильность в данном регионе и учредила временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абьее. Участники миссии контролируют границы региона, обеспечивают движение гуманитарной помощи, а также вправе применять силу для защиты гражданского населения.

Помимо еще действующих, на Африканском континенте множество завершенных конфликтов, которые были урегулированы при содействии миротворческого контингента ООН. В их числе миссия ООН в ЦАР, в результате которой новоизбранному демократическому президенту удалось

сохранить власть. Кроме того, под контролем миротворцев были проведены выборы в законодательные органы власти, а также еще одни президентские выборы. Кроме того, силы ООН способствовали разоружению региона [8, с. 36].

Военный конфликт в Кот-д'Ивуаре также был урегулирован благодаря помощи ООН. Миссия ООН в данном государстве включала в себя контроль над вооруженными группировками, демилитаризацию региона, защиту персонала ООН и гражданского населения и, конечно, продвижение прав человека и гражданина и наблюдение за сохранением мира. В 2017 году операция ООН в Кот-д'Ивуаре завершилась. Силы ООН способствовали стабилизации положения в Республике Чад, в Эфиопии и Эритрее и еще в ряде государств [8].

Таким образом, начиная с 1960-х годов ООН провела более 30 миротворческих операций в Африке [29]. Однако с течением времени миротворческий мандат ООН стал расширяться (переход от «поддержания / сохранения мира» (*peacekeeping*) к «миростроительству» (*peacebuilding*), за счет включения политических вопросов постконфликтного урегулирования) и, как следствие, обязанности миротворцев стали менее четкими [29]. Еще одной из проблем в функционировании ООН являются противоречия между донорами миротворческих операций (богатыми странами Глобального Севера, влияющими на определение мандата миссии) и государствами, формирующими собственно миротворческие контингенты, поскольку роль последних в принятии решений ограничена. Крупнейшие доноры по различным причинам могут отказать в поддержке миротворческих усилий ООН (как это было продемонстрировано, например, США при Д. Трампе). Система принятия решений, предполагающая право вето, также может существенно ослабить миротворческий потенциал организации. Миротворческие усилия ООН в Африке также критиковались по причинам ненадлежащего управления, нерешительности перед лицом угроз мирному населению (по данным самой ООН, миротворцы отвечают лишь в одном из пяти таких случаев [25]), нарушения прав человека миротворцами [35].

На рубеже XX–XXI веков вместе с ростом конфликтности в Африке усилилась критика в адрес ООН по вопросу содействия в решении африканских проблем. В результате стало утверждаться представление о том, что пути решения проблем в Африканском регионе могут предложить именно африканские государства.

В 2002 году была создана региональная организация – Африканский союз (далее – АС), которая объединила 55 государств. Целями АС стали: обеспечение на континенте экономического и социального развития, борьба с голодом, дискриминацией, нехваткой ресурсов, а также укрепление роли африканских государств на международной арене. Отдельным пунктом указано укрепление мира, безопасности и стабильности на континенте [26]. В соответствии с программной *Agenda 2063* целью № 4 провозглашена «мирная и безопасная Африка» [20].

Ключевым органом АС в вопросах безопасности является Совет мира и безопасности, в обязанности которого входит предотвращение и разрешение конфликтов. Совет является связующим звеном между АС и другими региональными организациями в вопросах предотвращения и устранения конфликтов. Он, в отличие от Совета Безопасности ООН, не имеет постоянных членов с правом вето. Совет является основой Африканской архитектуры мира и безопасности (APSA). APSA представляет собой структуру по обеспечению безопасности и мира, а также соблюдения прав человека на Африканском континенте. В рамках комиссии Африканского союза вопросами безопасности занимается департамент по проблемам мира и безопасности [30].

Региональная организация, созданная непосредственно из африканских стран, имеет ряд вполне очевидных преимуществ в решении вопросов безопасности на континенте. Африканские народы, безусловно, глубже понимают исторический и культурный контекст проблем региона, особенности экономической, политической и социальной обстановки. Заинтересованность членов АС в решении поставленных задач, связанных с укреплением единства народов Африки, обеспечением стабильности и безопасности в регионе, значительно выше, чем у неафриканских международных организаций. Региональная организация способна оперативнее реагировать на возникающие проблемы, нежели такая глобальная структура, как ООН. Наконец, *африканские* решения для *африканских* проблем претендуют на бóльшую легитимность по сравнению с внерегиональными инициативами.

Ведущая региональная организация в силу своего положения должна стремиться играть основную роль в решении региональных проблем мира и безопасности, в том числе и организации миротворческих операций. АС выступил организатором нескольких миротворческих миссий с самого начала своей работы в 2002 году. А. В. Худайкулова выделяет 11 наиболее значимых миротворческих операций АС (8 организовано собственно АС, еще 3 носят гибридный характер с привлечением региональных экономических сообществ). Конечно же, их эффективность оценивается по-разному, но это вполне объяснимо с учетом того, что критерии оценки миротворческих операций по-прежнему остаются дискуссионными. В целом стоит отметить, что за прошедшие 20 лет АС зарекомендовал себя как важный провайдер безопасности в регионе.

Однако, несмотря на отмеченные преимущества регионального подхода к миротворчеству в Африке, Африканский союз испытывает определенные трудности на этом пути. Они касаются в основном проблем с финансированием, организацией и проведением миротворческих операций, недостатком квалифицированных кадров, политических сложностей согласования позиций различных сторон. Например, если ООН располагает специальным миротворческим бюджетом, то АС вынужден постоянно искать доноров для финансирования своих миссий [28]. Пока миротворческий

бюджет АС полностью зависит от международного сообщества, а не стран – участниц союза [23].

Одной из наиболее существенных является кадровая проблема. Вследствие высокой конфликтности региона нередко дети с раннего подросткового возраста становятся участниками боевых столкновений или испытывают самое непосредственное их влияние. В итоге что они не получают даже базового начального образования, что впоследствии приводит к тому, что сотрудники полиции и других органов защиты населения совершенно не умеют читать и писать [16]. Например, в полиции Южного Судана, а также некоторых других стран Африки отбор происходит отталкиваясь не от профессиональных требований, а от необходимости заполнить все имеющиеся вакансии. Таким образом, часто на службе по защите мирного населения оказываются люди преклонного возраста, беременные женщины, инвалиды и т. д., что ставит их жизни под угрозу, поскольку они пребывают в очагах конфликта, а также создает определенный риск жизни людей, которых они должны защищать [16]. К проблемам миротворчества под эгидой АС также следует отнести разрыв между амбициозными целями и реальными возможностями организации, сложности в обеспечении поддержки своих инициатив странами-членами.

Тем не менее нужно отметить, что региональный подход к решению проблем оказывается действенным. Последние два десятилетия именно он был ключевым в борьбе с африканскими кризисами, поскольку опыт полагания лишь на международное сообщество в лице ООН не оправдал себя. С созданием Африканского союза в 2002 году было объявлено о подходе «африканские решения для африканских проблем», что транслирует мысль о большей эффективности региональных объединений, нежели международных. Наряду с АС функции по обеспечению стабилизации в регионе выполняют и такие региональные организации, как Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Межправительственный орган по развитию (ИГАД), Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (СЕМАК) и др. Таким образом, можно заметить явную тенденцию к развитию региональной автономности Африки в вопросах разрешения конфликтов и стимулирования развития стран континента.

На основе проведенного выше сравнительного анализа сильных и слабых сторон миротворческой деятельности ООН и АС в Африке можно говорить о том, что соединение их усилий позволит компенсировать недостатки и потенциально способно дать синергетический эффект в деле обеспечения мира и безопасности в регионе.

Действительно, с момента своего образования АС активно сотрудничает с ООН в организации миротворческих операций. Осуществляется взаимодействие между Советом Безопасности ООН и Советом мира и безопасности АС. Взаимосвязь между этими двумя органами становится все более сильной, так как Африканский союз располагает информацией о том, что происходит в конфликтных зонах, а Совет Безопасности ООН

способен предоставлять финансовые и военные ресурсы для выполнения миротворческих миссий. Также стоит отметить, что между АС и Советом Безопасности выработалась схема разделения функций, поскольку Африканский союз готов организовывать операции по борьбе с вооруженными восстаниями и терроризмом, но не располагает функциональными возможностями по обеспечению достижения мира. ООН, напротив, имеет успех в обеспечении мирных соглашений, но ему трудно дается применение ограничительных мер. В целом можно отметить позитивную динамику в области сотрудничества ООН и АС в последние несколько лет [11]. ООН может санкционировать миротворческие миссии АС, а также обеспечивать их финансирование, логистику и оказывать иные виды поддержки, примером чего является миссия *AMISOM* в Сомали [28]. Развитые государства – члены ООН также могут оказывать поддержку миротворцам АС в обучении и формировании материально-технической базы операций [33]. Также стоит отметить, что АС поощряет миротворческую деятельность более субрегиональных объединений, в том числе тех, которые ведут борьбу с террористическими и вооруженными формированиями. Такой «аутсорсинг безопасности» вполне коррелирует с подходом ООН.

Таким образом, в дальнейшем возможно ожидать усиления международного участия в решении проблем континента в сотрудничестве с региональными африканскими организациями. Опыт показывает, что региональные организации лучше знакомы с истоками и особенностями проблемы, а международное сообщество готово и способно предоставлять ресурсы для решения африканских проблем. Обнаруживается тенденция к формированию в Африке «комплексного режима безопасности» [24], основанного на сочетании усилий внерегиональных и региональных организаций и отдельных государств при усиливающейся роли ключевого регионального объединения – Африканского союза.

Обсуждение и заключение

Африканский континент продолжает оставаться наиболее проблемным регионом мира в сферах безопасности, экономической стабильности и развития, голода и болезней. Миротворческие операции под эгидой международных организаций являются одним из наиболее действенных средств обеспечения мира и безопасности. Организация Объединенных Наций является ключевой международной структурой, реализующей миротворческие усилия.

Международное сообщество в лице ООН длительное время демонстрировало решимость и стремление играть определяющую роль в решении африканских проблем. Однако результаты этой деятельности носили неоднозначный характер, формируя запрос на усиление роли региональных игроков в решении региональных вопросов, результатом чего стало провозглашение принципа «африканские решения для африканских проблем». В сфере миротворческой деятельности это проявилось в возрастании роли ключевой региональной организации – Африканского союза.

Несмотря на то что взаимодействие ООН и АС в сфере миротворчества в Африке оценивается специалистами по-разному, мы заключаем, что такая совместная работа имеет позитивные результаты и потенциал развития, поскольку дает возможность компенсировать недостатки самостоятельной деятельности каждой из этих организаций. Дальнейшего и тщательного исследования заслуживает вопрос о конкретных механизмах взаимодействия ООН и Африканского союза (а также других региональных организаций) в различных миротворческих операциях.

Взаимодействие ООН и Африканского союза в сфере миротворчества в Африке, на наш взгляд, также отражает тенденцию к формированию комплексных режимов решения международных проблем с повышением в них значения регионального элемента, что является проявлением трансформации современного мироустройства в сторону многополярного мира.

Библиография

1. Бабатола О. Внешняя политики Нигерии в контексте проблем безопасности в западноафриканском регионе: 1960–2000: Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2004. 22 с. [Babatola O. Vneshnyaya politiki Nigerii v kontekste problem bezopasnosti v zapadnoafrikanskom regione: 1960–2000: Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.15. M., 2004. 22 s.].
2. Бондаренко Д. М. Африка: формирование наций и этнорасовая толерантность // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12. С. 33–39. [Bondarenko D. M. Afrika: formirovanie natsii i etnorasovaya tolerantnost' // Aziya i Afrika segodnya. 2011. № 12. S. 33–39.].
3. Бокерия С. А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 189–207. [Bokeriya S. A. Partnerstvo OON i AS v oblasti mirotvorchestva: tendentsii i problem // Vestnik mezhdunarodnyh organizatsii. 2022. T. 17. № 2. S. 189–207.].
4. Денисова Т. С. ЭКОВАС и проблемы регионального миротворчества (к 40-летию ЭКОВАС) // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9 (698). С. 37–43. [Denisova T. S. EKOVAS i problem regionalnogo mirotvorchestva (k 40-letiyu EKOVAS) // Aziya i Afrika segodnya. 2015. № 9 (698). 37–43.].
5. Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1971. 40 с. [Ismagilova R. N. Etnicheskie problemy sovremennoj Tropicheskoy Afriki: Avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. M., 1971. 40 s.].
6. Исмагилова Р. Н. Эфиопия: трудный путь к миру // Ученые записки института Африки. 2023. № 3. С. 75–93. [Ismagilova R. N. Efiopia: trudniy put' k miru // Uch'oniye zapiski institute Afriki. 2023. № 3. S. 75–93.].
7. Как мы получаем финансирование // Организация Объединенных Наций. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/how-we-are-funded> (дата обращения: 06.11.2023). [Kak mi poluchayem finansirovaniye // Organizatsiya Obiedin'onnih Natsiy. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/how-we-are-funded> (data obracheniya: 06.11.2023).].
8. Кукушкин П. В., Поликанов Д. В. Кризис в районе Великих озер: Руанда, Бурунди, Заир. М.: Ин-т Африки РАН, 1997. 212 с. [Kukushkin P. V., Polikanov D. V. Krizis v rajone Velikih ozer: Ruanda, Burundi, Zair. M.: In-t Afriki RAN, 1997. 212 s.].
9. Операции ООН по поддержанию мира // Организация Объединенных Наций. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (дата обращения: 06.11.2023). [Operatsii OON po podderzhaniyu mira // Organizatdiya Obiedin'onnyh Natsiy. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (data obrascheniya: 06.11.2023).].
10. От независимости к долгосрочной стабильности: усилия Организации Объединенных Наций в Африке // Организация Объединенных Наций. Хроника ООН. URL:

<https://www.un.org/ru/chronicle/article/22139> (дата обращения: 05.11.2023). [Ot nezavisimosti k dolgosrochnoy stabilnosti: usiliya Organizatsii Obiedin'onnih Natsiy v Afrike // Organizatsiya Obiedin'onnyh Natsiy. Hronika OON. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22139> (data obracheniya: 05.11.2023).].

11. Поликанов Д. В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М.: Ин-т Африки РАН, 1999. 191 с. [Polikanov D. V. Konflikty v Afrike i deyatel'nost' mezhdunarodnyh organizatsij po ih uregulirovaniyu. M.: Int Afriki RAN, 1999. 191 s.].

12. Резолюция 1674 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5430-м заседании 28 апреля 2006 года // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4ad6ee752.pdf> (дата обращения: 05.11.2023). [Rezolyutsiya 1674 (2006), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 5430-m zasedanii 28 aprelya 2006 goda // Organizatsiya Obiedin'onnih Natsiy. Sovet Bezopasnosti. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4ad6ee752.pdf> (data obracheniya: 05.11.2023).].

13. Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. М.: Восточная литература, 2013. 397 с. [Sidorova G. M. Vooruzhennye konflikty v Afrike na primere Demokraticheskoi Respubliki Kongo. M.: Vostochnaya literatura, 2013. 397 s.].

14. Совет Безопасности ООН. Миротворческие операции // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/peacekeeping-missions#reg17> (дата обращения 06.11.2023). [Sovet Bezopasnosti OON. Mirotvorcheskiye operatsii // Organizatsiya Obiedin'onnih Natsiy. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/peacekeeping-missions#reg17> (data obracheniya: 08.12.2023).].

15. Стаськов Н. В. Миротворчество как фактор урегулирования этнополитических конфликтов: Автореф. дис. ... канд. полит. наук 23.00.02. М., 2000. 23 с. [Stas'kov N. V. Mirotvorchestvo kak faktor uregulirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk 23.00.02. M., 2000. 23 s.].

16. Тамбовцев А. И. Особенности миссий ООН в странах Африки сквозь призму подготовки миротворцев // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3 (58). С. 6–10. [Tambovcev A. I. Osobennosti missij OON v stranah Afriki skvoz' prizmu podgotovki mirotvorcev // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. № 3 (58). S. 6–10.].

17. Татаринцев В. М. Африка в современном мире. М.: Научная книга, 2003. 321 с. [Tatarintsev V. M. Afrika v sovremennom mire. M.: Nauchnaya kniga, 2003. 321 s.].

18. Ютяева И. Р. Африканский союз в роли миротворца: миссия выполнима? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 193–203. [Yutyayeva I. R. Afrikanskii soyuz v roli mirotvortsa: missiya vpolnima? // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2021. № 3. S. 193–203.].

19. Administrative and Budgetary Committee (Fifth Committee) // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/ga/fifth/pkofinancing.shtml> (date of application: 06.12.2023).

20. Agenda 2063: Our Aspirations for the Africa we Want // African Union Commission. 2015. URL: <https://au.int/en/agenda2063/aspirations> (date of application: 10.12.2023).

21. Ahram A. I. War and Conflict in the Middle East and North Africa. URL: <https://libcat.ru/knigi/priklyucheniya/unrecognised/631677-ariel-i-ahram-war-and-conflict-in-the-middle-east-and-north-africa.html> (date of application: 07.11.2023).

22. Apuuli K. P. The African Union and Peacekeeping in Africa: Challenges and Opportunities // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. № 4. P. 667–677.

23. AU Financial Independence still a long way to go // BY PSC Report. 24.05.2021. URL: <https://issafrica.org/pscreport/psc-insights/au-financial-independence-still-a-long-way-to-go#:~:text=The%202021%20budget&text=A%20total%20of%20US%24264,for%20the%20past%20two%20decades> (date of application: 15.11.23).

24. Brosig M. Introduction: The African Security Regime Complex – Exploring Converging Actors and Policies // African Security. 2013. Vol. 6. № 3-4. P. 171–190.
25. Evaluation of the implementation and results of protection of civilians mandates in United Nations peacekeeping operations. Report of the Office of Internal Oversight Services. UN General Assembly, 2014. 26 p. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/N1425643.pdf> (date of application: 21.11.2023).
26. Constitutive Act of The African Union // African Union. 31.01.2017. URL: <https://au.int/en/constitutive-act> (date of application: 11.11.23).
27. Katagiri N. Adapting to Win. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. URL: <https://www.overdrive.com/media/4833450/adapting-to-win> (date of application: 8.11.2023).
28. Klobucista C., Ferragamo M. The Role of Peacekeeping in Africa // Council on Foreign Relations. 05.10.2021. URL: <https://www.cfr.org/background/role-peacekeeping-africa> (date of application: 12.11.2023).
29. Neethiling Th. The Entanglement between Peacekeeping and Counterterrorism // Accord. 2019. December 5. URL: <https://www.accord.org.za/ajcr-issues/the-entanglement-between-peacekeeping-and-counterterrorism/> (date of application: 10.11.2023).
30. Political Affairs, Peace and Security // African Union. URL: <https://au.int/en/paps> (date of application: 05.11.2023)
31. Taisier M. Ali, Matthews R. O. Civil Wars in Africa: Roots and Resolution. Montreal: McGill-Queen's Press, 1999. 336 p. URL: <https://www.mqup.ca/civil-wars-in-africa-products-9780773518834.php> (date of application: 10.11.2013).
32. The United Nations // URL: <https://www.un.org/ru/> (date of application: 08.11.2023).
33. Three Ways to Improve Multilateral Peacekeeping in Africa (and Beyond) // German Institute for Global and Area Studies. 2019. № 6. URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/three-ways-to-improve-multilateral-peacekeeping-in-africa-and-beyond> (date of application: 11.10.2023).
34. UN Peacekeepers by Country 2024 // URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/un-peacekeepers-by-country> (date of application: 05.11.2023).
35. Westendorf J. Sexual abuse by UN peacekeepers is shocking and shameful // ABC RN. 15.06.2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-06-15/united-nations-un-peacekeeping-sexual-exploitation-abuse/12286664> (date of application: 12.11.2023).
36. Williams P. D., Boutellis A. Partnership Peacekeeping: Challenges and Opportunities in the United Nations – African Union Relationship // African Affairs. 2014. Vol. 113. № 451. P. 254–278.

Примечание:

Коршунов Д. С. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, написание разделов «Материалы и методы», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Халиуллина А. А. – написание разделов «Введение» и «Обзор литературы».

Нелидова А. И. – написание разделов «Обзор литературы», «Результаты исследования».

РОЛЬ ФРАНЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В МАЛИ

О. А. Смирнова¹, А. А. Жигулева²

¹⁻²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

АННОТАЦИЯ. Авторы рассматривают роль Франции в разрешении конфликта в Мали, начиная с операции «Сервал» в 2013 году и заканчивая операцией «Бархан», начавшейся в 2014 году, акцентируя внимание на роли французских вооруженных сил, французской дипломатии и гуманитарных усилий Французской Республики в контексте стабилизации кризисной ситуации в стране и борьбы с экстремистскими группировками. Авторы уделяют внимание проблемам, с которыми столкнулся французский военный контингент в ходе участия в разрешении конфликта, включая вопросы легитимности и содействия местным властям. Исследование предоставляет политический и стратегический анализ действий Франции и их влияния на обстановку в Мали.

Ключевые слова: Сахель, Мали, Французская Республика, Африка, вооруженный конфликт, гуманитарный кризис, вооруженные силы, дипломатия.

FRENCH ROLE IN THE RESOLUTION OF THE ARMED CONFLICT IN MALI

Olga A. Smirnova¹, Alisa A. Zhiguleva²

*¹⁻²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. The authors examine France's role in resolving the conflict in Mali, from Operation "Serval" in 2013 to Operation "Barkhan" in 2014, focusing on the role of the French armed forces, French diplomacy and the French Republic's humanitarian efforts in the context of stabilising the crisis situation in the country and fighting extremist groups. The authors focus on the challenges faced by the French military troops during its involvement in conflict resolution, including issues of legitimacy and assistance to local authorities. The study provides political and strategic analyses of France's actions and their impact on the situation in Mali.

Keywords: Sahel, Mali, French Republic, Africa, armed conflict, humanitarian crisis, armed forces, diplomacy.

Введение

Период после окончания холодной войны характеризуется тотальными изменениями на мировой арене и появлением абсолютно новых условий, которые определяли впредь новые угрозы и вызовы безопасности. Актуальность темы исследования определяется прежде всего особой важностью африканского направления во внешней политике Франции, которой удалось не утратить своего влияния в регионе даже спустя десятилетия

после получения статуса независимых государств большинством колоний. Бывшая метрополия безусловно продолжает играть важную роль в политической и экономической сферах.

Французская Республика играет одну из главных ролей в системе обеспечения безопасности в регионе, выполняя самые различные функции: от проведения военных операций до участия в миротворческих миссиях. Одной из самых значимых военных операций Французской Республики стала операция в Мали.

Обзор литературы

Поскольку указанной тематике в российском научном сообществе уделено сравнительно небольшое внимание, то при проведении настоящего исследования использовались различные официальные, преимущественно французские, источники, заявления официальных лиц, правительственные доклады, аналитические отчеты, а также работы французских исследователей, посвященные данной проблематике.

Для понимания правовой основы проведения французских военных операций «Сервал» и «Бархан» авторы обратились к официальным резолюциям ООН. Также были внимательно изучены договоры о двустороннем сотрудничестве между странами.

Материалы и методы

Методологическая база исследования строится на системном подходе. Используется также прогностический метод, который позволяет проанализировать и спрогнозировать возможные варианты развития событий в рамках двусторонних отношений Франции и Мали.

Результаты исследования

В начале 2000-х годов Мали столкнулось с серьезным вооруженным конфликтом, который привел к политическому кризису в стране. Чтобы сохранить свое влияние в регионе, Франция приняла на себя роль лидера в урегулировании конфликта и внесла значительный вклад в усилия по достижению мира и стабильности в регионе [7].

В 2012 году вооруженные группировки установили контроль над северными регионами Мали [6], в ответ в январе 2013 года Франция вместе с правительственными войсками начала военную операцию «Сервал» [8]. Официальным основанием для развертывания французского контингента на территории Мали стало обращение временно исполняющего обязанности главы государства Д. Траоре за помощью в борьбе с сепаратистами [12]. Целями операции было остановить продвижение террористических групп, обеспечив при этом безопасность местного населения; восстановить территориальную целостность и суверенитет страны и содействовать выполнению международных соглашений, предусматривающих развертывание международных миссий [2]. В Мали французские войска работали в тесном сотрудничестве с миссией ООН (МИНУСМА) [9]. Сроки операции

не были установлены, по заявлению французского правительства, она должна была продолжаться до тех пор, пока в этом будет необходимость [1].

По оценкам Счетной палаты, общая стоимость операции составила 647 млн евро [3], итоги операции «Сервал» можно назвать успешными, так как французскому контингенту удалось вернуть контроль над северными регионами Мали, но появилась новая задача – урегулирование политического кризиса в стране [10]. В 2014 году Франция принимает решение расширить военное присутствие в Мали в рамках новой операции «Бархан» [11]. Главной миссией операции было обеспечение поддержки вооруженных сил стран-партнеров в их действиях по борьбе с террористическими группами, а также предотвращение восстановления террористических лагерей и убежищ в регионе.

В операции было задействовано 5000 военнослужащих, около 20 вертолетов, 200 транспортных средств материально-технического обеспечения, 200 единиц бронетехники, 6 истребителей, 3 беспилотника и более десятка транспортных самолетов [5].

Кроме того, действия Франции были направлены на укрепление демократических институтов в Мали, и в 2018 году она стала одной из стран, которые содействовали проведению успешных президентских выборов [13], а в 2020 году инициировала проведение международной конференции по Мали, которая была посвящена поиску политического решения конфликта в этой стране.

Также Франция сыграла ключевую роль в оказании гуманитарной помощи Мали, укреплению местных институтов и экономик региона, включая инвестиции в образование и здравоохранение, развитие сельского хозяйства и других отраслей экономики.

Итог операции: президент Франции Эммануэль Макрон 9 ноября 2022 года выступил с заявлением, что французские войска уходят из Мали; французская армия покинула Мали в августе 2022 года, после девяти лет пребывания в стране, под давлением военных, пришедших к власти в результате государственного переворота [4].

Эксперты расценивают французскую операцию как высокочрезвычайную и исчерпавшую свой вектор развития. Несмотря на достигнутые успехи в ходе двух операций, региональная террористическая угроза не исчезла, ее трансграничный характер, связанный с пустынной природой Сахельской зоны, требует нового подхода к выработке стратегии борьбы с вооруженными группировками. Более того, Франция понесла не только огромные экономические потери, но и потери среди военных (47 военнослужащих), вместе с тем жертвами стали и мирные жители.

Франция сконцентрировалась на ликвидации террористических группировок и их лидеров и при этом забыла, как важно работать над политическим измерением проблем, связанных с безопасностью в Сахеле. Так, в Мали не была проведена реформа управления и децентрализации. Силы «Бархана» в недостаточной степени учитывали внутреннюю специфику

страны и не решали региональные проблемы, также надо брать в расчет появление новых игроков в регионе.

Следует отметить, что урегулирование конфликта в Мали – это сложный и длительный процесс, требующий усилий всех заинтересованных сторон.

Кроме того, стоит учитывать, что урегулирование конфликта в Мали является только частью решения проблем терроризма и нестабильности в регионе. Другие страны этого региона, такие как Буркина-Фасо, Чад, Мавритания и Нигер, также сталкиваются с террористической угрозой и нуждаются в международной поддержке. В этом контексте роль Франции в урегулировании конфликта в Мали также может быть рассмотрена как часть более широкой миссии по борьбе с терроризмом в регионе.

Обсуждение и заключение

Итоги французского вмешательства в решение внутреннего конфликта в Мали не могут быть охарактеризованы однозначно. В настоящий момент отношения между странами остаются крайне напряженными. Это произошло после того, как французские войска покинули территорию Мали, а правительство Мали изменило свой внешнеполитический вектор, взяв курс на сближение с Россией.

Важно отметить также существование значительных «антифранцузских настроений» в бывших колониях, особенно в Сахельском регионе. В свете текущих событий эти настроения могут только усилиться. Санкции со стороны ЭКОВАС также оказывают негативное воздействие на соседей Мали, особенно на Сенегал, который сильно зависит от торговых отношений с Бамако. Французское правительство должно переосмыслить африканский вектор политики с тем, чтобы не потерять свое влияние.

Библиография

1. Громько А. А. Иммиграция, мультикультурализм и исламский экстремизм в Европе // Безопасность Европы: Кол. монография. М.: Весь Мир, 2011. С. 402–429. [Gromyko A. A. Immigratsiya, mul'tikul'turalizm i islamskii ehkstremitizm v Evrope // Bezopasnost' Evropy: Kol. monografiya. M.: Ves' Mir, 2011. S. 402–429.]
2. США строят в Нигере новую военную базу, сообщили СМИ // РИА Новости. 24.04.2018. URL: <https://ria.ru/20180424/1519257609.html> (дата обращения: 11.03.2023). [SShA stroyat v Nigere novuyu voennuyu bazu, soobshchili SMI // RIA Novosti. 24.04.2018. URL: <https://ria.ru/20180424/1519257609.html> (data obrashcheniya: 11.03.2023).]
3. Baché D. Des islamistes sont cachés parmi la population // Le Figaro. 30.01.2013. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/01/30/01003-20130130ARTFIG00662-des-islamistes-sont-caches-parmi-la-population.php> (date of application: 09.02.2023).
4. Barotte N. Emmanuel Macron officialise la fin de l'opération Barkhane // Le Figaro. 09.11.2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/emmanuel-macron-officialise-la-fin-de-l-operation-barkhane-20221109> (date of application: 24.01.2023).
5. Bonnamy J-L., Renaud G. L'immigration de masse est un scénario perdant-perdant // Le Figaro. 31.08.2018. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/2018/08/31/31002-20180831ARTFIG00306-renaud-girard-l-immigration-de-masse-est-un-scenario-perdant-perdant.php> (date of application: 12.03.2023).

6. Conseil de sécurité, Résolution 2085, 2012. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/660/68/PDF/N1266068.pdf?OpenElement> (date of application: 13.03.2023).

7. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Afrique, à Dakar le 12 octobre 2012 // République Française-Vie-publique. 12.10.2012. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/186104-declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-sur-les> (date of application: 25.02.2023).

8. Déclaration de M. Jean-Yves Le Drian, ministre de la défense, sur les interventions militaires au Mali et en Somalie, à Paris le 12 janvier 2013 // Vie publique. 12.01.2013. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/186787-declaration-de-m-jean-yves-le-drian-ministre-de-la-defense-sur-les> (date of application: 23.04.2023).

9. Interministeriel de la coopération internationale et du développement aide publique au développement: enfin une stratégie // OXFAM France. URL: <https://www.oxfamfrance.org/communiqués-de-presse/reunion-du-comite-interministeriel-de-la-cooperation-internationale-et-du-developpement-aide-publique-au-developpement-enfin-une-strategie-francaise/> (date of application: 09.02.2023).

10. Le Conseil de sécurité précise la manière de lier les activités de maintien de la paix à celles de la consolidation de la paix, 2013 // Nations Unies. 25.04.2013. URL: <https://press.un.org/fr/2013/CS10888.doc.htm> (date of application: 11.03.2023).

11. Sahel: préoccupé par le terrorisme, le Conseil de sécurité réaffirme sa volonté d'apporter une solution aux problèmes complexes d'ordre sécuritaire et politique dans la région, 2014 // Nations Unies. 27.03.2014. URL: <https://press.un.org/fr/2014/CS11535.doc.htm> (date of application: 12.03.2023).

12. Smith St. La ruée vers l'Europe. La jeune Afrique en route pour le Vieux Continent. P.: Grasset, 2012. 272 p.

13. TRAITÉ DE COOPÉRATION EN MATIÈRE DE DÉFENSE ENTRE LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE ET LA RÉPUBLIQUE DU MALI, 2014. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/14/pdf/projets/pl3498-ai.pdf> (date of application: 20.01.2023).

Примечание:

Смирнова О. А. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, написание разделов «Материалы и методы», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Жигулева А. А. – написание разделов «Введение», «Обзор литературы» и «Результаты исследования».

РАЗРЕШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАК: ОТСУТСТВИЕ ПРОГРЕССА И ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ

Д. А. Аникин¹, Я. А. Мишенков²

*¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

*¹⁻²Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лулумбы,
Москва, Россия*

АННОТАЦИЯ. В современной Республике Ирак мусульмане-сунниты составляют лишь 20 %, преобладающую же часть населения составляют мусульмане-шииты (60 %), что отражается на особенностях социальных и политических отношений в иракском обществе. Межконфессиональные и межэтнические противоречия в Ираке существовали на протяжении всей новейшей истории региона. Во многом они стали следствием мандатной политики Великобритании, которая из трех бывших провинций Османской империи образовала единое государство из разнородных сообществ в рамках своих геополитических интересов. Новое государственное образование составили территории, отличавшиеся друг от друга этноконфессиональным составом населения, что затрудняет завершение процесса консолидации гражданской нации Ирака. После вторжения США в 2003 году столкновения между религиозными и этническими группами только усилились. Внутриполитический конфликт, не утихающий со времен Иракской войны, продолжает вызывать дестабилизационные и дезинтеграционные процессы в расколотом иракском обществе, влияющие на геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. По сути, сегодня Ирак находится в состоянии распада на три этноконфессиональных сегмента: курдский север, шиитский юг и суннитский центр. Актуальность исследования современного внутриполитического конфликта в Ираке в том, что он приобрел черты интернационализации и регионального соперничества, продолжая оставаться одной из самых серьезных угроз безопасности на Ближнем Востоке. Широкое участие в войне различных государств и неправительственных боевых отрядов демонстрирует, что, несмотря на ликвидацию «халифата» ИГИЛ* на территории Ирака, ни Турция, ни Саудовская Аравия, ни Иран не желают терять контроль над теми частями единой страны, которые им удалось занять под предлогом участия в международном урегулировании конфликта. В качестве теоретико-методологической основы исследования проблемы разрешения гражданского противостояния в Ираке, которая оказывает существенное влияние на региональную безопасность всего Ближнего Востока, использовался системный метод, а для сопоставления геополитических интересов Ирана, Саудовской Аравии и Турции в Республике Ирак – сравнительный метод.

Ключевые слова: Ближний Восток, Республика Ирак, суннизм, шиизм, политический кризис, межконфессиональные конфликты, геополитика.

---

*Запрещенная в России организация.

RESOLUTION OF THE POLITICAL CRISIS IN THE MODERN REPUBLIC OF IRAQ: LACK OF PROGRESS AND CAUSES OF FAILURES

Daniil A. Anikin¹, Jaroslav A. Mishenkov²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*¹⁻²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia*

ABSTRACT. In the modern Republic of Iraq, Sunni Muslims make up only 20%, while the majority of the population are Shiite Muslims (60%), which is reflected in the peculiarities of social and political relations in modern Iraqi society. Interfaith and interethnic contradictions in Iraq have existed throughout the recent history of the region. In many ways, they were the result of the mandate policy of Great Britain, which formed a single state from three former provinces of the Ottoman Empire from diverse communities within the framework of its geopolitical interests. The new State formation consisted of territories that differed from each other in the ethnic and religious composition of the population, which makes it difficult to complete the process of consolidating the civil nation of Iraq. After the US invasion in 2003, clashes between religious and ethnic groups only intensified. The internal political conflict, which has not subsided since the Iraq War, continues to cause destabilization and disintegration processes in the divided Iraqi society, affecting the geopolitical situation in the Middle East. In fact, Iraq is currently in a state of disintegration into three ethnoconfessional segments: the Kurdish north, the Shiite south and the Sunni center. The relevance of the study of the current internal political conflict in Iraq is that it has acquired the features of internationalization and regional rivalry, continuing to remain one of the most serious threats to security in the Middle East. The widespread participation of various states and non-governmental combat detachments in the war demonstrates that, despite the elimination of the ISIS "caliphate" in Iraq, neither Turkey, Saudi Arabia, nor Iran want to lose control over those parts of a single country that they managed to occupy under the pretext of participating in an international settlement of the conflict. A systematic method was used as a theoretical and methodological basis for studying the problem of resolving the civil confrontation in Iraq, which has a significant impact on the regional security of the entire Middle East, and a comparative method was used to compare the geopolitical interests of Iran, Saudi Arabia and Turkey in the Republic of Iraq.

Keywords: The Middle East, the Republic of Iraq, Sunnism, Shiism, political crisis, sectarian conflicts, geopolitics.

Введение

Современные политические конфликты, происходящие на Ближнем Востоке, являются одними из самых острых проблем в мировой политике и влияют на актуальную международную повестку. Главным мотивом в процессе возникновения и распространения конфликтов среди различных социальных групп выступает религиозный фактор. Для ближневосточных стран религия играет важную роль в государственно-правовом строительстве политической системы, в которой подавляющее большинство населения составляют приверженцы ислама. Ислам, как традиционная религия народонаселения Ближнего Востока, выступает основой фундаментальных

ценностей арабского общества, системообразующей силой при формировании государственных и общественных институтов. В связи с наличием в современном исламе двух основополагающих ветвей, суннизма и шиизма, во многом различных в толковании догматов ислама, в современном арабском обществе возникают разногласия на межконфессиональной почве внутри мусульманской общины (уммы), вызывающие объективно политические противоречия.

Преобладающей ветвью ислама на Ближнем Востоке является суннизм, назначающий или избирающий духовных вождей и не признающий необходимости посредничества, в виде религиозных институтов, между богом (Аллахом) и человеком. В странах, исповедующих шиитские воззрения, имам служит проводником между Аллахом и человеком и за ним закреплён политико-управленческий статус в государственном устройстве в виде теократической формы правления. На протяжении тысячелетий сунниты и шииты никак не могут создать условия для мирного разрешения своих религиозных проблем, и в любой стране арабского мира внутриполитическая борьба за власть будет опираться на конфликты интересов этих двух политических сил. Если в политическом устройстве нет баланса сторонников суннитского и шиитского ислама и существует перевес в сторону одного направления, то возрастают риски этнического сепаратизма, вооружённых столкновений, способных привести к полномасштабной гражданской войне. Примером мусульманской страны, в которой межконфессиональные напряжения находятся в перманентном состоянии, является Республика Ирак.

Обзор литературы

Изучению проблем политического кризиса, внешнеполитического вмешательства и раскола общества по религиозному признаку в современной Республике Ирак посвящены многочисленные публикации, монографические и диссертационные исследования отечественных и зарубежных политологов, востоковедов, историков. При написании данной статьи авторы опирались на труды Н. В. Мамина, Л. М. Млечина, П. А. Мусихина, И. В. Рыжова, П. А. Шишлина, М. А. Шкваруна, В. Яременко, а также работы Э. Карша, К. Кацмана, Стивена К. Пеллетьера, Дж. Мелларта.

Кроме того, были изучены международные законодательные акты по урегулированию международного кризиса вокруг Республики Ирак: Резолюция Совета Безопасности ООН № 687 и № 2421, а также Письмо от постоянного представителя Ирака при ООН на имя Председателя Совета Безопасности от 18 декабря 1998 года, которое давало доказательную базу об отсутствии химического оружия в Ираке, что не помешало бомбардировкам Ирака в 1998 году и последующему вторжению США и их союзников в 2003 году.

Материалы и методы

В ходе исследования применялись материалы и методы, позволившие с максимальной степенью объективности раскрыть проблематику урегулирования политического кризиса в Республике Ирак как фактора, оказывающего влияние на региональную безопасность всего Ближнего Востока. Теоретико-методологической основой поиска разрешения проблемы гражданского противостояния в Ираке, анализа геополитических интересов Ирана, Саудовской Аравии и Турции в современной Республике Ирак послужили системный и сравнительный методы.

Результаты исследования

Внутриполитическая ситуация в Республике Ирак является одной из самых нестабильных с точки зрения региональной безопасности на Ближнем Востоке, охваченном политическим хаосом, анархией, вооруженными конфликтами и угрозой международного терроризма. Многие проблемы современного Ирака стали следствием колониального раздела региона после Первой мировой войны. «Пренебрегая интересами местного коренного населения, европейцы устанавливали границы своих колониальных владений, нарушая и разрушая при этом сложившиеся между арабскими народами экономические, социально-культурные, этнические связи и, соответственно, сложившиеся между ними веками границы» [7, с. 252]. Если в Османской империи сунниты как титульное большинство формировали имперскую элиту, образуя линии раскола на противостоянии конфессий, чтобы препятствовать развитию у народов национальной идентичности, сохраняя территориальную целостность империи, то Великобритания использовала шиитскую общину как рычаг воздействия на суннитов, стремясь сократить траты на содержание британской администрации в Ираке. Несмотря на то что военно-политическая элита подмандатного Ирака состояла из суннитов, шиитская оппозиция могла успешно конкурировать за власть, мобилизуя местное население в реализации конкретных действий, что облегчало возможность британского влияния на их политику. Наличие такой автономной и активной религиозной группы представляло реальную угрозу ослабления власти суннитов. Поэтому каждое иракское правительство считало для себя обязательным принятие мер, направленных на подрыв сил шиитского большинства. Желание шиитов участвовать в государственных делах и препятствия со стороны суннитского правительства стали главным фактором сложившейся напряженности между религиозными группами в независимом Ираке. В этих условиях административно-территориальное устройство Ирака базировалось на антагонизме – конфессиональных различиях суннизма и шиизма, что выводило на первый план межэтнические противоречия.

При рассмотрении внутриполитической обстановки в Республике Ирак стоит учитывать влияние внешних сил на данные процессы. А именно – участие в жизни Ирака таких стран, как Саудовская Аравия, США, Турция и Иран, а также ООН, которое в большей степени дестабилизирует обстановку

при неразрешенных внутригосударственных проблемах. Интересы внешних игроков и использование рычагов влияния, межконфессиональные вопросы между суннитской и шиитской ветвью ислама, политические разногласия и наличие влиятельных родоплеменных сил в стране существенным образом подрывали и подрывают государственность и суверенитет Ирака.

При Саддаме Хусейне, несмотря на его диктаторский характер правления, в течение 24 лет в Республике Ирак существовала политическая стабильность, создававшая баланс между племенами, религиозными общинами, внешними игроками. Однако светский характер политического режима не смог способствовать суннитско-шиитскому диалогу. Правительство не собиралось содействовать превращению шиитов в силу, альтернативную традиционной суннитской власти, и утвердило за собой полное право контроля над внутренней жизнью конфессиональных общин. Данное решение вызвало волну протеста шиитских духовных иерархов, которые пользовались авторитетом у шиитского населения страны. Отсутствие лояльности к режиму с их стороны способствовало их притеснению в обществе под предлогом ослабления их связей с шиитским Ираном.

В первые годы своего правления Саддам был лояльным союзником западных стран на Ближнем Востоке. Чтобы получить признание своей непререкаемой политической власти со стороны Запада, Хусейн провоцировал военный конфликт с Ираном, где произошла Исламская революция, угрожавшая политическим режимам суннитских монархий и республик, являвшихся партнерами и союзниками США. Ради удовлетворения этой цели по развязыванию Ирано-иракской войны (1980–1988) иракское руководство отреклось от секуляристской политики, повышая лояльность к участию шиитов в войне против братьев по вере. «Хусейн начал активно акцентировать особую роль Ирака как центра мирового шиизма, объявил всех иракцев потомками имама Али и заявил о собственном происхождении от того же Али. Были сделаны ассигнования на обновление святынь в Наджафе и Кербеле, а события общественного и государственного характера открывались чтением Корана. Хусейн активно контактировал с шиитскими иерархами, а накануне принятия важных решений посещал усыпальницу имама Али. Столь резкая смена курса была связана с осознанием баасистским режимом возможности использования религиозных чувств мусульман в собственных интересах. Эта политика вызвала расположение шиитского духовенства к диктаторско-тоталитарному режиму Саддама Хусейна, а значит, ослабила недовольство шиитской оппозиции. Поэтому, когда лидер иранской революции Р. Хомейни поднял лозунг экспорта шиитской исламской революции в мусульманский мир, он не получил поддержки иракских шиитов: улемы не признали его в качестве единственного лидера шиитского исламского мира, надеясь реализовать собственные чаяния в границах Ирака» [8, с. 126]. Из арабских стран только Сирия поддержала Иран в Ирано-иракской войне.

Обладая поддержкой западных стран, Саддаму удавалось установить полный контроль над всеми сферами общественной жизни Ирака, добиться

абсолютной монополии на власть в стране, сдерживать или быстро подавлять конфессиональные конфликты, вести выгодную торговую политику закупая оружие и получая кредиты, использовать дипломатические инструменты при общении со своими влиятельными соседями. Казалось, что Ирак является надежным партнером лидера западного мира – США – и установленный политический режим просуществует в течение многих десятилетий, но в начале 1990-х годов произошел разлад в ирако-американских отношениях. Многие историки и политологи видят причину этого разлада в безудержной уверенности Саддама в собственной многовекторной внешней политике, базирующейся на «вечном союзничестве» с США из-за враждебности Саддама к режиму «корпуса стражей Исламской революции» (КСИР) аятоллы Р. Хомейни в Иране. Ведь С. Хусейн считал себя не просто победителем, а спасителем арабского мира от иранской экспансии. Но такое поведение самоназванного лидера арабского мира не понравилось светским режимам и монархиям Персидского залива, а также вызвало чувство непокорности по отношению к США. «Позиция США жестко исключает попытки государств быть самостоятельными в политике и избавиться от влияния на свой суверенитет американского воздействия. Штаты в ответ на такие попытки изолирует это государство всеми средствами, от экономических санкций до военного вмешательства, политический режим таких стран, зачастую, объявляется тоталитаризмом, несущим в себе угрозу США и мировой демократии» [1, с. 526]. Именно так произошло с саддамовским Ираком.

«За время войны с Ираном Ирак задолжал своим партнерам 80 млрд долл.» [11]. Основным кредитором у Саддама выступал Кувейт, который с помощью технологии наклонных скважин воровал иракскую нефть. С целью разрешения экономических проблем президент Саддам Хусейн решил захватить Кувейт, заранее получив гарантии невмешательства в войну от посла США Э. Гласпи. Как оказалось, бывшего иракского союзника просто «кинули», создав из него информационный образ врага, а Война в Персидском заливе (1990–1991) закончилась разгромом иракской армии силами международной коалиции ООН во главе с США. Вместе с этим шиитские оппозиционные силы Ирака организовали восстание и волну убийств баасистских функционеров, получая поддержку союзнических сил. Вслед за шиитским вспыхнуло курдское восстание на севере Ирака, и государство впервые оказалось на грани распада. США и их союзники опасались развала страны, чем бы воспользовался Иран, активно экспортируя идеи революции за создание исламского государства по иранскому образцу. Потенциальное установление гегемонии Ирана в регионе стало достаточным основанием для сохранения ослабленного режима Саддама Хусейна в качестве противовеса исламской шиитской угрозе в Ираке. Поэтому миротворческие силы ООН помогли правительству Ирака разгромить курдско-шиитскую оппозицию. Тем не менее партизанская борьба шиитов против Хусейна продолжалась до вторжения США и их союзников в 2003 году.

После Войны в Персидском заливе «Ирак должен был неукоснительно исполнить все 12 резолюций Совета Безопасности ООН, касающихся иракско-кувейтского кризиса, принятая 3 апреля 1991 г. резолюция № 687 предусматривала создание особой комиссии, в задачи которой входил контроль над уничтожением имеющегося оружия массового поражения и средств его доставки, а также над прекращением всех программ по его созданию. Кроме того, для обеспечения безопасности курдского и шиитского населения Ирака были созданы особые воздушные зоны, закрытые для иракской военной авиации» [4]. Однако в октябре 1998 года Ирак отказался от сотрудничества с ООН из-за невыполнения условий снятия санкций, наложенных на страну мировыми державами, по программе «Нефть в обмен на продовольствие». За этим 17 декабря 1998 года последовали американские бомбардировки Ирака, когда в ходе операции были уничтожены и повреждены гражданские объекты, о чем в письме на имя председателя СБ ООН заявил представитель Ирака при ООН [3].

Во внутренней политике шиитское население Ирака было поставлено под жесткий контроль спецслужб и подвергалось преследованиям за целый ряд инициированных диверсионно-террористических акций. Также государство продолжило линию на ослабление конфессиональных лидеров в Ираке. В 1993 году шиитская иерархическая система превратилась в официальную организацию, относящуюся к государству, действовавшему против религиозных авторитетов. Тем не менее иракское правительство демонстративно привлекало шиитские группы к управлению страной, предоставляло им места в правительстве и парламенте, добиваясь от них лояльности к политическому режиму. В общем и целом эти назначения являлись тактическим ходом, так как за суннитами всегда сохранялось безусловное превосходство в процессе принятия решений.

После терактов 11 сентября 2001 года давление на Ирак со стороны США увеличилось и в рамках доктрины Буша Ирак был причислен к «оси зла» – коалиции антиамериканских стран, поддерживающих мировой терроризм. Данная доктрина означала превентивную войну, в которой США будут смещать политические режимы в других странах, представляющие для них угрозу, и распространять в этих странах демократию. На состоявшемся 5 февраля 2003 года заседании Совет Безопасности ООН госсекретарь США К. Пауэлл выступил со своей знаменитой речью, в которой обвинял политическую элиту Ирака в производстве химического оружия и связях с террористической организацией «Аль-Каида»*. Как позже выяснилось, все обвинения были сфабрикованы и послужили поводом для развязывания войны США и Великобританией без санкции ООН с целью свержения Саддама и укрепления позиции США на Ближнем Востоке. Своими действиями США и другие участники коалиции нарушили Устав ООН и Женевские конвенции. В результате военное вмешательство США повергло Ирак в пучину насилия и бесконечных гражданских войн, что

---

*Запрещенная в России организация.

привело к многочисленным жертвам и погрузило страну в хаос. «За 24 года нахождения у власти Саддама Хусейна в Ираке жертвами его режима стали примерно 400 000 человек, а в период американской операции с 2003 по 2011 гг. погибло 460 000 человек» [10, с. 40].

США, взяв на себя роль международного лидера в деле демократизации Ближнего Востока, не справлялись с задачей навязать свои либеральные ценности народам арабского мира. Демократические лозунги и требования соблюдения прав и свобод человека в Ираке являлись, по существу, ширмой геополитических и экономических интересов США. Противоречивая и недальновидная политика администрации Джорджа Буша – младшего привела к кровопролитной гражданской войне, не прекращающейся до сих пор, и другим печальным для иракского народа результатам, повлекшим разрушение государства, его институтов ради борьбы за избавление от авторитарного режима С. Хусейна. Ни одна другая страна не заплатила столь страшную цену за западную оккупацию, унесшую жизни сотни тысяч граждан (90 % жертв составляло гражданское население) [2]. После вторжения США и их союзников в Ираке усугубилась проблема массовой эмиграции, обострился экономический кризис, сопровождающийся низким уровнем жизни населения, высокой долей безработицы, отсутствием социального лифта для молодежи, которая составляет большинство населения арабской страны. Такая политика США превратила Ирак в несостоятельное государство, в которое начали проникать международные террористические организации, вовлекавшие в свои ряды безработную иракскую молодежь.

Спустя три года после вывода американских войск, в 2014 году, возникло радикальное фундаменталистское движение «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – ИГИЛ)*, ставившее своей целью создать независимое государство-халифат на территориях Сирии и Ирака, что сделать почти удалось. Противостояние США «выращенному» ими же ИГИЛ поставило администрацию Барака Обамы перед необходимостью начала силовой операции против исламистов. Силам иракской армии при поддержке Запада удалось отбить атаки террористов и деокупировать Северный Ирак, завершив войну с этой организацией, однако нынешняя иракская политическая элита очень слаба, некомпетентна и несамостоятельна в принятии долгосрочных решений.

Основной стержень вооруженных формирований ИГИЛ составляло суннитское меньшинство, недовольное тем, что страной правит шиитское большинство. Еще во времена Ирано-иракской войны (1980–1988) С. Хусейн пытался обеспечить лояльность шиитского населения путем его привлечения в правительственные и партийные структуры Арабского социалистического возрождения (Баас), а также улучшить уровень жизни шиитов, который был ниже, чем у иракских суннитов [12, р. 12–16]. Но эти действия привлекли лишь малое количество иракских шиитов. После

---

*Запрещенная в России организация.

свержения С. Хусейна американцы вынуждены были согласиться с приходом к власти в этой стране шиитов, которые долгие годы находились в оппозиции к суннитскому режиму Саддама. Подобная смена политических элит грозила политической дестабилизацией в Ираке, что произошло очень скоро. Когда США сформировали временное правительство, распустив иракскую армию и полицию, образовался политический вакуум, который сразу же начинают заполнять экстремистские силы. Внутрииракский конфликт за перераспределение власти из политического перешел в конфессиональный между шиитами и суннитами, значительно осложнив ситуацию в стране. За время американской оккупации Ирака против западных интервентов началась партизанская война шиитских («Армия Махди») и суннитских («Аль-Каида в Ираке») вооруженных формирований, организовавших террористические атаки по всей стране. Даже после устранения лидеров партизанских движений потери западных союзников продолжали сохраняться в течение всего времени проведения операции в Ираке. Арабские сунниты, оказавшиеся в меньшинстве при проведении парламентских выборов по отношению к шиитам и курдским суннитам, выступают против федерализации государства и сохранения его целостности. Данные интересы связаны с распределением нефтяных доходов Ирака и фактическим отстранением от принятия внутривнутриполитических и государственных решений находящегося у власти при режиме С. Хусейна суннитского меньшинства [10, с. 39].

В 2004 году временная коалиционная администрация передает свои полномочия переходному правительству. В Ираке впервые за 50 лет прошли многопартийные парламентские выборы, и победу одержал шиитский альянс. В период оккупации и сунниты и шииты выступали единым блоком, а когда было сформировано переходное правительство, начинается борьба этнических группировок за власть и ресурсы, носящая насильственный характер. Целые кварталы в Багдаде очищались шиитскими и суннитскими повстанцами друг от друга по этническому признаку, в каждом городе, где проживало смешанное население, вспыхивали очаги межэтнической напряженности. Например, шииты были изгнаны из Самарры и Баакубы, а сунниты покидали Басру. Также суннитское население заявляло о фактах дискриминации, нарушении прав человека, применении пыток против оппозиционных лидеров со стороны правительства шиитского большинства [14]. В связи с этим ставка, которую сделали американские лидеры на шиитское правительство, разрушила хрупкое равновесие между суннитами и шиитами и оказалась провальной. Поэтому выход на политическую сцену ИГИЛ и других суннитских террористических группировок был лишь вопросом времени.

Между тем многовековая борьба суннитов и шиитов является ареной геополитического противостояния между Саудовской Аравией и Ираном за лидерство в исламском мире, где Ирак является одним из главных фронтов этой ближневосточной «холодной войны». Официальные представители Ирана и Саудовской Аравии формально занимают позицию невмешательства

в дела соседних стран, но их политическое противостояние и вмешательство отражается на всей геополитике арабского мусульманского мира. В Ираке около 15 млн шиитов, и за их интересы воюет Иран, оказывая сильное воздействие на багдадское правительство и на все шиитские формирования Ближнего Востока. Иракские политики нуждаются в финансах и политической поддержке извне, поэтому готовы к тесному взаимодействию с соседним государством. После победы над вооруженными подразделениями ИГИЛ в 2017 году Саудовская Аравия начала борьбу за Ирак, чтобы положить конец иранскому влиянию в этой стране. Прежде всего саудиты рассчитывают использовать в своих целях одного из ведущих политиков страны Муктаду ас-Садра. Известно, что ас-Садр пользуется у шиитов громадным авторитетом и является создателем организации «Армия Махди», воевавшей против США и их союзников. К началу кампании против ИГИЛ отряды ас-Садра уже не были столь активны, и продвижение боевиков остановило ополчение «Аль-Хашд» совместно с курдскими отрядами. Финансовую помощь ополчению оказывал Иран, а КСИР осуществлял руководство большей частью отрядов «Аль-Хашд». Муктада ас-Садр позиционирует себя как политика, защищающего интересы всех иракцев и выступающего против любого вмешательства во внутренние дела Ирака, особо он критикует иранское влияние и призывает распустить «Аль-Хашд» или интегрировать его в вооруженные силы страны. К тому же бывший лидер «Армии Махди» находится в дружеских отношениях с М. бен Салманом, наследником престола Саудовской Аравии, противостоящей Ирану в регионе. Они оба недовольны политической и идеологической зависимостью Ирака от Ирана, несмотря на то что оба приверженцы враждующих веками конфессий. С этой точки зрения саудовцы налаживают связи с лидерами общественного мнения Ирака, стараясь перетянуть на свою сторону лидеров шиитской общины или внести в нее разлад. Руководство Ирана прекрасно понимает, что шиитские политики по-прежнему зависимы от него и многим из них не нравится играть роль очевидных иранских марионеток. Чтобы не допустить потери лояльности, на иракскую политическую элиту иранское руководство действует по принципу «разделяй и властвуй», договариваясь с духовным имамом иракских шиитов Али ас-Систани о невмешательстве в назначение преемника уммы, на титул претендует его политический противник М. ас-Садр. Составить конкуренцию ас-Садру могут такие известные деятели, как Н. аль-Малики, А. аль-Хаким, Х. аль-Абади, а тем более нынешний премьер-министр М. ас-Судани. Так что у Ирана есть тактический успех в противостоянии с Саудовской Аравией за иракский политический плацдарм. В этих условиях Ирак, не обладая государственным суверенитетом, становится разменной монетой политических амбиций региональных игроков, возможности которых установить в этом регионе долговременный мир представляются достаточно ограниченными, если они не смогут договориться между собой. Их непримиримость и желание делать друг другу уступки и идти на компромиссы провоцируют дальнейшее развитие политического конфликта в Ираке.

Еще одной проблемой для Ирака является независимость Иракского Курдистана. На протяжении всей истории между курдами и правительством Ирака вне зависимости от нахождения во власти суннитов или шиитов всегда были непростые отношения. Противостояние иракских властей и вооруженных курдских отрядов самообороны в XX веке стало фундаментом для развития межэтнической гражданской войны в наши дни. С образованием двух крупных политических партий, Демократической политической партии Курдистана (далее – ДПК) и Патриотического союза Курдистана (далее – ПСК), в Иракском Курдистане обострилась внутрисистемная борьба, вызвавшая открытый вооруженный конфликт (1994–1998), который полностью завершился формированием единого правительства в 2006 году. Данные политические группировки придерживаются одинаковых идеологических принципов, базирующихся на курдском национализме и демократическом социализме, что дает им преимущество объединяться, достигать договоренностей в правилах политической борьбы за власть, сферы влияния и ресурсы. ДПК и ПСК совместно вели партизанскую войну против политического режима С. Хусейна, несмотря на сотрудничество центральных властей с ПСК в вопросе о предоставлении Курдистану автономии в обмен на помощь в войне с Ираном [13].

В иракской политике курды являются влиятельной политической и военной силой, сумевшей в короткий срок создать достаточно боеспособную армию, которая фактически подчинена не Багдаду, а курдским политическим лидерам и несомненно будет использована, когда придет время вести торг относительно будущего Ирака. На нынешнем этапе политической борьбы в Ираке иракские курды стремятся играть самостоятельную роль, что подтвердило их договоренности с Турцией при поддержке США поставлять через нее на Запад иракскую нефть. Иракская армия, крайне ослабленная непрекращающимися войнами в стране, не может предпринимать каких-либо силовых операций против курдов в нынешних нестабильных условиях и лишь со временем надеется вернуть под свой контроль северные курдские провинции, богатые нефтяными месторождениями. При этом конечной целью иракских курдов независимо от их политической и партийной принадлежности является суверенное курдское государство. Начиная с 2005 года Курдистан обладает автономией внутри Ирака, но давняя мечта курдского народа создать независимое государство была сильнее, чем политические реалии. Во время войны с ИГИЛ курдские подразделения сыграли большую роль в их разгроме на севере страны, но, видя слабость центральной власти в противостоянии с террористами, особенно после падения Тикрита и Мосула, курдские сепаратисты во главе с Масудом Барзани перешли в активную фазу борьбы за независимость. С этой целью в 2017 году был проведен референдум о независимости Курдистана, одним из главных аргументов в пользу которой являлось процветание за счет доходов от нефти Иракского Курдистана и его столицы Эрбиль, в отличие от всей страны и Багдада. Безусловно, итоги данного

референдума правительство Ирака не признало и предприняло шаги к экономической блокаде Курдистана с согласия Ирана и Турции.

Что касается Турции, создание суверенного государства Курдистан означает наивысшую угрозу для ее территориальной целостности и интересов в регионе. Эти опасения связаны с большим количеством этнических курдов на востоке Турции, у которых хорошо развито чувство национальной идентичности. Они объединены вокруг политической организации – Рабочей партии Курдистана (РПК), признанной турецким правительством террористической организацией и с которой Турция ведет многолетнюю войну, нарушая государственный суверенитет Республики Ирак (операция «Коготь», 2019–2020). Для Ирана независимость неподконтрольного Курдистана разрушает его влияние на политическую ситуацию в Ираке в рамках реализации геополитической стратегии «Шиитский пояс». В дальнейшем при поддержке шиитской милиции, находящейся под контролем Ирана, армия Ирака смогла подавить мятеж в Курдистане. Тем не менее в курдском обществе сильны настроения отделиться от Ирака и создать независимое государство. Новый конфликт постепенно вызревает, и он неизбежен. Поэтому «курдский вопрос» оказывает большое влияние на государственное устройство Республики Ирак и на урегулирование политических проблем наравне с межконфессиональными противоречиями.

В 2019 году Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 2470 [6], основанную на Резолюции № 2421 [5] от 2018 года, продленную до 2020–2021 годов. Согласно этим резолюциям Ирак входит в особую зону ответственности ООН, где у Генерального секретаря есть специальный представитель по Ираку, который предоставляет консультации по реформированию избирательной системы и конституции, поддерживает расширение прав женщин в политике, содействует политическому диалогу между всеми политическими силами в стране, а также предпринимает действия по общенациональному примирению между всеми этническими сообществами. В основном данные резолюции носят рекомендательный характер, но шиитское правительство Ирака их выполняет, хотя весьма избирательно, медленно и явно без особого желания.

Например, в соглашении о формировании нового регионального правительства Курдистана и создании совместного комитета высокого уровня между Багдадом и Эрбилем нет прорывов на местном уровне. Основная проблема заключается в потенциале лишения избирательных прав избирателей, имеющих право голоса. Как правило, к такой категории относятся этнические меньшинства, проживающие там с древних времен. Это этнические курды, исповедующие езидизм, армяне, ассирийцы.

Кроме этого, после разгрома ИГИЛ внутривнутриполитическая ситуация в Ираке не улучшилась и не произошло национального примирения. Государству не хватает финансов на восстановление регионов, которые на протяжении трех лет находились под властью террористов ИГИЛ. Также денежные средства необходимы на реформирование вооруженных сил и служб безопасности, чтобы не допустить повторения событий, когда иракская армия

не смогла удержать Мосул и другие районы на северо-западе Ирака. Несмотря на то что фактически государственная власть находится в руках шиитской общины, контролирующей парламент, представитель которой традиционно занимает пост премьер-министра Ирака, сама община неоднородна по составу. Между ведущими партиями наблюдается больше разногласий и расколов, чем компромиссных и солидарных позиций по управлению страной. В руководстве страны пока нет таких политиков, которые бы отстаивали интересы не религиозной группы, а всего населения Ирака вне зависимости от конфессиональной принадлежности. По этой причине многие иракцы считают, что, хоть Саддам был диктатором, при нем не было проблем с логистикой продовольствия, безработицей, коррупцией, здравоохранением, чего не смогло добиться нынешнее правительство за 20 лет [9, с. 210]. Эпоха Саддама вызывает ностальгию, а на фоне подтасовок и нечестности парламентских выборов 2021 года углубляется разочарование и недоверие к институтам, дискредитирующим политическую систему современного Ирака. Результатом этого становится конфликт интересов, когда после прошедших два года назад выборов иракская элита не смогла определиться с кандидатами на пост президента и премьер-министра страны. Потому как распределение правительственных должностей происходит по этноконфессиональному признаку и любой политический кризис охватывает все влиятельные силы страны. Хотя с четвертой попытки выбрали нового главу государства и назначили премьер-министра, но при этом М. ас-Садр, без которого не обходится ни одно правительство, не смог принять компромисса с новыми властями из-за их проиранского курса и прекратил свою политическую деятельность. Это вызвало возмущение его сторонников, дважды штурмовавших парламент, блокировавших партийные офисы противников и вступавших в вооруженные столкновения с проправительственными шиитскими движениями, а также силами безопасности. В настоящее время политический конфликт между ас-Садром и властью не преодолен и находится в состоянии масштабной шиитско-шиитской гражданской войны. В связи с этим миссия ООН по Ираку продолжает оказывать поддержку и помощь правительству и народу Республики Ирак в развитии инклюзивного политического диалога на национальном и общинном уровне, но его гарантированность и легитимность зависит от консолидированных решений иракской элиты, находящейся в настоящий период в слабом, расколоте состоянии.

Обсуждение и заключение

Очевидно, современная политическая ситуация в Республике Ирак представляется достаточно неопределенной. В стране происходит обострение конфликтов различных этнических, конфессиональных групп, продолжается беспощадная борьба за центральную власть внутри этнических и политических объединений, активизируется вмешательство внешних сил во внутренние дела страны.

После завершения западной военной интервенции в Ираке начинается развал государственного аппарата и социальной системы. Начиная с момента вывода войск США и их союзников вооруженный конфликт возобновляется, а высокий уровень насилия не демонстрирует снижение эскалации. Иракская война (2003–2011) создала кризис государственной системы управления и вывела на улицы широкие народные массы, нуждавшиеся в социальном равноправии, мобилизационной идеологии. Распространение радикального исламизма среди беднейших слоев населения, оказавшихся в тяжелейшем экономическом и гуманитарном положении, привело к популярности мифов о восстановлении традиционалистского идеала политического устройства («халифата»), построении справедливого мира для единоверцев, на пути к которому стоит враг всех правоверных мусульман в лице Запада, ответственного за катастрофические условия существования простых иракцев.

Относительная политическая стабильность в Ираке сохранялась при политическом режиме Саддама Хусейна, но сегодняшняя иракская политика окрашена милитаризмом и контролем над нефтяными месторождениями, за которые идет политическая борьба как внутри страны, так и за рубежом. Ирак богат природными ресурсами, в основном углеводородами, и это преимущество страны еще долгое время будет оставаться целью для транснациональных корпораций и иностранных правительств, отстаивающих свои стратегические интересы в регионе. Непосредственным соседям Ирака и мировым державам будет экономически выгодно, если внутривнутриполитический конфликт будет продолжаться еще очень долгое время. Это позволит держать под контролем национальные ресурсы страны, используя межконфессиональные и межэтнические противоречия.

Безусловно, «иракская проблема» является одной из трудноразрешимых проблем в мировой политике, поскольку вопросы стабилизации внутривнутриполитической и экономической ситуации в Ираке, восстановления единства и подлинной независимости страны во многом зависят от уровня договоренностей и приоритетов в отношениях главных интересантов в лице Ирана, Саудовская Аравии, Турции, стран Запада, преследующих собственные узкокорыстные политические и экономические интересы.

К сожалению, влияние геополитического противостояния на Ближнем Востоке вышеназванных интересантов на внутренние дела Ирака не обеспечивает возможности возникновения компромиссных договоренностей по узловым вопросам становления Ирака, а слабое шиитское руководство с учетом его зависимости от финансовой и военной поддержки внешних сил не в состоянии взять ситуацию в стране под свой контроль. Фактически разделение страны на шиитскую, суннитскую и курдскую часть будет сопровождаться расколом общества и являться предвестником новой ближневосточной региональной войны.

Роль коллективных международных институтов, таких как ООН, в части урегулирования «иракской проблемы» не вызывает доверия, поскольку в международно-правовом аспекте данные функции ООН не являются

надежными в силу отсутствия долгосрочного соглашения между региональными и мировыми державами о применении указанных международно-правовых механизмов.

Таким образом, в ближайшей и среднесрочной перспективе обработка потенциальных вариантов урегулирования и стабилизации внутривосточной ситуации в Республике Ирак с учетом слишком контрастных интересов и подходов заинтересованных к «иракской проблеме» не представляется возможной. Только общая выверенная и сбалансированная позиция всех заинтересованных с учетом основополагающих интересов иракского общества в мирном развитии Ирака позволит этой арабской стране с древней историей встать на путь единства, независимости и развития.

Библиография

1. Млечин Л. М. В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток. СПб.: БХВ-Петербург, 2014. 528 с. [Mlechin L. M. V poiskakh utrachennogo velichiya. Iran, yadernoe oruzhie i Blizhnii Vostok. SPb.: BKHV-Peterburg, 2014. 528 s.].
2. Мусихина Т. П., Мамин Н. В. Ближний Восток в условиях войн «четвертого поколения» (на примере войны в Ираке 2003–2011 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 4 (158). С. 120–131. [Musikhina T. P., Mamin N. V. Blizhnii Vostok v usloviyakh voyn «chetvertogo pokoleniya» (na primere voiny v Irake 2003–2011 gg.) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki. 2016. T. 11. № 4 (158). S. 120–131.].
3. Письмо от постоянного представителя Ирака при ООН на имя Председателя Совета Безопасности, 18 декабря 1998 г. // ООН. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp> (дата обращения: 28.11.2023). [Pis'mo ot postoyannogo predstavatelya Iraka pri OON na imya Predsedatelya Soveta Bezopasnosti, 18 dekabrya 1998 g. // OON. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp> (data obrashcheniya: 28.11.2023).].
4. Резолюция Совета Безопасности ООН № 687, 3 апреля 1991 г. // ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/687> (дата обращения: 12.10.2023). [Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 687, 3 aprelya 1991 g. // OON. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/687> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].
5. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2421, 14 июня 2018 г. // ООН. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2421%20\(2018\)](https://undocs.org/en/S/RES/2421%20(2018)) (дата обращения: 12.10.2023). [Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 2421, 14 iyunya 2018 g. // OON. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2421%20\(2018\)](https://undocs.org/en/S/RES/2421%20(2018)) (data obrashcheniya: 12.10.2023).].
6. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2470, 21 мая 2019 г. // ООН. URL: [https://undocs.org/S/RES/2470\(2019\)](https://undocs.org/S/RES/2470(2019)) (дата обращения: 12.10.2023). [Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 2470, 21 maya 2019 g. // OON. URL: [https://undocs.org/S/RES/2470\(2019\)](https://undocs.org/S/RES/2470(2019)) (data obrashcheniya: 12.10.2023).].
7. Рыжов И. В., Бородин М. Ю. «Арабская весна» как квинтэссенция межаарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 252–256. [Ryzhov I. V., Borodina M. Yu. «Arabskaya vesna» kak kvintehssentsiya mezharabskikh protivorechii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (1). S. 252–256.].
8. Тихонова Е. Сунниты и шииты Ирака: от «Ирака британского» к «Ираку американскому» // Россия и мусульманский мир (рус.). 2011. № 12. С. 120–134. [Tikhonova E. Sunnity i shiity Iraka: ot «Iraka britanskogo» k «Iraku amerikanskomu» // Rossiya i musul'manskii mir (rus.). 2011. № 12. S. 120–134.].

9. Шишлин П. А. Причины и перспективы протестного движения в Ираке 2015–2019 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 209–217. [Shishlin P. A. Prichiny i perspektivy protestnogo dvizheniya v Irake 2015–2019 gg. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2020. № 2. S. 209–217.].

10. Шкварун М. А. Политические проблемы стран Ближневосточного региона в XXI веке // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 33–41. [Shkvarun M. A. Politicheskie problemy stran Blizhnevostochnogo regiona v XXI veke // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2018. № 4. S. 33–41.].

11. Яременко В. Аятолла Хомейни и последствия войны с Ираком // Полит.ру. 23.03.2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/23/iran/> (дата обращения: 12.12.2023). [Yaremenko V. Ayatolla Khomeini i posledstviya voyny s Irakom // Polit.ru. 23.03.2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/23/iran/> (data obrashcheniya: 12.12.2023).].

12. Karsh E. The Iran-Iraq War: 1980–1988. Oxford: Osprey Publishing, 2002. 95 p.

13. Katzman K. The Kurds in Post-Saddam Iraq. Congressional Research Service. 01 October 2010. 12 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/midea/st/RS22079.pdf> (date of application: 18.12.2023).

14. Pelletiere Stephen C. A War Crime Or an Act of War? // The New York Times. 31.01.2003. URL: <http://www.nytimes.com/2003/01/31/opinion/a-war-crime-or-an-act-of-war.html> (date of application: 09.11.2023).

Примечание:

Анкин Д. А. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта.

Мишенков Я. А. – написание разделов «Введение», «Материалы и методы», «Обзор литературы», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

**ПАРТИЙНЫЕ ФОНДЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРИНЯТИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ФРГ
В ПЕРИОД ПРАВИТЕЛЬСТВА О. ШОЛЬЦА**

Н. Г. Заславская¹, Ю. И. Леонов², А. В. Никитин³

*¹⁻²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

*³Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается публичная активность партийных фондов ФРГ после прихода к власти правительства О. Шольца. Предпринимается попытка изучить факторы, влиявшие на деятельность фондов, аффилированных с политическими партиями Германии, с точки зрения теории неоклассического реализма. Характеризуется роль партийных фондов в механизме принятия внешнеполитических решений ФРГ с точки зрения неоклассического реализма. Выделяются ключевые формы активности партийных фондов ФРГ в период правительства О. Шольца. Отмечаются рекомендации для МИД ФРГ по реализации политики по отношению к России после обострения украинского кризиса в 2022 году. Результаты исследования демонстрируют, что на публичную активность партийных фондов немалое влияние оказали внутривнутриполитические изменения последних лет, в частности появление в составе правящей коалиции партии «Союз 90/Зеленые», отстаивающей продвижение данной повестки, и назначение ее сопредседателя А. Бербок на должность главы МИД ФРГ. Отмечается заочная дискуссия между фондами партий правящей коалиции и фондами партий блока христианских демократов по вопросу приоритетного формата интеграции в сфере безопасности и обороны. На примере партийных фондов наблюдается существующий в экспертной среде ФРГ консенсус по отношению к СВО и современной внешней политике РФ.

Ключевые слова: партийные фонды, *think-tanks*, Германия, внешняя политика ФРГ, неоклассический реализм, механизм принятия внешнеполитических решений

**PARTY FUNDS IN THE MECHANISM OF MAKING FOREIGN
POLICY DECISIONS IN GERMANY
DURING THE GOVERNMENT OF O. SCHOLZ**

Natalia G. Zaslavskaya¹, Yuri I. Leonov², Alexander V. Nikitin³

¹⁻²St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

³Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT. The article examines the public activity of the party foundations of Germany after the government of O. Scholz came to power. An attempt is made to study the factors that influenced the activities of foundations affiliated with German political parties from the point of view of the theory of neoclassical realism. The role of party funds in the mechanism of making foreign policy decisions in Germany is characterized from the point of view of neoclassical realism. The key forms of activity of the German party funds during the government of O. Scholz are highlighted. The recommendations for the German Foreign Ministry on the implementation of policy towards Russia after the aggravation of the Ukrainian crisis in 2022

are noted. The results of the study demonstrate that the public activity of party funds has been significantly influenced by internal political changes in recent years, in particular the appearance of the Union 90/Greens party in the ruling coalition, which defends the promotion of this agenda, and the appointment of its co-chairman A. Berbock to the post of Foreign Minister of Germany. There is an absentee discussion between the foundations of the parties of the ruling coalition and the foundations of the parties of the Christian Democrats bloc on the issue of the priority format of integration in the field of security and defense. Using the example of party funds, there is a consensus in the expert environment of Germany in relation to its own and the modern foreign policy of the Russian Federation.

Keywords: political funds, think-tanks, Germany, German foreign policy, neoclassical realism, foreign policy decision-making.

Введение

Аналитические центры являются важным элементом механизма принятия внешнеполитических решений, поскольку они консультируют внешнеполитический аппарат по вопросам принятия решений и обеспечивают экспертизой органы внешних сношений. Как отмечают А. А. Балаян и А. Ю. Сунгуров, экспертные центры можно рассматривать уже как участников собственно политического процесса, как не просто агентов, выполняющих чью-то политическую волю или заказ, а именно как его активных акторов или субъектов этого процесса [1]. Поэтому изучение влияния исследовательских центров на процесс принятия внешнеполитических решений представляет интерес не только с точки зрения рассмотрения экспертизы, которую они предлагают государственным органам, но и с точки зрения их влияния на лиц, принимающих решения.

В этой связи особый интерес представляет феномен партийных фондов в Германии, поскольку данные экспертные центры обеспечивают экспертизой политические партии, с которыми они тесно связаны, и при этом являются отдельными институтами, не входящими в структуру «материнских» партий напрямую. Роль партийных фондов в механизме принятия внешнеполитических решений Германии во многом обусловлена характером политической системы страны, поскольку ФРГ является парламентской республикой, а бундестаг играет важную роль в формировании и реализации внешней политики. Также мы можем отметить, что министр иностранных дел Германии, как правило, является политической фигурой, утверждаемой по итогам коалиционных переговоров и выбираемой из числа лидеров партий, входящих в состав будущей правящей коалиции.

С приходом к власти правительства О. Шольца механизм принятия внешнеполитических решений ФРГ претерпел определенные изменения в силу ряда причин. Нынешняя коалиция «светофора» является первой в истории ФРГ трехпартийной коалицией, если считать как одну партию блок ХДС / ХСС, что сказывается на процессе принятия решений не только по внутренним, но и по внешнеполитическим вопросам. Также во второй раз в истории страны главой МИД ФРГ стал представитель партии «Союз 90/Зеленые», отстаивающей экологическую повестку и придерживающейся

по внешнеполитическим вопросам более ценностно ориентированной линии, чем представители «народных» партий – СДПГ и христианских демократов.

В контексте продолжающегося украинского кризиса особую важность приобретает позиция ФРГ по данному вопросу и текущий внешнеполитический курс правительства Германии. Это связано не только с важностью российско-германских отношений для обеих стран, но и с влиянием ФРГ на процессы внутри ЕС, в частности на позицию объединения по конфликту на Украине и санкционному вопросу. В свою очередь изучение материалов ведущих аналитических центров ФРГ о природе и последствиях украинского кризиса 2022 года поможет нам выявить доминирующие взгляды на природу конфликта и способы его преодоления в немецкой экспертной среде, а также оценить их влияние на внешнеполитический курс Германии после вступления в должность канцлера О. Шольца и начала специальной военной операции на Украине.

Таким образом, в данной работе предпринимается попытка выявить влияние партийных фондов ФРГ на внешнеполитический курс страны относительно украинского кризиса в период правительства О. Шольца. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть роль «мозговых центров» ФРГ в механизме принятия внешнеполитических решений.
2. Проанализировать материалы аналитических центров Германии о ходе украинского кризиса и его влиянии на международные отношения.
3. Оценить влияние публичной активности «мозговых центров» на внешнеполитический курс ФРГ после начала СВО.

Объектом исследования является публичная активность аналитических институтов ФРГ. Под публичной активностью понимаются материалы, публикуемые на ресурсах аналитических центров ФРГ, организуемые мероприятия, а также выступления представителей данных институтов в СМИ. Предметом исследования является роль аналитических институтов ФРГ во внешнеполитическом курсе страны после прихода к власти правительства О. Шольца. Отдельное внимание уделяется публичной активности партийных фондов ФРГ после обострения украинского кризиса в 2022 года.

Обзор литературы

Изучению роли и влияния негосударственных субъектов (политических партий, общественных движений, транснациональных корпораций, разного рода некоммерческих организаций, политических фондов и т. п.) на внутривнутриполитические и межгосударственные отношения посвящены многочисленные публикации, монографические и диссертационные исследования отечественных и зарубежных политологов, социологов, историков.

Все вышеперечисленные негосударственные субъекты играют ту или иную роль в разработке и осуществлении внешнеполитического курса страны. При этом они непосредственно участвуют в выработке основных политических установок и /или воздействуют на функционирование,

а соответственно, и на содержание деятельности ведущих звеньев политического механизма.

Поскольку настоящая статья ставит своей целью рассмотрение влияния такого рода негосударственных организаций, как партийные фонды, на принятие внешнеполитических решений государства, то в обзоре литературы мы упомянем только те публикации, которые посвящены роли и влиянию негосударственных субъектов на внешнеполитическую деятельность государств.

В нашей стране за последние 30 лет процессы принятия внешнеполитических решений исследовали О. А. Колобов, А. А. Корнилов, А. С. Макарычев, А. А. Сергунин [7], В. Н. Коньшев [8], С. В. Картунов [9; 10], И. Ю. Кисилев [6], Д. В. Тренин [31] и ряд других авторов.

Формам непосредственного воздействия политических партий на внешнюю политику государства посвящены работы А. П. Галкина [3], И. Е. Денисова [4], Е. Ю. Кирилиной [5], Н. А. Косолапова [11], Е. А. Крыловой [12], Е. В. Крыжко, П. И. Пашковского [18], Е. Г. Уляшкиной [32]. В этих публикациях отмечается, что основной формой непосредственного воздействия политических партий на внешнюю политику государства выступает разработка программных документов и предвыборных платформ, обычно утверждаемых партийными съездами. Однако «при анализе действий субъектов международных отношений деятельность политических партий упоминают очень редко, отводя ей периферийную роль не только по отношению к национальным правительствам и международным организациям, но также по отношению к ТНК и широким общественным движениям» [3, с. 123]. Более того, ряд теоретиков подчеркивает возрастание роли таких негосударственных субъектов, как СМИ и неправительственных организаций [11, с. 98].

По мнению А. П. Галкина, «игнорирование деятельности политических партий как субъектов международных отношений в современных концепциях можно объяснить тем, что сама эта деятельность неоднозначна и многомерна, что ее различные аспекты находятся во взаимном противоречии со структурными ограничениями тех подсистем международной жизни, где они развертываются. Наметившийся переход западных обществ к постиндустриальной фазе развития ведет к неизбежной трансформации политических партий, что значительно усложняет анализ деятельности последних в силу изменения родовых признаков партий (позволяющих отличать партии от других политических объединений), которые на международной арене и так не всегда четко проявлялись» [3, с. 123].

Д. В. Петросян, исследуя период канцлерства А. Меркель, говорит о политических партиях как «мозговых» и информационных центрах обеспечения партийной идеологии во внутренней и внешней политике Германии [19, с. 6].

В некоторых странах мира сформировались и функционируют специфические политологические сообщества, которые оказывают влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. Например, в США существуют

экспертно-аналитические организации, которые принято называть «мозговые центры». Как правило, это научно-исследовательские центры. Они хоть и связаны с университетами, но ими не являются.

Первые «мозговые центры» были созданы в первые десятилетия XX века. Наиболее заметное влияние на американскую политику оказывали три института: Фонд Карнеги, Гуверовский институт войны, революции и мира и Совет по международным отношениям. Тогда же на деньги финансово-промышленных групп и отдельных бизнесменов был основан и ряд других «мозговых центров»: Фонд Рассела Сейджа, Институт правительственных исследований, Института Брукингса, Институт Катона.

Г. В. Мирзоян считает, что главной задачей первого поколения «мозговых центров» в США было создание стимулирующей среды для политических решений, а не влияние на них. Он также полагает, что «мозговые центры» – это чисто американский феномен [16].

Изучением деятельности «мозговых центров», их значения и роли во внешней политике США занимались в основном американские исследователи: Д. Э. Эйбельсон [34], Р. Н. Хаас [33], М. Д. Рич [28], Д. Г. Макганн [14] и другие.

В статье А. Русера предпринята попытка сформулировать основные понятия и определить методологические рамки изучения деятельности «мозговых центров» [48].

Особо хотелось бы обратить внимание читателя на статью Д. Э. Эйбельсона «“Мозговые центры” и американская внешняя политика: история вопроса», которая посвящена деятельности небезызвестной *RAND Corporation*. Созданная в 1946 году, она была тесно аффилирована с американской оборонной промышленностью и поэтому сразу же стала проводить стратегические аналитические исследования по широкому кругу вопросов для Министерства обороны США. «*RAND Corporation* не только заполнила вакуум в сообществе исследователей внешней политики, но и возвестила о приходе нового поколения “мозговых центров” – государственных подрядчиков – политологических институтов, в большой степени финансируемых правительственными учреждениями и ведомствами и выполняющих исследования, предназначенные для решения конкретных политических проблем» [34].

Э. Рич и К. Уивер на основе сравнительного анализа приходят к выводу, что при помощи США в дальнейшем «мозговые центры» возникают в таких странах, как Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, и множестве других демократических стран [29, с. 86].

Среди российских ученых эта тема нашла отражение в публикациях А. А. Балаяна и А. Ю. Сунгурова [1], А. Макарычева [13], К. Р. Матыгулиной [15], Г. В. Мирзояна [16], а также других авторов.

В Западной Европе в качестве аналогичного политического феномена представлены политические фонды, которые являются неотъемлемой частью в первую очередь германской политической культуры и, по мнению

ряда исследователей [17, с. 113], не имеют аналогов в мире, с чем авторы статьи не совсем согласны.

В статье Е. Ю. Кирилиной «Роль партийных фондов ФРГ в формировании и реализации внешней политики современной Германии» определяются функции политических партий в сфере внешней политики Германии, приводится перечень фондов при политических партиях, дается их краткая история и характеристика, определяются основные приоритеты деятельности того или иного фонда. На конкретных примерах раскрывается роль политических фондов в становлении и реализации внешней политики современной Германии [5].

А. В. Огнева в процессе исследования политических фондов ФРГ и их вклада в развитие международных отношений приходит к выводу, что их следует рассматривать как инструмент официальной внешней политики Германии. Немецкое государство впервые передает фондам ряд функций в области внешней политики, охватывающих политическое образование, консультирование, развитие правового диалога и некоторые гуманитарные проекты [17, с. 113]. Оценивая вклад политических фондов в реализацию германских внешнеполитических интересов, А. В. Огнева отмечает, что «без них осталась бы вне поля зрения важная сфера сотрудничества в международных отношениях. Они – яркий пример организаций, вносящих вклад в развитие международного диалога вне стен государственных учреждений, хотя официально и привязанных к ним. Влияя на ход политических процессов в партнерских странах, фонды следуют правилам внешней политики ФРГ, но при этом их инструментарий значительно отличается от методов, применяемых внешнеполитическим ведомством Германии. Они содействуют тому, что такая внешняя политика исходит не из примата силы в традиционном понимании XIX в., а, скорее, из принципа “гибкой силы”, которая играет столь большое значение в глобальном информационном веке» [17, с. 117].

Наиболее глубоко и всесторонне исследованием политических фондов ФРГ занималась С. В. Погорельская. По этой проблематике ею была защищена кандидатская диссертация, опубликовано ряд монографий и научных статей [20–27].

В целом С. В. Погорельская отмечает двойственную природу немецких политических фондов: они являются не только инструментами внешней политики, но и одновременно ее субъектами. Зарубежная деятельность политических фондов может иметь определяющее значение в процессе принятия внешнеполитических решений или же повлечь за собой внешне- и внутривнутриполитические последствия для ФРГ. В этой связи политические фонды являются не только средством обеспечения внешнеполитических решений экспертизой, но и инструментами «мягкой силы» Германии. Также С. В. Погорельская рассматривает влияние государственного финансирования на публичную активность политических фондов и их взаимодействие с федеральным правительством [27].

Среди зарубежных публикаций следует выделить монографии U. Heisterkamp *Think Tanks der Parteien?* [42]* и S. Falk, D. Rehfeld, A. Römmele, M. Thunert *Handbuch Politikberatung* [39]**.

Материалы и методы

В качестве методологической рамки при написании работы были использованы следующие подходы: контент-анализ, ивент-анализ, дискурс-анализ, неоклассический реализм. Подход представителей неоклассического реализма [47] позволит нам рассмотреть аналитические институты ФРГ и их деятельность с точки зрения влияния внутриполитических факторов на формирование внешней политики государства. В частности, изучение активности немецких «мозговых центров» даст нам возможность рассмотреть влияние таких компонентов модели неоклассических реалистов, как стратегическая культура и отношения государства и общества, на процесс принятия внешнеполитических решений и реакцию на системные стимулы, исходящие от системы международных отношений, в современной ФРГ. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть реакцию механизма принятия внешнеполитических решений в Германии на начало СВО, а также роль аналитических институтов в этом процессе.

В качестве источников при написании работы выступают сайты партийных фондов, в частности Фонда Фридриха Эберта, Фонда Фридриха Науманна и Фонда Генриха Бёлля как аффилированных с партиями, входящими в состав нынешней правящей коалиции в ФРГ, выпускаемые этими аналитическими центрами доклады, а также материалы, публикуемые в издаваемых «мозговыми центрами» СМИ, например в *IPG Journal*, выпускаемом при участии Фонда Фридриха Эберта. В качестве литературы используются как монографии вообще о роли исследовательских центров в процессе принятия решений, так и работы непосредственно о «мозговых центрах» ФРГ, например монография У. Хайстеркампа *Think Tanks der Parteien?* [42] и статья С. В. Погорельской [27].

В данной работе мы предпринимаем попытку не просто рассмотреть материалы аналитических центров ФРГ о ходе и возможных последствиях украинского кризиса, но и оценить их влияние на внешнеполитический курс. Следовательно, для нас важно также рассмотреть и положение «мозговых центров» в механизме принятия внешнеполитических решений. В этом контексте перспективным видится использование методологии неоклассического реализма, получившего распространение в 1990-х годах и представляющего собой синтез некоторых положений структурного реализма (но отчасти, поскольку неоклассические реалисты предлагают отказаться от представления о государстве как едином рациональном акторе мировой политики) и конструктивистских подходов, в частности интереса

---

*Хайстеркамп У. Аналитические центры сторон (перевод наш).

**Фальк С., Рехфельд Д., Риммеле А., Тунерт М. Руководство по политическому консультированию (перевод наш).

к анализу механизма принятия внешнеполитических решений. Представители неоклассического реализма обращают внимание на комплекс внутриполитических факторов, которые влияют на внешнюю политику государства: борьба элит, конкуренция ветвей государственной власти, политическая ситуация и т. д. Это дает объяснение, почему государства реагируют по-разному на одно и то же структурное воздействие.

Соответственно, рассматривая функционирование механизма принятия внешнеполитических решений ФРГ в ходе украинского кризиса 2022 года с точки зрения неоклассического реализма, мы представляем данный феномен следующим образом:

- в системе международных отношений возник системный стимул в виде решения руководства РФ о проведении СВО;
- происходит восприятие этого стимула механизмом принятия внешнеполитических решений, при этом на процесс восприятия оказывают влияние стратегическая культура и образы лидеров;
- происходит процесс принятия решений, на который влияют стратегическая культура, отношения государства и общества и внутригосударственные институты;
- далее следует осуществление политики, на которую также влияют упомянутые в предыдущем пункте «вмешивающиеся переменные».

Изучая роль аналитических центров в формировании и реализации внешней политики, нельзя не отметить, что с точки зрения неоклассического реализма их деятельность играет двоякую роль. С одной стороны, они являются одной из «вмешивающихся переменных» в механизме принятия внешнеполитических решений государства, разрабатывая программные документы, рекомендации по действиям и влияя на стратегическую культуру лидеров страны. С другой стороны, зарубежная активность аналитических институтов, особенно партийных фондов ФРГ [27], дает повод для дискуссии об их статусе как инструменте внешней политики или самостоятельном акторе в международных отношениях, что позволяет оспорить как аргументы представителей либеральной школы теории международных отношений о самостоятельности неправительственных организаций, так и доводы представителей реализма в пользу гипотезы зависимости действий негосударственных субъектов от внешней политики государства.

В случае немецких «мозговых центров» их спорная роль в международных отношениях и внешней политике ФРГ также вызвана особенностями их развития, а кроме того, спецификой негосударственных политических институтов страны в целом. В силу того, что аффилированные с партиями аналитические институты, или *politische Stiftungen*, являются не структурами центральных аппаратов партий, а самостоятельно зарегистрированными некоммерческими объединениями, обладающими правом на субсидирование деятельности федеральным правительством, «материнские» партии не имеют права вмешиваться в их деятельность. В то же время при анализе руководства немецких политических *think-tanks* и их экспертов

можно заметить, что значительную часть составляют члены «материнских» политических партий, в том числе занимавшие руководящие должности, что позволяет говорить о влиянии через накапливаемый социальный капитал на процесс принятия внешнеполитических решений в Германии.

Результаты исследования

Изучив методологические особенности анализа роли аналитических институтов в механизме принятия внешнеполитических решений, в частности, с точки зрения неоклассического реализма, перейдем к выделению особенностей политической системы ФРГ, оказывающих влияние на взаимодействие «мозговых центров» с профильными государственными органами. Для рассмотрения общего состояния отрасли аналитических институтов в ФРГ обратимся к обзору портала *On Think-Tanks* [45]. В качестве основных характеристик авторы обзора приводят следующие показатели:

- общее количество аналитических центров – 185;
- средний возраст аналитических центров – 35 лет;
- три крупнейших города по количеству аналитических центров: Берлин (59 аналитических центров), Бонн (16 аналитических центров) и Гамбург (11 аналитических центров);
- формы организации: некоммерческие организации (61,08 %), другие (15,14 %), университетские институты / центры (15,14 %), коммерческие (4,32 %) и государственные (4,32 %);
- три основных источника финансирования: федеральное правительство (26,58 %), фонды (17,21 %) и частный сектор (14,81 %);
- даты основания: большинство аналитических центров в Германии были основаны в период между 1989 и 1999 годом;
- персонал: почти половина аналитических центров в Германии (44,44 %) имеют более 46 сотрудников;
- распределение руководителей по гендерному признаку: мужчина (69,10 %), женщина (21,82 %), как мужчина, так и женщина (организации, возглавляемые более чем одним человеком) (8,48 %);
- средний процент женского персонала – 49 %.

Исходя из приведенных данных, мы можем сделать следующие выводы:

- крупнейшие города сферы «мозговых центров» ФРГ – это бывшая и нынешняя столица страны (Бонн и Берлин), а также важнейший торговый порт страны Гамбург;
- на развитие отрасли существенным образом повлияли объединение Германии и перенос столицы в Берлин, что можно понять по резкому росту основания центров между 1989 и 1999 годом;
- большинство исследовательских центров ФРГ являются либо академическими учреждениями, либо НКО, выполняющими исследования в интересах как государства, так и частного сектора;
- как и для политических партий ФРГ, для «мозговых центров» существенную роль играет финансирование из федерального бюджета, что

в равной степени характерно как для «политических фондов», аффилированных с партиями, так и других НКО.

Спектр немецких аналитических центров невелик по сравнению с другими национальными сообществами аналитических центров, такими как Великобритания и США, но он, вероятно, является уникальным для континентальной Европы. Более того, исследователи считают сферу аналитических центров ФРГ ярчайшим примером «континентальной» модели функционирования данной отрасли [44, р. 101–141]. Экосистема разнообразна, поскольку существуют аналитические центры, которые принимают различные формы: университетские центры, политические аналитические центры (включая «политические фонды»), частные фонды, НПО, исследовательские центры и активисты. Имея давнюю историю, многие хорошо зарекомендовавшие себя университеты содержат аналитические центры в своей структуре.

Помимо академически ориентированных аналитических центров, политические партии будут иметь либо собственный аналитический центр, либо тесные отношения с исследовательским центром, придерживающимся схожих идеологических взглядов, на который они полагаются при проведении политических исследований. Институт Гунды Вернер, например, является исследовательским учреждением, занимающимся гендерными вопросами, и поддерживается Фондом Генриха Бёлля, аффилированным с партией «Союз 90/Зеленые». Некоторые из этих политических фондов даже создают отделы стратегического планирования, чтобы конкурировать с традиционными аналитическими центрами. В дополнение к университетским институтам и политическим аналитическим центрам существуют фонды, ориентированные на бизнес (например, Фонд Роберта Боша и *Stiftung Mercator*), НПО (например, *TMG – Think Tank for Sustainability*), *do-tanks* – «мозговые центры», ориентированные на политическое действие (например, *Polis180* и Центр феминистского движения) и таких активистские организации, как *Gender CC – Women for Climate Justice*, которые также действуют как аналитические центры и проводят тематические исследования. Помимо этих более традиционных источников политических исследований опрошенные также назвали профсоюзы важным источником исследований.

Рассматривая деятельность аналитических центров ФРГ, важно упомянуть такую особенность их функционирования, как высокая степень зависимости от государственного финансирования, что характерно как для экспертных центров, так и для партийных фондов. Бюджетный комитет немецкого бундестага определяет ежегодные пожертвования в политические фонды от федеральных ведомств. И основные гранты, и проектное финансирование затем принимаются законом о федеральном бюджете. Распределение общих средств между фондами, как правило, основано на результатах выборов в бундестаг с некоторыми корректировками, то есть, как и в случае с госфинансированием партий, мы можем говорить о зависимости финансирования «политических фондов» от популярности «материнских» политических

объединений. В настоящее время Фонд Фридриха Эберта получает 30,29 % от общей суммы, Фонд Конрада Аденауэра – 29,57 %, Фонд Фридриха Науманна – 10,21 %, Фонд Генриха Бёлля – 10,51 %, Фонд Ханнса Зайделя и Фонд Розы Люксембург – по 9,71 %, но за счет дополнительных запросов проектного финансирования итоговая сумма выделенных средств может отличаться. В федеральном бюджете на 2023 год заложена сумма в размере 148 млн евро, а «политические фонды» получили следующие суммы:

- Фонд Фридриха Эберта – 39,960 млн евро;
- Фонд Фридриха Науманна – 17,627 млн евро;
- Фонд Конрада Аденауэра – 44,888 млн евро;
- Фонд Ханса Зайделя – 11,988 млн евро;
- Фонд Генриха Бёлля – 18,145 млн евро;
- Фонд Розы Люксембург – 15,392 млн евро [38].

Рассмотрев особенности сферы аналитических центров в Германии, мы можем перейти к изменениям в политической системе страны, и в частности в партийной системе. Поскольку партийные фонды являются учреждениями, тесно связанными с повесткой «материнской» партии, изменения в партийной системе страны и идеологической повестке объединений также отражаются и в публичной активности данных исследовательских центров.

Говоря о факторах, влияющих на формирование внешней политики ФРГ, мы можем упомянуть ряд внутривнутриполитических изменений, произошедших в последние годы и оказавших серьезное влияние на облик политической системы страны. Рассматривая эти процессы, мы можем определить те или иные изменения и предположить, как они влияют на немецкий внешнеполитический курс по отношению к украинскому кризису. В частности, нельзя не упомянуть стремительный рост популярности партии «Союз 90/Зеленые», вошедшей в состав правящей коалиции по итогам выборов в бундестаг 2021 года, поскольку ее сопредседатель и один из лидеров партийного списка А. Бербок по итогам коалиционных переговоров заняла пост главы МИД.

Социокультурный поворот в немецком обществе и переход к «постматериальным» ценностям [43], заключающийся в смещении акцента с проблем материальной обеспеченности и достижения высокого заработка на проблемы экологии, гендерного равноправия и активности гражданского общества, прямо повлиял на рост популярности партий, фокусирующихся на этих вопросах в своих предвыборных программах. В этом плане «Союз 90/Зеленые» становится главным бенефициаром изменений предпочтений электората как партия, ставящая во главу угла «постматериальные» ценности, прежде всего вопрос защиты окружающей среды [2], что обеспечило ее вхождение в правящую коалицию в 2021 году. С. Т. Францманн отмечает, что социокультурные проблемы стимулируют процесс реидеологизации, в то время как экономические вопросы в настоящее время менее значимы для страны с процветающей экономикой [40].

Возвращаясь к формированию и реализации внешней политики, мы можем отметить, что подобные внутриполитические изменения влияли как на курс партий, так и на активность аналитических центров (особенно партийных фондов). Во многом это обуславливает как смену политического курса и заявления об отказе от «восточной политики» в духе В. Брандта, так и обращение исследовательских институтов к тематике зеленой экономики, уделение большего внимания вопросам прав человека, гендерного равенства, европейских норм и ценностей. Одним из наиболее ярких проявлений подобных изменений во внешней политике ФРГ является публикация в марте 2023 года германским МИД руководства по реализации «феминистической» внешней политики [41]. Данный принцип неоднократно провозглашался А. Бербок в качестве основы будущего внешнеполитического курса после прихода к власти нынешней правящей коалиции, и принятие подобных документов демонстрирует намерения придерживаться заявленных планов.

Говоря об активности аналитических институтов ФРГ, стоит сказать о такой значимой экспертной площадке, как Мюнхенская конференция по безопасности, которая организовывается ежегодно при участии Фонда Конрада Аденауэра и становится одним из важнейших мест встречи представителей европейских экспертных сообществ и лидеров ведущих стран мира. В организации встреч принимают участие как партийные фонды, так и внепартийные организации, например Фонд «Наука и политика» (*SWP*), Федеральная академия политики безопасности (*BAKS*) и Германское общество внешней политики (*DGAP*). Примечательно, что, несмотря на надпартийный и международный характер конференции, с точки зрения партийной аффилиации состав ее организаторов и участников от ФРГ не претерпел значительных изменений даже после потери блоком ХДС / ХСС места в правящей коалиции ФРГ: представители христианских демократов чаще членов других партий участвовали в конференциях 2022–2023 годов в качестве спикеров, что можно объяснить особенностями политической системы страны [35; 36]. Мюнхен и Бавария в целом являются регионом доминирования ХСС – регионального партнера ХДС, что в сочетании с участием в организации Фонда Аденауэра обеспечивает значительное присутствие представителей данного блока вне зависимости от перемен в правящей коалиции.

Примером участия внешнеполитических деятелей ФРГ в деятельности аналитических центров в ходе украинского кризиса является выступление А. Бербок по текущей внешнеполитической ситуации на 23-й ежегодной внешнеполитической встрече Фонда Генриха Бёлля [37; 46]. Глава МИД заверила, что в Германии не забыли про российскую демократическую оппозицию, и отметила, что на данный момент реализуется 50 проектов с участием российских неправительственных организаций. Примечательно также обращение Бербок в своей речи к возрастному фактору, который можно интерпретировать как попытку продемонстрировать на себе систему координат для молодого поколения немецких политиков. «Мне 42,

я выросла в объединенной Германии и не мыслю категориями противостояния Востока и Запада», – заявила она, подчеркивая, что считает ОБСЕ и Совет Европы более важными для давления на Россию, чем НАТО, ЕС и G7 [30]. Довольно большое внимание было отведено Казахстану с опорой на собственный визит туда осенью 2022 года: данный опыт использовался для обсуждения возможностей использования обеспокоенности казахских элит, чтобы повлиять на российско-казахстанские отношения. При этом А. Бербок практически не уделила внимания Узбекистану, хотя поездка в данную страну была в одно время с поездкой в Казахстан.

На публичную активность немецких партийных фондов в период правительства О. Шольца в значительной степени повлияло начало специальной военной операции России на Украине. Если говорить об активности партийных фондов, аффилированных с партиями правящей коалиции, то в качестве примера можно обратиться к проекту фонда Фридриха Эберта *Security Radar 2023* [50]. В рамках данного проекта был подготовлен доклад *Zeitenwende for Europe: Public perceptions before and after Russia's invasion of Ukraine*, основное внимание уделяется подробному анализу результатов опроса общественного мнения, проведенного в Германии, Франции, Латвии и Польше по вопросам внешней политики и политики безопасности [51]. Цель опроса – выявить меняющееся отношение и восприятие граждан этих стран в связи с продолжающейся войной на Украине и ее последствиями для европейской безопасности.

Говоря об активности партийных фондов, не входящих в правящую коалицию, стоит упомянуть воркшоп Фонда Конрада Аденауэра, приуроченный к годовщине начала СВО, и опубликованный по его итогам 8-страничный документ [49]. По мнению участвовавших в подготовке документа экспертов, одной из причин начала СВО является недостаточное внимание правящих элит ФРГ к месту и роли страны в мире после окончания холодной войны, недооценка вероятности вооруженного конфликта на континенте, а также недооценка возможных угроз, вызываемых внешней политикой РФ начиная с 2008 года. В отчете по итогам воркшопа предлагается четыре варианта развития событий в течение второго года проведения СВО:

1. «Превосходство демократии» – военная победа Украины до 24 февраля 2024 года и выход на границы 1991 года.

2. «Конец “конца истории”» – военная победа РФ до 24 февраля 2024 года. В качестве критериев военной победы РФ экспертами были предложены два варианта:

– существенные территориальные приобретения РФ в ходе боевых действий. В качестве условий такого развития событий называются сокращение поставок Украине Западом и перевод российской экономики на военное положение;

– мирное соглашение с разграничением по текущей линии фронта. В качестве условий такого развития событий называются переговоры между

руководством РФ и ведущих держав Запада напрямую и без учета интересов Украины.

3. «Минск-3» – патовая ситуация, вызванная снижением интенсивности, но не прекращением боевых действий и провалом наступления одной из сражающихся сторон. При таком сценарии Украина продолжит получать оружие с Запада, но не в том качестве и объеме, которые необходимы для полного вытеснения России с украинской территории. При этом Россия в этом сценарии не перешла бы к военной экономике, а продолжала бы угрожать ядерной эскалацией. Действия правительств стран Запада описываются авторами как нерешительные и чреватые уязвимостью в связи с выдвижением новых требований в сфере ядерного оружия со стороны России. Украине же, в свою очередь, грозит внутривнутриполитический кризис.

4. «Никакого мира на нашем веку» – в этом сценарии на момент 24 февраля 2024 года продолжаются ожесточенные бои на востоке и юге Украины с высокими потерями без каких-либо крупных территориальных приобретений с обеих сторон. В качестве предпосылок для реализации этого сценария группа определила следующие факторы: переговоры между Киевом и Москвой по-прежнему будут невозможны, поскольку Россия, с одной стороны, будет цепляться за свои претензии на контроль над Украиной. С другой стороны, переговоры также были бы немыслимы ввиду мобилизации украинского общества, которое использовало бы все свои силы и ресурсы, чтобы противостоять продолжающемуся наступлению РФ. Кроме того, при таком сценарии в конфликт не вступают третьи страны, а также не происходит смены политики ключевых акторов, таких как США.

По мнению участников обсуждения, поскольку успехи Украины во многом зависят от международной поддержки и западных поставок вооружений, именно Западу решать, какой сценарий реализуется – действие, запоздалое действие или бездействие определяет не только ход, но и исход военного конфликта. В связи с этим группа экспертов предлагает следующие оптимальные варианты действий для руководства ФРГ:

1. Германия должна активнее использовать свое политическое влияние в важнейших международных организациях для поддержки Киева, а также сотрудничать с правительствами стран Центрально-Восточной Европы. Сюда относятся как меры в рамках Европейского союза, так и меры в рамках ООН: в частности, предполагается выработка мер по обходу вето РФ в Совете Безопасности ООН, например по формуле «Единство ради мира».

2. Выработка цельной стратегии ЕС по поддержке экономики Украины и ее восстановлению, а также вовлечению страны в экономическое пространство ЕС. Помимо этого, эксперты предлагают идею выработки полноценной стратегии ЕС по отношению к странам «Восточного партнерства», особенно Молдавии и Грузии как к государствам с нерешенными территориальными спорами.

3. Укрепление оборонного потенциала ФРГ и Евросоюза. Сюда относятся как меры по увеличению военных расходов и перевооружению бундесвера, так и кооперация стран – членов ЕС в рамках Общей внешней

политики и политики безопасности ЕС. Отдельно отмечается, что в Европейский оборонный фонд должна вкладываться не только Германия, но и другие страны – члены объединения.

Обсуждение и заключение

По итогу рассмотрения публичной активности партийных фондов ФРГ в период правительства О. Шольца мы можем сделать следующие выводы об их роли в механизме принятия внешнеполитических решений:

1. На публичную активность партийных фондов немалое влияние оказали внутривнутриполитические изменения последних лет, а также социокультурный поворот в немецком обществе и переход к «постматериальным» ценностям, заключающийся в смещении акцента с проблем материальной обеспеченности и достижения высокого заработка на проблемы экологии, гендерного равноправия и активности гражданского общества. Появление в составе правящей коалиции партии «Союз 90/Зеленые», отстаивающей продвижение данной повестки, и назначение ее сопредседателя А. Бербок на должность главы МИД ФРГ способствовали росту интереса партийных фондов к феминистическому подходу в теории международных отношений, а также продвижению «зеленой» энергетики как выгодной альтернативы традиционным источникам энергии.

2. В материалах партийных фондов ФРГ можно найти проявление дилеммы выбора приоритетного пути интеграции в сфере безопасности, характерной для дискуссий между представителями «материнских» партий. В данном вопросе мы можем выделить заочную дискуссию между фондами партий правящей коалиции и фондами партий блока христианских демократов. Если представители блока ХДС / ХСС предлагают развитие оборонного потенциала ФРГ в рамках трансатлантической интеграции и более тесного партнерства с США и НАТО, то партии коалиции «светлофора» поднимают вопрос об укреплении ЕС как самостоятельного актора в системе международных отношений.

На примере партийных фондов мы можем наблюдать существующий консенсус в экспертной среде ФРГ по отношению к СВО и современной внешней политике РФ. Рассмотрев материалы данных экспертных центров, мы можем выделить следующую позицию партийных фондов немецких политических партий в отношении развития украинского кризиса:

1. Поражение Украины в ходе военного конфликта воспринимается экспертными центрами как недопустимое для европейской безопасности событие. При этом военное противостояние между Россией и Украиной ставит целью не ослабить РФ или же нанести ей сокрушительное поражение, которое угрожало бы целостности страны, а принудить ее к соблюдению ценностей Европейского союза, поскольку полная изоляция еще больше укрепит сторонников жесткой линии безопасности в России и затормозит политические и социальные перемены, что в долгосрочной перспективе не может отвечать интересам Германии и ЕС.

2. В качестве важных причин обострения украинского кризиса в материалах партийных фондов называется недооценка Германией ее роли в современной системе международных отношений и переоценка РФ как надежного партнера.

3. Полноценный диалог с Россией возможен только при условии значительных перемен в политической системе, при этом угрозы целостности страны недопустимы.

4. В качестве рекомендаций для внешнеполитического аппарата ФРГ предлагаются следующие возможные варианты действий:

- усиление оборонного потенциала ФРГ;
- усиление ЕС как самостоятельного актора;
- поддержка российской несистемной оппозиции;
- дальнейшее оказание военной и финансовой помощи Украине.

Библиография

1. Балаян А. А., Сунгуров А. Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт. СПб.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 236 с. [Balayan A. A., Sungurov A. Yu. Fabriki mysli: mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt. SPb.: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2014. 236 s.].

2. Власов Н. А. «Зеленые» в ФРГ: новая «народная партия»? // Современная Европа. 2019. № 2 (87). С. 118–129. [Vlasov N. A. «Zelenye» v FRG: novaya «narodnaya partiYA»? // Sovremennaya Evropa. 2019. № 2 (87). S. 118–129.].

3. Галкин А. П. Политические партии в системе международных отношений // Вестник ВолГУ. 2003. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. Вып. 3. С. 123–128. [Galkin A. P. Politicheskie partii v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii // Vestnik VoLGU. 2003. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. Vyp. 3. S. 123–128.].

4. Денисов И. Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК // Международная аналитика. 2018. № 2 (24). С. 28–36. [Denisov I. E. Mekhanizm prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii v Kitae: osobennosti reformirovaniya v period posle XVIII s'ezda KPK // Mezhdunarodnaya analitika. 2018. № 2 (24). S. 28–36.].

5. Кирилина Е. Ю. Роль партийных фондов ФРГ в формировании и реализации внешней политики современной Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 43–56. [Kirilina E. Yu. Rol' partiinykh fondov FRG v formirovanii i realizatsii vneshnei politiki sovremennoi Germanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2021. Vyp. 3 (844). S. 43–56.].

6. Кисилев И. Ю. Принятие решений в политике: теоретические аспекты психологии выбора: Учеб. пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. 99 с. [Kisilev I. Yu. Prinyatie reshenii v politike: teoreticheskie aspekty psikhologii vybora: Ucheb. posobie. Yaroslavl': Yarosl. gos. un-t, 2002. 99 s.].

7. Колобов О. А., Корнилов А. А., Макарычев А. С., Сергунин А. А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1992. 235 с. [Kolobov O. A., Kornilov A. A., Makarychev A. S., Sergunin A. A. Protsess prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii: istoricheskii opyt SSHA, gosudarstva Izrail' i stran Zapadnoi Evropy. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. un-ta, 1992. 235 s.].

8. Конышев В. Н. Принятие решений о военных интервенциях: Отношения президента и конгресса США (1982–1991). СПб.: Издательство «ВИРТ», 1999. 159 с. [Konyshev V. N. Prinyatie reshenii o voennykh interventsiyakh: Otnosheniya prezidenta i kongressa SShA (1982–1991). SPb.: Izdatel'stvo «VIRT», 1999. 159 s.].
9. Кортунов С. В. О механизме принятия внешнеполитических решений // Безопасная Евразия. 2004. № 2 (16). С. 205–216. [Kortunov S. V. O mekhanizme prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii // Bezopasnaya Evraziya. 2004. № 2 (16). S. 205–216.].
10. Кортунов С. В. Принятие внешнеполитических решений в России и США // Порталус. 09.12.2008. URL: https://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228848490&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 15.01.2024). [Kortunov S. V. Prinyatie vneshnepoliticheskikh reshenii v Rossii i SShA // Portalus. 09.12.2008. URL: https://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228848490&archive=&start_from=&ucat=& (data obrashcheniya: 15.01.2024).].
11. Косолапов Н. А. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С. 98–108. [Kosolapov N. A. Yavlenie mezhdunarodnykh otnoshenii: sovremennoe sostoyanie ob'ekta issledovaniya // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1998. № 5. S. 98–108.].
12. Крылова Е. А. Теоретические подходы к анализу процесса принятия внешнеполитических решений в ФРГ // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 53–58. [Krylova E. A. Teoreticheskie podkhody k analizu protsessa prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii v FRG // Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo. 2019. № 11 (76). S. 53–58.].
13. Макарычев А. «Мозговые центры» и внешняя политика США // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 6. С. 156–158. [Makarychev A. «Mozgovye tsentry» i vneshnyaya politika SSHA // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1997. № 6. S. 156–158.].
14. Макганн Д. Г. Мозговые центры и глобализация внешней политики. eJournal USA. Том 7, № 3, Ноябрь 2002 года // Гуманитарный портал. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4571> (дата обращения: 20.01.2024). [Makgann D. G. Mozgovye tsentry i globalizatsiya vneshnei politiki. eJournal USA. T. 7, № 3, Noyabr' 2002 goda // Gumanitarnyi portal. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4571> (data obrashcheniya: 20.01.2024).].
15. Матыгулина К. Р. «Мозговые центры» в сравнительном анализе внешней политики США и КНР // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/03/65805> (дата обращения: 28.01.2024). [Matygulina K.R. «Mozgovye tsentry» v sravnitel'nom analize vneshnei politiki SSHA i KNR // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2016. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/03/65805> (data obrashcheniya: 28.01.2024).].
16. Мирзоян Г. В. Мозговые центры и процесс принятия решений в США // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 3. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4567> (дата обращения: 25.01.2024.). [Mirzoyan G. V. Mozgovye tsentry i protsess prinyatiya reshenii v SShA // Rossiya i Amerika v XXI veke. 2011. № 3. Gumanitarnyi portal. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4567> (data obrashcheniya: 25.01.2024).].
17. Огнева А. В. Политические фонды ФРГ и их вклад в развитие международного диалога // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 113–118. [Ogneva A. V. Politicheskie fondy FRG i ikh vklad v razvitie mezhdunarodnogo dialoga // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4 (16). S. 113–118.].
18. Пашковский П. И., Крыжко Е. В. Особенности внешнеполитического механизма Индии // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А.

С. 248–262. [Pashkovskii P. I., Kryzhko E. V. Osobennosti vneshnepoliticheskogo mekhanizma Indii // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2017. T. 6. № 2A. S. 248–262.]

19. Петросян Д. В. Российская тематика в межпартийном дискурсе Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2021 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. 5.6.2. М., 2022. 222 с. [Petrosyan D. V. Rossiiskaya tematika v mezhpartiinom diskurse Germanii v period kantslerstva A. Merkel' (2005–2021 gg.): Dis. ... kand. istor. nauk. 5.6.2. M., 2022. 222 s.]

20. Погорельская С. В. Политические фонды во внешней политике Германии: Дис. ... канд. полит. наук. Бонн, 1995. 230 с. [Pogorelskaya S. V. Politicheskie fondy vo vneshnei politike Germanii: Dis. ... kand. polit. nauk. Bonn, 1995. 230 s.]

21. Погорельская С. В. Некоторые проблемы зарубежной деятельности немецких политических фондов. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. 112 с. [Pogorel'skaya S. V. Nekotorye problemy zarubezhnoi deyatel'nosti nemetskikh politicheskikh fondov. M.: IMENPI RAN, 1998. 112 s.]

22. Погорельская С. В. Свободные от гнета повседневной политики. Зарубежная деятельность политических фондов Германии // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 162–169. [Pogorel'skaya S. V. Svobodnye ot gneta povsednevnoi politiki. Zarubezhnaya deyatel'nost' politicheskikh fondov Germanii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1999. № 3. S. 162–169.]

23. Погорельская С. В. Тихие институты: спорные аспекты внешней и внутриполитической деятельности фондов ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 9. С. 79–86. [Pogorel'skaya S. V. Tikhie instituty: spornye aspekty vneshnei i vnutripoliticheskoi deyatel'nosti fondov FRG // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2003. № 9. S. 79–86.]

24. Погорельская С. В. Германские политические фонды в Латинской Америке // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 3. С. 164–175. [Pogorel'skaya S. V. Germanskie politicheskie fondy v Latinskoj Amerike // Aktual'nye problemy Evropy. 2004. № 3. S. 164–175.]

25. Погорельская С. В. Национальные неправительственные организации и европейская внешняя политика: роль германских политических фондов // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 3. С. 169–187. [Pogorel'skaya S. V. Natsional'nye nepravitel'stvennye organizatsii i evropeiskaya vneshnyaya politika: rol' germanskikh politicheskikh fondov // Aktual'nye problemy Evropy. 2005. № 3. S. 169–187.]

26. Погорельская С. В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике ФРГ. М.: Наука, 2007. 215 с. [Pogorel'skaya S. V. Nepravitel'stvennye organizatsii i politicheskie fondy vo vneshnei politike FRG. M.: Nauka, 2007. 215 s.]

27. Погорельская С. В. «Мягкая» сила Германии: политические фонды // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 3. С. 135–152. [Pogorel'skaya S. V. «Myagkaya» sila Germanii: politicheskie fondy // Aktual'nye problemy Evropy. 2014. № 3. S. 135–152.]

28. Рич М. Д. Корпорация РЭНД: как «мозговые центры» взаимодействуют с военными. eJournal USA. Том 7. № 3. Ноябрь 2002 года // Гуманитарный портал. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4568> (дата обращения: 30.01.2024). [Rich M. D. Korporatsiya REHND: kak «mozgovye tsentry» vzaimodeistvuyut s voennymi. eJournal USA. Tom 7. № 3. Noyabr' 2002 goda // Gumanitarnyi portal. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4568> (data obrashcheniya: 30.01.2024).]

29. Рич Э., Уивер К. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. 2013. Т. 8. № 2. С. 64–89. [Rich E.H., Uiver K. Propagandisty i analitiki: «mozgovye tsentry» i politizatsiya ehkspertov // Pro et Contra. 2013. Vol. 8. № 2. S. 64–89.]

30. Соколов А. || German Wings // Telegram. 09.04.2023. URL: <https://t.me/GeRussia/1462> (дата обращения: 29.01.2023). [Sokolov A. || German Wings // Telegram. 09.04.2023. URL: <https://t.me/GeRussia/1462> (data obrashcheniya: 29.01.2023).]

31. Тренин Д. В. Россия и мир в XXI веке. М.: Изд-во «Э», 2015. 381 с. [Trenin D. V. Rossiya i mir v XXI veke. M.: Izd-vo «Eh», 2015. 381 s.].
32. Уляшкина Е. Г. Политические партии во внешнеполитическом процессе Российской Федерации: механизмы участия: Дис. канд. полит. наук 23.00.02. М., 2020. 204 с. [Ulyashkina E. G. Politicheskie partii vo vneshnepoliticheskom protsesse Rossiiskoi Federatsii: mekhanizmu uchastiya: Dis. kand. polit. nauk 23.00.02. M., 2020. 204 s.].
33. Хаас Р. Н. Мозговые центры и американская внешняя политика: точка зрения политика. eJournal USA. Том 7. № 3. Ноябрь 2002 года // Гуманитарный портал. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4569> (дата обращения: 18.01.2024). [Khaas R. N. Mozgovye tsentry i amerikanskaya vneshnyaya politika: tochka zreniya politika. eJournal USA. Tom 7. № 3. Noyabr' 2002 goda // Gumanitarnyi portal. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4569> (data obrashcheniya: 18.01.2024).].
34. Эйбелсон Д. Э. Мозговые центры и американская внешняя политика: история вопроса. eJournal USA. Том 7. № 3. Ноябрь 2002 года // Гуманитарный портал. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4570> (дата обращения: 02.02.2024). [Ehibelson D. Eh. Mozgovye tsentry i amerikanskaya vneshnyaya politika: istoriya voprosa. eJournal USA. Tom 7. № 3. Noyabr' 2002 goda // Gumanitarnyi portal. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4570> (data obrashcheniya: 02.02.2024).].
35. Agenda und Livestreams Münchner Sicherheitskonferenz 2022 // Munich Security Conference. URL: <https://securityconference.org/msc-2022/agenda/> (date of application: 14.06.2023).
36. Agenda und Livestreams der Münchner Sicherheitskonferenz 2023 // Munich Security Conference. URL: <https://securityconference.org/msc-2023/agenda/> (date of application: 14.06.2023).
37. Außenpolitische Jahrestagung. URL: <https://www.boell.de/de/23-aussenpolitische-jahrestagung> (date of application: 14.06.2023).
38. Bundeshaushalt – Download-Portal // Bundesministerium für Finanzen. URL: <http://www.bundeshaushalt.de/DE/Download-Portal/download-portal.html> (date of application: 21.05.2023).
39. Falk S., Rehfeld D., Römmele A., Thunert M. Handbuch Politikberatung. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2019. 624 S.
40. Franzmann S. T., Giebler H., Poguntke T. It's no Longer the Economy, Stupid! Issue Yield at the 2017 German Federal Election // West European Politics. 2020. Vol. 43. № 3. P. 610–638.
41. Guidelines for Feminist Foreign Policy: a foreign policy for all // Federal Foreign Office. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/themen/ffp-guidelines/2585074> (date of application: 13.06.2023).
42. Heisterkamp U. Think Tanks der Parteien? Wiesbaden: Springer, 2018. 589 s.
43. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1977. 475 p.
44. Kelstrup J. D. The Politics of Think Tanks in Europe. London: Routledge, 2016. 174 p.
45. Orrico A, Correa J., LaFrance J., Sutton Sh. Think Tank Landscape Scan 2022: Germany // OTT. 18.11.2022. URL: <https://onthinktanks.org/articles/think-tank-landscape-scan-2022-germany/> (date of application: 20.05.2023).
46. Rede von Außenministerin Annalena Baerbock bei der Außenpolitischen Jahrestagung der Heinrich-Böll-Stiftung // Auswärtiges Amt. 10.02.2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/bmin-rede-jahrestagung-heinrich-boell-stiftung/2581886> (date of application: 14.06.2023).
47. Ripsman N. M., Taliaferro J. W., Lobell S. E. Neoclassical Realist Theory of International Politics. New York: Oxford University Press, 2016. 209 p.

48. Ruser A. What to Think about Think Tanks: Towards a Conceptual Framework of Strategic Think Tank Behaviour // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2018. Vol. 31. № 2. P. 179–192.

49. Schuster A. Sieg? Patt? Eskalation? Mögliche Entwicklungsszenarien des russischen Angriffskrieges gegen die Ukraine bis zum 24. Februar 2024 // Konrad Adenauer Stiftung. 27.02.2023. URL: <https://www.kas.de/de/einzeltitel/-/content/sieg-patt-eskalation> (date of application: 28.04.2023).

50. Security Radar 2023: FES Regional Office for Cooperation and Peace in Europe // Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://peace.fes.de/security-radar-2023> (date of application: 21.05.2023).

51. Zeitenwende for Europe: Public Perceptions Before and After Russia's Invasion of Ukraine. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/20054.pdf> (date of application: 21.05.2023).

Примечание:

Заславская Н. Г. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта.

Леонов Ю. И. – написание разделов «Введение», «Материалы и методы», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

Никитин А. В. – написание раздела «Обзор литературы».

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ И КИТАЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

Г. В. Косов¹, А. Ю. Андросова²

¹⁻²Севастопольский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье проводится глубокий анализ стратегических целей и взаимодействия Турции и Китая в контексте амбициозной мировой инициативы, представленной Китаем в начале XXI века. Инициатива «Один пояс – один путь» охватывает огромные территории и оказывает значительное влияние на глобальную политику и экономику, а статья анализирует ее ключевые аспекты в контексте отношений между двумя странами.

Основными фокусами статьи являются как позитивные аспекты взаимодействия, такие как экономическое сотрудничество и инфраструктурные проекты, так и вызовы и конфликты, с которыми Турция и Китай сталкиваются в ходе реализации этой инициативы. Геополитические интересы и приоритеты обоих государств рассматриваются в контексте их активного участия в данной инициативе. Кроме того, статья оценивает влияние взаимодействия между Турцией и Китаем на региональную и мировую стабильность, а также возможные сдвиги в геополитической балансировке сил. Нами использованы разнообразные методы анализа, включая анализ официальных документов, академических исследований и медиасоставляющей, чтобы предоставить читателям всестороннее и объективное понимание сложных взаимоотношений между двумя странами.

Через объединение аналитических данных, анализ официальных документов и медиасоставляющей статья предоставляет читателям глубокое понимание сложных взаимоотношений между Турцией и Китаем и их влияния на современную геополитическую динамику. Это исследование призвано дополнить академический диалог и способствовать лучшему пониманию роли этих ключевых государств в современном мировом порядке.

Ключевые слова: Китай, Турция, «Один пояс – один путь», геополитические интересы, мировая политика.

THE GEOPOLITICAL INTERESTS OF TURKEY AND CHINA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE

Gennady V. Kosov¹, Alexandra Y. Androsova²

¹⁻²Sevastopol State University

ABSTRACT. The article provides an in-depth analysis of the strategic goals and cooperation between Turkey and China in the context of an ambitious global initiative presented by China at the beginning of the XXI century. The Belt and Road Initiative covers vast territories and has a significant impact on global politics and the economy, and the article analyzes its key aspects in the context of relations between the two countries.

The main focuses of the article are both the positive aspects of interaction, such as economic cooperation and infrastructure projects, as well as the challenges and conflicts that Turkey and China face during the implementation of this initiative. The geopolitical interests and priorities

of both States are considered in the context of their active participation in this initiative. In addition, the article assesses the impact of interaction between Turkey and China on regional and global stability, as well as possible shifts in the geopolitical balancing of forces. We have used a variety of analysis methods, including analysis of official documents, academic research and media components, to provide readers with a comprehensive and objective understanding of the complex relationship between the two countries.

Through the combination of analytical data, analysis of official documents and media, the article provides readers with a deep understanding of the complex relationship between Turkey and China and their impact on modern geopolitical dynamics. This research is intended to complement the academic dialogue and contribute to a better understanding of the role of these key States in the modern world order.

Keywords: China, Turkey, “One Belt – one road”, geopolitical interests, world politics.

Введение

С началом XXI века мировая политическая карта начала меняться под воздействием амбициозной инициативы, представленной Китаем – «Один пояс – один путь» (*Belt and Road Initiative, BRI*), недавно отпраздновавшей свой десятилетний юбилей. Этот глобальный проект, охватывающий огромные территории от Восточной Азии до Европы, призван не только переключить геополитические структуры, но и переопределить роль ключевых игроков на мировой арене. Проект «Экономического пояса» предполагает формирование трех транспортных маршрутов: Северного направления, которое включает в себя путь через Центральную Азию и Россию, завершающийся на балтийском побережье Европы; Центрального маршрута, пролегающего через Центральную и Западную Азию, доходящего до Персидского залива и Средиземного моря, а затем через Балканы до Франции; и Южного маршрута, который начинается в Китае и протягивается через Юго-Восточную и Южную Азию. В этом контексте географическое расположение Турции, находящейся на стыке Азии и Европы, положительно выделяет страну и привлекает все большее внимание международного сообщества [1; 6].

На первый взгляд, Турция и Китай могли бы показаться далекими географическими и культурными соседями, однако их взаимодействие и конфликты в рамках инициативы «Один пояс – один путь» раскрывают сложную картину глобальных геополитических сдвигов. Турция в данной инициативе будет выступать как транспортно-логистический центр, что также выгодно обеим сторонам. Китайские и турецкие ученые провели несколько исследований, посвященных «китайской мечте» и «проекции Турции на 2023 год», связанной со столетием республики в 2023 году (Сельчук Чолакоглу, Риза Кадылар, Эндрю К. П. Леунг, О. Кейван, Цзань Тао, Сюй Шэн, Чжан Хайлунь и др.) [4]. Некоторые китайские исследователи даже стали использовать термин «турецкая мечта» по аналогии с «китайской мечтой» [2]. И выводы, полученные в ходе этих исследований, в большей степени положительные, так как указывают на то, что как Турция, так и Китай могут извлечь значительные выгоды из более тесного

геополитического сотрудничества как партнеров в рамках «Шелкового пути к возрождению» [1; 3].

В этой статье мы предпринимаем попытку глубоко исследовать геополитические интересы и стратегии Турции и Китая в контексте инициативы «Один пояс – один путь», а также оценить их влияние на региональную и мировую динамику. Мы погрузимся в ключевые аспекты сотрудничества и конфликтов между этими двумя странами, разберем вызовы и возможности, стоящие перед ними, и, таким образом, попытаемся расшифровать геополитическое будущее этой увлекательной и важной глобальной инициативы.

Актуальность исследования геополитических интересов Турции и Китая в контексте инициативы «Один пояс – один путь» несомненна по следующим причинам:

1. Глобальное влияние. Инициатива «Один пояс – один путь» является одним из самых масштабных геополитических проектов современности, охватывающим большую часть Евразии и влияющим на мировую экономику и политику. Понимание интересов двух ключевых участников, таких как Турция и Китай, имеет фундаментальное значение для анализа глобальных динамик.

2. Региональная стабильность. Роль Турции и Китая в данной инициативе оказывает влияние на геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и других регионах. Их интересы и взаимодействие могут иметь непосредственные последствия для мирной стабильности и конфликтов в этих регионах.

3. Экономическое сотрудничество. Турция и Китай – крупные экономические игроки с амбициозными планами по развитию инфраструктуры, торговли и инвестиций в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Их взаимодействие может определить будущее экономических отношений в регионе и в мире.

4. Геополитические сдвиги. Анализ интересов Турции и Китая поможет лучше понять геополитические изменения на мировой арене, включая сдвиги в балансе сил и формирование новых стратегических союзов.

В целом изучение геополитических интересов Турции и Китая в контексте инициативы «Один пояс – один путь» актуально и важно для понимания современной глобальной политической и экономической динамики.

Однако также следует выделить проблемы, с которыми сталкиваются обе стороны инициативы.

У Турции, как и у других стран, участвующих в инициативе «Один пояс – один путь», могут возникать различные проблемы и вызовы. Назовем некоторые из потенциальных проблем.

Финансовые обязательства. Участие в инфраструктурных проектах, предусмотренных инициативой, может потребовать значительных инвестиций и финансовых обязательств со стороны Турции. Это может создать ощутимое давление на бюджет страны. Пример такой ситуации мы наблюдали в связи с планами строительства высокоскоростной магистрали

Эдирне – Карс. Магистраль протяженностью 2 тыс. км предполагает связь между западными и восточными провинциями Турции и установление железнодорожных связей с Азербайджаном и Ираном [4; 5]. Однако возникают значительные разногласия между сторонами. Пекин выразил готовность финансировать весь проект при условии, что все подряды на строительство будут переданы китайским компаниям. Это условие вызывает недовольство в Анкаре, которая, несмотря на интерес к китайским инвестициям, настаивает на проведении открытых тендеров для выбора исполнителей и старается оставлять право выбора за собой [7; 9].

Геополитические риски. Турция находится в сложном геополитическом регионе, и сотрудничество с Китаем может вызвать напряженность в отношениях с другими государствами, такими как США, Россия и некоторые страны Европы.

Экономическая зависимость. Расширение экономических связей с Китаем может сделать Турцию более зависимой от китайской экономики, что может повлечь за собой риски при изменениях в мировой экономической динамике [2; 8].

Инфраструктурные проблемы. Реализация больших инфраструктурных проектов может столкнуться с техническими и организационными сложностями, что может замедлить или затруднить их выполнение.

Социальное воздействие. Инфраструктурные проекты могут иметь влияние на среду и местное население, и возникающие экологические и социальные вопросы могут вызвать общественный протест.

Соответствие нормам и стандартам. Турция должна следить за соответствием китайских инфраструктурных проектов международным нормам и стандартам в области экологии, безопасности и др., что может потребовать дополнительных усилий и ресурсов.

Политические разногласия. Внутренние политические факторы и изменения в лидерстве могут повлиять на решения и позиции Турции в рамках инициативы.

Эти проблемы необходимо учитывать при разработке стратегии сотрудничества с Китаем в рамках инициативы «Один пояс – один путь», чтобы максимизировать выгоды и минимизировать потенциальные риски для Турции и при этом создать благоприятные условия для плодотворного сотрудничества стран.

Обзор литературы

Турция установила ряд амбициозных целей для внешней политики на 2023 год, в том числе в инициативе «Один пояс – один путь». Еще в 2011 году министр иностранных дел Турецкой Республики Ахмет Давутоглу дал курс на вхождение экономики Турции в первую десятку лучших за счет увеличения ВВП и укрепления своей позиции как одной из крупнейших экономик в регионе [9]. На сегодняшний день Турция достигла значительного экономического роста и стала крупной экономикой в мировом масштабе. Она также реализовала несколько больших инфраструктурных

проектов, таких как аэропорт «Стамбул», который в 2021 году возглавил рейтинг самых загруженных аэропортов страны. Но, несмотря на это, попасть в десятку лидеров ей пока не удалось. [10].

Одним из инфраструктурных проектов для страны было строительство мостов, аэропортов, автомобильных и железных дорог, направленное на улучшение транспортной и логистической инфраструктуры. Аэропорт «Стамбул», упомянутый выше, получил от генерального консула КНР в Стамбуле Цуй Вэя сертификат «Аэропорт, дружественный к Китаю». Для гостей из Поднебесной предприняли ряд действий, способствующих их комфортному пребыванию в аэропорту. Например, персонал, говорящий по-китайски, вывески на китайском языке, приложения, позволяющие сократить время. По мнению генерального директора аэропорта Кадри Самсонлу, данный сертификат подтверждает целесообразность дальнейшего развития отношений Китая и Турции для возрождения Шелкового пути между странами по воздуху [4].

Кроме того, в качестве главного геополитического интереса выступает импорт товаров из Китая и экспорт в другие страны. Строительство новых логистических цепочек в рамках инициативы «Один пояс – один путь» даст снижение временных и стоимостных издержек для турецких экспортеров. Также улучшенная логистика способствует снижению цен на импортированные товары, что выгодно для потребителей в Турции.

Для президента Турции Тайипа Эрдогана сотрудничество в инициативе достигается полностью после строительства тоннеля под Босфором до Мармарарая. Он считает, что именно через Турцию должен проходить коридор в Европу [4]. Это показывает серьезную настроенность на развитие геополитических связей между странами, ведь Турция стремится укрепить свою роль в региональных и мировых делах, сотрудничая с различными странами и международными организациями.

Однако не все задуманные проекты удалось воплотить в жизнь. Высокоскоростная магистраль Эдирне – Карс, о которой мы упоминали выше, стала одной из проблемных точек. В связи с пандемией реализовать данный проект Турции не удалось.

Многие зарубежные исследователи называют одним из успешных логистических проектов транскаспийский международный транспортный маршрут, или, как его еще называют, Серединный коридор [4; 5]. Этот коридор представляет собой транспортный маршрут, который связывает Восточную Азию и Китай со странами Ближнего Востока, Кавказа и Европы через Турцию и регион Каспийского моря. Плюсами являются: сокращение времени доставки грузов между Азией и Европой в сравнении с традиционными маршрутами через Средиземное море; укрепление региональной интеграции; расширение рынков, что может быть выгодно для компаний, занимающихся международной торговлей. Этот логистический проект становится важной составляющей инициативы «Один пояс – один путь» и продвигается вперед с помощью нескольких стран-участниц. Вместе с тем он также вызывает интерес и внимание зарубежных исследователей

и экономистов, которые следят за его развитием и влиянием на мировую торговлю и логистику [4].

Рассматривая отношения Турции и Китая, конечно, нельзя не упомянуть о давнем конфликте двух республик, который выступает значимой преградой в улучшении отношений, – уйгурском конфликте. Столкновения между китайским правительством и уйгурским населением в провинции Синьцзян, где проживает множество уйгуров, которые вероисповедуют ислам, вызывают обеспокоенность и критику со стороны многих стран и международных организаций.

Турция имеет исторические, культурные и религиозные связи с уйгурами, и многие уйгуры воспринимают Турцию как своего культурного и религиозного защитника, который поможет им избежать «геноцида» в КНР. В связи с этим проблема уйгуров может стать серьезным вызовом для Турции в рамках участия в инициативе «Один пояс – один путь» [3].

Специальный докладчик по вопросам меньшинств Фернан де Варенн на недавнем заседании ООН выразил крайнюю обеспокоенность ситуацией в Китае. Детей забирают в приюты-интернаты, где обучают их говорить на мандаринском диалекте и изучать только его, что, по мнению экспертов, неизбежно приведет к потере связи с их семьями, подорвет их культурную, религиозную и языковую идентичность [11].

На данный момент, по мнению некоторых исследователей, Турция сохраняет дипломатический баланс между своими экономическими интересами в Китае и поддержкой уйгуров. Она может выражать озабоченность событиями в Синьцзяне, но при этом не предпринимать радикальных шагов, которые могли бы навредить ее отношениям с Китаем [5]. В будущем отношения Турции и Китая будут зависеть от того, насколько обе страны смогут согласовать свои экономические интересы с международными дипломатическими и правозащитными вопросами. Кроме того, мировое сообщество будет внимательно следить за развитием событий, и это может оказать давление на обе страны в отношении их действий в уйгурском конфликте [2].

В целом будущее развитие Китая и Турции в рамках инициативы «Один пояс – один путь» будет зависеть от их способности справляться с дипломатическими вызовами, развивать экономические отношения и поддерживать геополитическую стабильность. Однако путь к успеху в этом проекте, несомненно, будет требовать учета интересов каждой из сторон и урегулирования различных конфликтов.

Материалы и методы

Выбор методов, использованных при написании статьи, обоснован необходимостью достижения глубокого и всестороннего понимания данной темы и предоставления качественного анализа.

Для получения первичной информации о геополитических интересах Турции и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» наша методология включала в себя анализ широкого спектра информационных

источников. Прежде всего, мы изучили официальные заявления, стратегические документы и соглашения, предоставленные правительствами Турции и Китая. Это позволило нам понять официальные позиции и цели обеих стран в рамках данной инициативы.

Кроме того, мы проанализировали академические исследования и аналитические отчеты, выполненные независимыми исследовательскими организациями и институтами. Эти исследования дали нам глубокое понимание долгосрочных стратегий и мотиваций Турции и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь», а также позволили определить курс развития стран на ближайшие годы.

Чтобы быть в курсе актуальных событий и обсуждений, связанных с геополитическими интересами Турции и Китая, мы также следили за новостными источниками, такими как газеты, журналы и онлайн-публикации. Это позволило нам анализировать актуальные тренды и реакции в СМИ и обществе относительно данной темы.

Выбор и комбинация этих методов обеспечивают всесторонний и информативный анализ темы, а также помогают гарантировать качество и достоверность представленной информации.

Суммируя, наш подход к исследованию включал анализ как официальных, так и независимых источников информации, что позволило нам создать обширное и всестороннее представление о геополитических интересах и стратегиях Турции и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Результаты исследования

Результаты работы над статьей представляют собой углубленное понимание ключевых аспектов и взаимодействия между Турцией и Китаем в контексте данной инициативы, которые можно представить так:

1. Исследование позволило выявить геополитические амбиции Турции и Китая, а именно – что обе страны имеют глобальные амбиции и видят инициативу «Один пояс – один путь» как способ продвижения своих интересов на мировой арене. Турция стремится укрепить свою роль в качестве регионального лидера, а Китай – увеличить свое влияние в Евразии и дальше.

2. Анализ подтвердил, что экономическое сотрудничество между Турцией и Китаем нарастает и обе страны активно участвуют в реализации инфраструктурных проектов, таких как строительство железных дорог, морских портов и аэропортов. Эти проекты способствуют развитию транспортной и торговой интеграции, что позволит почти беспрепятственно доставлять и получать товары.

Однако следует также упомянуть, что обе страны сталкиваются с дипломатическими вызовами, такими как уйгурский конфликт. Они вынуждены балансировать между своими экономическими интересами и давлением международного сообщества для достижения наиболее выгодного партнерства.

3. Исследование оставило открытым вопрос будущего сотрудничества между Турцией и Китаем в рамках инициативы. Ведь успешное развитие отношений будет зависеть от их способности решать дипломатические конфликты и поддерживать баланс между геополитическими интересами и правозащитными вопросами.

В целом исследование геополитических интересов Турции и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» подчеркивает сложность взаимоотношений между двумя странами и необходимость поиска устойчивых решений для сотрудничества в условиях изменяющегося мирового порядка и дипломатических вызовов.

Обсуждение и заключение

В рамках рассмотрения геополитических интересов Турции и Китая в контексте инициативы «Один пояс – один путь» были представлены различные стороны сотрудничества, охватывающие политическое, экономическое и дипломатическое взаимодействие. Исследование выявило следующие ключевые моменты: укрепление позиций на мировой арене и улучшение экономики стран через участие в инициативе «Один пояс – один путь», активное развитие экономического сотрудничества, в особенности в сфере инфраструктурных проектов, и нахождение баланса между своими интересами и давлением извне в конфликтных ситуациях.

Библиография

1. Глазунов О. Н., Савченко А. Л. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока // Общество: политика, экономика, право. 2018. Вып. 3. С. 22–26. [Glazunov O. N., Savchenko A. L. Osobennosti i priority vneshnei politiki Kitaya v stranakh Blizhnego Vostoka // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2018. Вып. 3. С. 22–26.].

2. Ыльмаз О. Турция и Китай делают рывок на пути к Центральному коридору // ИноСМИ. 25.05.2016. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160525/236659667.html> (дата обращения: 12.10.2023). [Iylmaz O. Turtsiya i Kitai delayut ryvok na puti k Tsentral'nomu koridoru // InOSMI. 25.05.2016. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160525/236659667.html> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

3. Казанин М. В. Китайско-турецкие отношения и уйгурский вопрос // Институт Ближнего Востока. 27.07.2015. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (дата обращения: 12.10.2023). [Kazanin M. V. Kitaisko-turetskie otnosheniya i uigurskii vopros // Institut Blizhnego Vostoka, 27.07.2015. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25320> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

4. Калатозишвили Г. Олег Бичиашвили: «Железная дорога “Баку – Тбилиси – Карс” открывает огромные возможности» // Вестник Кавказа. 21.03.2017. URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/Oleg-Bichiashvili-ZHeleznaya-doroga-Baku-Tbilisi-Kars-otkryvaet-ogromnye-vozmozhnosti> (дата обращения: 12.10.2023). [Kalatozishvili G. Oleg Bichiashvili: «Zheleznaya doroga “Baku-Tbilisi-Kars” otkryvaet ogromnye vozmozhnosti» // Vestnik Kavkaza. 21.03.2017. URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/Oleg-Bichiashvili-ZHeleznaya-doroga-Baku-Tbilisi-Kars-otkryvaet-ogromnye-vozmozhnosti> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

5. Китай готов к рассмотрению заявки Турции о вступлении в ШОС // ТАСС. 21.11.2016. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3800059> (дата обращения: 12.10.2023). [Kitai

gotov k rassmotreniyu zayavki Turtsii o vstuplenii v SHOS // TASS. 21.11.2016. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3800059> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

6. Кокарев К. А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке // Российский институт стратегических исследований. 11.03.2015. URL: <https://riss.ru/analitica/k-voprosu-ob-interesakh-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 12.10.2023). [Кокарев К. А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке // Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. 11.03.2015. URL: <https://riss.ru/analitica/k-voprosu-ob-interesakh-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

7. О некоторых аспектах политики Китая на Ближнем Востоке // Военно-политическая аналитика. 06.02.2017. URL: <http://vpoanalyt-ics.com/2017/02/06/o-nekotorykh-aspektakh-politiki-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 12.10.2023). [О некотorykh aspektakh politiki Kitaya na Blizhnem Vostoke // Voенно-politicheskaya analitika. 06.02.2017. URL: <http://vpoanalyt-ics.com/2017/02/06/o-nekotorykh-aspektakh-politiki-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (data obrashcheniya: 12.10.2023).].

8. Тао Ц., Кузьмин В. А. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Научный диалог. 2021. № 3. С. 438–451. [Tao Ts., Kuz'min V. A. Razvitie kitaisko-turetskikh otnoshenii v ramkakh initsiativy «Oдин royas, odin put'» // Nauchnyi dialog. 2021. № 3. S. 438–451.].

9. Kartav I. Analysis of Turkish-Chinese cooperation within the framework of the initiative “Belt and Road”. Xiamen: Xiamen University, 2018. 99 p.

10. The Total Population of China from 2001 to 2023 (in Millions) // Statistics. URL: <https://www.statista.com/statistics/263765/total-population-of-china/> (date of application: 12.10.2023).

11. Türkiye-People’s Republic of China Economic and Trade Relations // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-commercial-and-economic-relations-with-china.en.mfa (date of application: 12.10.2023).

Примечание:

Косов Г. В. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта.

Андросова А. Ю. – написание разделов «Введение», «Обзор литературы», «Материалы и методы», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

МЕЖДУ ПАЧАМАМОЙ, ИИСУСОМ И МАРКСОМ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНДИХЕНИЗМА И ТЕОЛОГИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Д. Д. Беляев¹, В. А. Чикризоз²

*¹⁻²Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена двум значимым в Латинской Америке социально-политическим движениям – индихенизму и теологии освобождения, направленным на борьбу за права беднейших слоев населения, среди которых основное место занимают представители коренных народов, а также продукту их взаимодействия – индейской теологии. Появившись на рубеже XX–XXI веков, они имеют в основе своей левую марксистскую идеологию с направленностью на революционную борьбу, совмещая в себе противоречащую этому религиозную философию. Если теология освобождения включает в себя христианские догматы (в основном католические), то индихенизм направлен на возвращение индейской культуры, важную часть которой составляют верования в древних богов (в том числе инкскую богиню земли Пачамаму). В статье представлена характеристика этих движений (основные принципы, значимые деятели и события), их сравнительный анализ, а также выдвинуты предположения относительно перспектив развития индейской теологии.

Ключевые слова: Латинская Америка, теология освобождения, индихенизм, индейская теология, революционные движения.

BETWEEN PACHAMAMA, JESUS AND MARX. THE INTERACTION OF INDIGENISM AND LIBERATION THEOLOGY

Dmitry D. Belyaev¹, Vladimir A. Chikrizov²

¹⁻²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT. The article is devoted to two significant socio-political movements in Latin America – Indigenism and liberation theology, aimed at fighting for the rights of the poorest segments of the population, among which representatives of indigenous peoples occupy the main place, as well as the product of their interaction – Indian theology. Having appeared at the turn of the XX–XXI centuries, they are based on a left-wing Marxist ideology with a focus on revolutionary struggle, combining a religious philosophy that contradicts this. If liberation theology includes Christian dogmas (mostly Catholic), then Indigenism is aimed at the return of Native American culture, an important part of which is beliefs in ancient gods (including the Incan goddess of the earth Pachamama).

The article presents the characteristics of these movements (basic principles, significant figures and events), their comparative analysis, as well as assumptions about the prospects for the development of Indian theology.

Keywords: Latin America, liberation theology, Indigenism, Indian theology, revolutionary movements.

Введение

На рубеже XX–XXI веков различные движения за права угнетаемых слоев населения приобретают новые формы и силы, в отличие от революционных движений первой половины XX века. Наиболее ярко это выразилось в Латинской Америке, которая в рассматриваемый период была «полем боя» различных социалистических и неолиберальных движений. В данном регионе такие вопросы, как роль религии в государстве, права индейцев, продажа общинных земель, социальная защита и т. д., играют важную роль. Причем даже поражение социалистического лагеря в ходе холодной войны не только не ослабило позиции левых движений, а местами и усилило, что будет рассмотрено далее. Данная статья посвящена взаимодействию, казалось бы, противоречащих друг другу движений с левым уклоном: теологии освобождения и индихенизма, а также продукту их взаимодействия – индейской теологии (*teología indígena*).

Актуальность данной работы состоит в том, что на сегодняшний день в Латинской Америке наблюдается новый виток напряженности между левым и неолиберальным движениями. В 2019 году в Венесуэле случился политический кризис между президентом-социалистом Николасом Мадуро и лидером либеральной оппозиции Хуаном Гуайдо. В 2022 году в Перу в результате государственного переворота к власти пришли сторонники экс-президента Альберто Фухимори, которые заключили в тюрьму президента-социалиста Педро Кастильо. В этом же году в Бразилии в результате выборов в президентское кресло вернулся социал-демократ Лула да Силва, что сопровождалось попыткой протеста со стороны тогдашнего президента-консерватора Жаира Болсонару. На момент 2023 года примером такого обострения можно считать победу в президентских выборах в Аргентине либертарианца Хавьера Милея, который провозгласил разрыв отношений с Бразилией и Китаем, сокращение расходов на социальную сферу, тотальную приватизацию и т. д. В связи с этими событиями встает вопрос об участии в них леворадикальных организаций.

Авторы в данном исследовании ставят перед собой цель проанализировать движение индейской теологии на основе сравнения идей теологии освобождения и индихенизма.

Обзор литературы

При написании данной статьи использовались научные труды как на русском, так и на испанском языках. А. Г. Линера [17], Кристиан Гарай Вера [13] и Фернандо Мирес [19] посвятили свои работы вопросам теологии освобождения и индихенизму. Что касается индейской теологии, то здесь можно выделить таких авторов, как Дж. Ф. Горски [14], М. Э. Лафай [16] и Р. Томича [22], Э. Мартинес, О. Перес, М. Бахамондес [18].

В русскоязычной научной периодике представлены статьи, посвященные только теологии освобождения (М. В. Бейлин [1], П. В. Крылов [4], А. М. Хамидулин [8] и др.) либо индихенизму (А. Медина Эрнандес [6], Г. А. Данилова и А. А. Демянник [3], А. А. Шинкаренко [9] и др.). Работ

на тему индейской теологии на русском языке авторами статьи не было обнаружено. Отдельно следует упомянуть англоязычную статью Маркоса С. Скаусо [20], посвященную духовной практике майя в штате Чьяпас.

Материалы и методы

Для анализа революционных и марксистских практик представителей исследуемых движений были изучены труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

В качестве методологической основы использовался сравнительный метод для выявления сходств и противоречий теологии освобождения и индигенизма. На основе вывода по методу уже делался анализ индейской теологии.

Результаты исследования

Предпосылки теологии освобождения можно найти еще в XIX веке, когда в борьбе за независимость колоний против Испанской империи активное участие принимали священнослужители. Однако непосредственно свое начало она берет в 60–70-х годах XX столетия, когда в ходе Второго Ватиканского собора (1962–1965) [8, с. 460] и впоследствии обсуждался вопрос обновления католической церкви из-за снижения числа приверженцев в регионе. Во время этого собора была принята папская конституция «Радость и надежда», призванная решить вопросы секуляризации, места марксизма и социализма в противостоянии с капитализмом и либерализмом и т. д. Вернувшиеся на родину участники собора собрали в 1965 году свой в городе Медельин (Колумбия), чтобы определить возможность реализации решений Ватикана на местном уровне. Учитывая, что священники не могли не заметить, что большая часть населения Латинской Америки живет в абсолютной бедности, без доступа к нормальному образованию и медицине, появление теологии освобождения представляет собой закономерное явление.

Начали создаваться христианские низовые общины, СЭБ (*CEB – Comunidades eclesiales de base*) [2], которые стали социальной основой движения. Эти общины стали образующей силой в борьбе против североамериканского империализма. На собраниях СЭБ, где проповедовали не столько священники, сколько миряне, так как в регионе обнаружился недостаток первых, провозглашались принципы взаимопомощи и коллективизма. При этом такие организации противопоставляли себя ортодоксальному католицизму и стремились к первоначальному «плебейскому» христианству. СЭБ объединяли в себе беднейшие слои городов, сельских жителей и индейцев и к 1970-м годам насчитывали миллионы человек. Приобретая все большую массовость, СЭБ начали пропагандировать и революционные лозунги, главными из которых как раз и являлись классовая борьба и борьба с бедностью. Так как главной целью общин все еще являлась евангелизация местного населения, с чем они весьма успешно справлялись, оппозиционные настроения перенеслись и на священников. Из этого можно сделать вывод, что теология освобождения является не продуктом деятельности официального Ватикана, а логичным следствием деятельности низовых христианских общин в Латинской Америке. Примечательно, что такие видные деятели этого

движения, как Густаво Гутьеррес, критиковали расплывчатые формулировки конституции Ватиканского собора, отвлеченные от мирских проблем.

В 1971 году выходят книги Г. Гутьерреса «Теология освобождения» [4, с. 7; 15] и Х. Ассмана «Теология из практики освобождения» [10], а затем, в 1972 году, книга Л. Боффа «Иисус Христос как Освободитель» [11], которые стали теоретической основой новообразовавшегося движения. Оно является наиболее радикальным движением из описанных в работе и представляет собой использование латиноамериканскими католическими священниками (иногда и протестантскими) марксистской идеологии. Так, экономическое неравенство становится причиной всех грехов, гуманистический марксизм – основа анализа социального положения населения Латинской Америки. Для этого анализа социальных явлений были взяты ранние работы К. Маркса [1, с. 26], где изложены идеи отчуждения работника от результатов своей деятельности, а впоследствии от общества и себя самого.

Что до атеизма, пропагандируемого марксизмом, то представители теологии освобождения не видели противоречий в своей практике [1, с. 28], так как рассматривали Маркса не как воинствующего атеиста, а скорее как борца с тем самым отчуждением человека, которое распространяет церковь. При этом сами представители теологии освобождения использовали марксистскую терминологию, вроде «эксплуатации», «прибавочной стоимости», «классов» и «классовой борьбы». Также они рассуждали вполне себе в духе ортодоксального марксизма: в классовой борьбе нет нейтральной стороны, иначе человек сам себя обманывает. Учитывая, что представители теологии освобождения переносили марксизм в религиозную сферу, для них он выступает инструментом в решении социальных проблем.

Можно выделить основные принципы теологии освобождения:

- 1) марксизм – главный инструмент для борьбы с бедностью;
- 2) марксизм – не Евангелие, используются его методы, вроде внимания к экономическим факторам, классовой борьбе и важности в этой борьбе идеологии;
- 3) «Маркс – попутчик, настоящий наставник – Христос»;
- 4) политика связана с литургией, так как несет в себе идею служения народу;
- 5) служение только Богу ведет к отчуждению, надо искать общение еще и с народом.

Леонард Бофф, Густаво Гутьеррес, Леонидас Проаньо, Фернандо Карденаль и др. логично объясняли свое приобщение к отрицающей христианство идеологии путем признания святости бедноты в текстах Библии и происхождения Христа из семьи той же бедноты [5, с. 8].

Помимо разработки теоретических основ, представители теологии освобождения активно участвовали в комитетах помощи больным и детям, обучали грамотности в вечерних школах, активно пропагандировали идеи освобождения от эксплуатации среди представителей СЭБ. Некоторые наиболее радикально настроенные священники даже участвовали в революционной борьбе против буржуазных правительств своих стран, как

Камило Торрес в Колумбии [2], погибший в одной из стычек с правительственными войсками в 1966 году. Конечно, пропаганда марксистского учения, которое выдвигало атеизм, не могла не вызвать реакцию со стороны официального Ватикана, поддерживающего обычно буржуазные власти. Некоторые священники, например Фернандо Карденаль, были исключены из своих монашеских орденов или лишены сана.

История теологии освобождения закончилась в 90-х годах XX века вместе с падением социалистического лагеря в ходе холодной войны и активизацией Ватикана, который с помощью множества благотворительных организаций отвлекал бедные слои населения от революционной борьбы (фонды жилищного строительства, содержания больниц и домов престарелых, кредитные и пенсионные организации). Тем самым так называемая народная церковь, движущей силой которой являлись представители теологии освобождения, утрачивала свое влияние на широкие слои населения. На сегодняшний день движение сохранилось в основном в отдаленных районах латиноамериканских стран. Сами представители официальной церкви, в том числе и папа римский, обратили пристальное внимание на регион, часто посещая его. Во время таких визитов они не забывали критиковать насильственные меры представителей теологии освобождения, обходя молчанием те же меры со стороны противоположного лагеря, транснациональных корпораций и неолиберальных правительств.

Движение индихенизма берет начало еще с завоевания Америки испанцами, когда такие деятели, как Бартоломе де Лас Касас, подняли вопрос о положении индейского населения на только что завоеванных территориях [9, с. 76]. В своем труде «История Индий» Лас Касас привел гуманистический взгляд на проблему завоеванных народов и раскритиковал жестокость конкистадоров по отношению к ним [5].

Вопрос обострился, когда колонии обрели независимость и когда вообще возникла проблема создания наций на основе принципа Наполеона «одно государство, одна нация, одна форма организации общественных отношений, единый для всех закон» [9, с. 76]. При этом войны за независимость вело креольское население, а индейцы либо не выступали в борьбу, либо участвовали в ней на стороне роялистов. Согласно такому принципу, «индейский вопрос» перед множеством интеллектуалов решался через их ассимиляцию с главенствующей креольской культурой. Такие ученые, как Андре Обри и Гонсало Агирре Бельтран, поддерживали интегративную политику индихенизма, проводимую государствами Латинской Америки, видя в индейской культуре «тормоз прогресса». У этой точки зрения были и критики, вроде Анри Фавра и Хильберто Лопес-и-Риваса [9, с. 77], которые подчеркивали, что власти используют через такие меры коренное население в своих личных целях. Одним из виднейших политических деятелей и мыслителей той эпохи, который пытался решить проблему индейцев в их пользу, был Хосе Гонсалес Прада [3, с. 113]. Он не только защищал коренных жителей от обвинений в шпионаже во время Тихоокеанской войны

(1879–1884), но и утверждал, что «индейский субстрат» – это неотделимая часть национального вопроса латиноамериканских стран.

Стоит отметить, что индейская культура имела отражение и в искусстве, как колониального периода, так и после обретения независимости. Наиболее ярко это проявилось в религиозной живописи школы Куско [16, р. 1147], распространенной в Перу в XVII–XVIII веках и в бразильской академической живописи второй половины XIX века. Примечательно, что если первая традиция была явлением скорее народным, то вторая поддерживалась со стороны государства и была инструментом пропаганды [21, р. 329].

Вплоть до конца XX века вопрос положения индейского населения решался с помощью капиталистических мер, в атмосфере борьбы либералов и консерваторов. Главной проблемой, конечно же, был земельный вопрос, так как экономическое развитие стран после обретения независимости посягнуло и на места обитания индейских общин, которых до сих пор очень много (1/8 населения Латинской Америки, по официальным данным). Индейское население признавалось оплотом безграмотности и бедности в регионе, на него часто вешались неудачи в политике [17, р. 110].

В течение XX века в кружках индихенистов, таких как «Группа возрождения», разрабатывались планы решения индейского вопроса. Основной концепцией было вливание индейцев (в том числе и насильственное) в испаноязычное общество, с целью победить среди этих слоев безграмотность и нищету. Такой путь приводил к уничтожению самобытности индейских культур, их языков. В 1930-х годах дискурс приобретает социалистический характер с появлением в общественно-политической мысли работ Хосе Карлоса Мариатеги [7, с. 187] – создателя коммунистической партии Перу. Он говорил о важности индейцев в социальных революциях, которые могут стать важным компонентом в борьбе с американским империализмом. Под влиянием идей ленинизма и Октябрьской революции утверждал о важности решения аграрного вопроса, в котором непосредственное участие должны принимать сами индейцы. Современные отношения землевладения он видел как пережиток феодализма и колониализма.

Одним из ярких примеров решения аграрного вопроса в регионе стала политика боливийского президента Баррьентоса Ортуньо (1964–1969). В духе капиталистических отношений Ортуньо пытался рассорить крестьянство, которому выдавал субсидии, с пролетариатом, который, наоборот, подвергал репрессиям. Если взять собственно индейское население, он помогал крупным землевладельцам путем укрепления связей с государством, колонизации новых земель, разрешения продажи и закладывания земель. Эти меры позволили индейцам сплотиться вокруг Ортуньо. Однако эти меры больше помогали крупным землевладельцам, которые улучшили свое положение, приобретенное еще до всех реформ, так как реформы поощряли частных собственников, в то время как игнорировались общины.

В течение XX века политика правительств латиноамериканских стран была в основе своей схожая и направлена на решение аграрного вопроса через продажи общинных земель. Такой курс, а также игнорирование

просвещения индейцев, их избирательных прав, притеснения и несбывающиеся обещания президентов приводили к восстаниям. Одними из самых ярких примеров дискриминации неолиберальных правительств по отношению к индейскому населению являются президентства Августо Пиночета в Чили (1973–1990) и Альберто Фухимори в Перу (1990–2000). Первый посягался на общинные земли и священные леса многочисленного племени мапуче. Помимо продажи лесов и земель в частные руки, происходила интеграция индейцев в города, где те становились люмпенами из-за невысокого уровня образования и культурных различий. Фухимори же провел мероприятия по принудительной стерилизации представительниц народа кечуа в рамках борьбы с бедностью. По официальным данным, операции были подвергнуты около 200 тыс. женщин [12].

Ситуация изменилась в 90-х годах XX века, когда в Латинской Америке наметился «левый поворот» [23], к власти пришли социалистические партии. Разочарование бедных слоев населения, в основном состоявших из индейцев, в капиталистической системе привело многих в социалистические партии, которые к 2000-м годам пришли к власти в таких странах, как Боливия, Эквадор, Никарагуа, Аргентина и Бразилия. Важнейшей вехой в истории рассматриваемого движения стал приход к власти в Боливии в 2005 году социалиста Эво Моралеса [3, с. 120] – представителя народа аймара. Учитывая, что 60 % населения Боливии как раз таки индейцы [17, р. 111], Моралес под лозунгом *Vivir bien / Sumak kawsay* (на испанском и кечуа «Хорошая жизнь») активно проводил политику поддержки индейского населения, прибегая и к «левому популизму» [23, р. 130]: национализация земель и предприятий, борьба с бедностью, социальная поддержка. В области индейского вопроса правительство Моралеса распределяло земли в пользу коренных жителей, выдвигало индейскую культуру как главенствующую (богиня земли Пачамама имеет государственный праздник, отмечаемый 1 августа, и вписана в конституцию). Проводимая Моралесом политика национализации предприятий привела к увеличению доходов государственной казны и перераспределению средств на социальные расходы. Это позволило сократить бедность населения на 25 %, увеличить ВВП, понизить младенческую смертность в стране, особенно в труднодоступных районах. Проведенная аграрная реформа помогла ослабить конфликт между индейскими общинами и крупными собственниками, отдать в управление этих общин здравоохранение, образование и сельское хозяйство, увеличить эксплуатацию пустующих земель. В политическом плане Моралесу удалось увеличить представительство индейцев во всех органах власти и гарантировать права автономии территорий, принадлежащих коренным народам [3, с. 120].

Несмотря на это, не обошлось и без противоречивых моментов, как легализация употребления коки, издревле считавшейся важным продуктом в религиозных практиках, и попытка фальсификации на выборах, которые привели к отставке Моралеса. Но даже после отставки в 2019 году его приемник Луис Альберто Арсе Котокора, представитель той же, что и Моралес,

партии «Движение к социализму», продолжает политику предшественника, хоть и в умеренной форме.

Несмотря на такую давность вопроса, политика индихенизма в современных латиноамериканских странах наибольшее развитие получила именно после прихода к власти в регионе президентов-социалистов. Это можно объяснить как направленностью левой политики на борьбу с бедностью и за экономическое равенство, так и общинным образом жизни индейцев.

Обращаясь к взаимодействию теологии освобождения и политики индихенизма, стоит прежде всего отметить их левую направленность. Оба движения пытаются решить проблему беднейших слоев населения. Однако если теология освобождения работает на низовом уровне и в основном с помощью методов пропаганды и радикальной борьбы (партизанские отряды), то политика индихенизма проходит «сверху», через законодательные акты правительств в пользу индейцев. Тем не менее не исключено, что индихенизм присутствует и на низовом уровне через различные конгрессы и союзы интеллигенции (например, организация индейцев мапуче «Совет всех земель»). Если теология освобождения использует прежде всего марксизм и раннее учение об отчуждении с его революционным романтизмом, то современный левый индихенизм, благодаря работам Х. К. Мариатеги [7, с. 188], основывается на ленинизме [18, р. 62] и опыте СССР в решении национального вопроса. Главенствующую роль играют самоопределение народов и наций и аграрная реформа большевиков, так как та была направлена на коллективизацию хозяйства. Этот принцип коллективизма вполне совместим с общинным укладом жизни большинства индейцев Латинской Америки.

На ранее упомянутом низовом уровне и появилась индейская теология, направленная прежде всего на евангелизацию индейского населения и его просвещение. Это движение появилось примерно в то же время, что и теология освобождения, но наибольшее развитие получило в 1990-е годы трудами священника Элеасара Лопеса Эрнандеса [14, р. 15], который прописал основные принципы индейской теологии:

- 1) индейская теология конкретна, т. е. направлена не на абстрактную терминологию, а на проповедь среди индейцев;
- 2) выступает целостным богословием, посвящена полному обзору духовной жизни коренных народов;
- 3) отделена от высказываний реформаторов и выражается прежде всего через религиозный язык: обряды и молитвы;
- 4) направлена на народ, через проповедь на собраниях общин;
- 5) индейское богословие – реальность, которую надо признать;
- 6) есть только одна индейская теология, а не множество различных (теология майя или кечуа);
- 7) направлена на борьбу за права и свободу угнетенных, т. е. является частью теологии освобождения и т. д. [22]

При этом Эрнандес критикует радикализм теологии освобождения, одновременно признавая ее преемственность в плане борьбы с нищетой и безграмотностью индейцев.

В целом индейская теология представляет собой пока что более элитарное движение с небольшим количеством последователей, отходящее от радикальных методов теологии освобождения и нацеленное именно на приобщение индейцев к христианству, на признание их иного взгляда на мир и природу, но не на классовую борьбу.

Обсуждение и заключение

Подводя итог, теология освобождения и индихенизм, несмотря на свои противоречия в плане веры (множество индейцев до сих пор остаются язычниками, а марксизм проповедует атеизм), имеют одну цель – борьбу с бедностью и безграмотностью среди низов, представителями которых в основном являются индейцы. Марксизм в теологии освобождения является скорее средством борьбы, нежели идеологической основой, а для индейцев он является наиболее полезным ответом на вопросы идентичности и экономической свободы, что показывает политика представителей «левого поворота». Своеобразный продукт их взаимодействия, индейская теология, является больше соглашением таких движений с капиталистическими правительствами и отходом от радикальных форм борьбы.

Библиография

1. Бейлин М. В. Теология освобождения в контексте социальных идей марксистской теории // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2020. С. 25–31. [Bejlin M. V. Teologiya osvobozhdeniya v kontekste social'nyh idej marksistskoj teorii // Makar'evskie chteniya. Gorno-Altajsk: Gorno-Alstajskij gos. un-t, 2020. S. 25–31.].
2. Васильев К. Дон Камило – красный еретик // КЛИО. 15.01.2019. URL: https://istoriki.su/biblioteka/historical_journalism/364-don-kamilo-krasnyy-eretik.html (дата обращения: 12.12.2023). [Vasil'ev K. Don Kamilo – krasnyj eretik // KLIU. 15.01.2019. URL: https://istoriki.su/biblioteka/historical_journalism/364-don-kamilo-krasnyy-eretik.html (data obrashcheniya: 12.12.2023).].
3. Данилова Г. А., Демянник А.А. Политика индихенизма в современной Латинской Америке // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 1. С. 111–125. [Danilova G. A., Demyannick A. A. Politika indihenisma v sovremennoy Latinskoy Americe // Vestnick Udmurtskogo universiteta. Sociologia. Politologia. Mejdunarodnie otnosheniya. 2022. T. 6. № 1. S. 111–125.].
4. Крылов П. В. Теология освобождения в Латинской Америке: социальные идеалы и политическая практика // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4 (36). С. 6–18. [Krylov P. V. Teologiya osvobozhdeniya v Latinskoy Amerike: social'nye idealy i politicheskaya praktika // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2015. T. 8. № 4 (36). S. 6–18.].
5. Лас Касас Б. де. История Индии. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1968. 471 с. [Las Kasas B. Istoriya Indij. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1968. 471 s.].
6. Медина Фернандес А. Антропология и индихенистская политика в Мексике XX в.: диалог и конфронтация / пер. с исп. Э. Г. Александренкова // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 80–97. [Medina Fernandes A. Antropologiya i indihenistskaya politika v Meksike XX v.: dialog i konfrontaciya / per. s isp. E. G. Aleksandrenkova // Etnograficheskoe obozrenie. 2018. № 3. S. 80–97.].
7. Терехина Е. А., Ершов Б. А. Октябрьская революция 1917 года. Ее значение в мировой истории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016.

№ 12 (1). С. 185–188. URL: file:///C:/Users/Александр/Downloads/oktyabrskaya-revolyutsiya-1917-goda-ee-znachenie-v-mirovoy-istorii.pdf (дата обращения: 17.12.2023). [Terekhina E. A., Ershov B. A. Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917 goda. Ee znachenie v mirovoi istorii // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. № 12 (1). S. 185–188. URL: file:///C:/Users/Aleksandr/Downloads/oktyabrskaya-revolyutsiya-1917-goda-ee-znachenie-v-mirovoy-istorii.pdf (data obrashcheniya: 17.12.2023).].

8. Хамидулин А. М. Латиноамериканская теология освобождения как социальная теология // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 459–473. [Khamidulin A. M. Latinoamericanskaya teologiya osvobojdeniya kak social'naya teologiya // Trudy Nijegorodskoy dukhovnoy seminarii. 2018. № 16. S. 459–473.].

9. Шинкаренко А. А. Становление индихенизма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2011. № 10. С. 76–88. [Shinkarenko A. A. Stanovlenie indihenizma v Latinskoj Americe // Latinskaya Amerika. 2011. № 10. S. 76–88.].

10. Assmann H. Teologia desde la praxis de la liberacion. London: Search Press, 1975. 146 p.

11. Boff L. Jesus Christ liberator: a critical Christology for our time. Maryknoll, New York: Orbis Books. 1978. 323 p.

12. Cavagnaro K., Shenton J. E. Territories of Contested Womanhood: Pussyhats, the Pachamama, and Embodying Resistance in the Era of Hashtag Feminism // Journal of Cultural Analysis and Social Change. 2019. Т. 4. №. 1. URL: <https://www.lectitopublishing.nl/download/territories-of-contested-womanhood-pussyhats-the-pachamama-and-embodying-resistance-in-the-era-of-5847.pdf> (date of application: 12.12.2023).

13. Garay Vera C. “Vía chilena hacia el socialismo”¿ Innovaciones en el leninismo? // Revista de derecho público, 1987. Núm. 41/42. P. 133–164.

14. Gorski J. F. El desarrollo histórico de la ‘Teología India’ y su aporte a la inculturación del Evangelio // Desarrollo histórico de la Teología India. Special issue of Iglesia, Pueblos y Cultura. 1998. № 48–49. P. 9–34.

15. Gutiérrez G. Teología de la liberación: perspectivas. Salamanca: Ediciones Sígueme, 1972. 399 p.

16. Lafaille M. E. G. Pachamama y la coronación de la Virgen-Cerro. Iconología, siglos XVI a XX // Advocaciones Marianas de Gloria: Simposium (XXª Edición), San Lorenzo del Escorial, 6/9 de Septiembre de 2012. 2012. P. 1141–1164.

17. Linera Á. G. Marxismo e indianismo // Tareas. 2008. №. 130. P. 107–120.

18. Martínez E., Pérez O., Bahamondes M. La cuestión étnico-nacional y los movimientos indígenas desde la perspectiva de la antropología marxista // Antropologías del Sur. 2022. Vol. 9. № 18. P. 61–87.

19. Mires F. La colonización de las almas. Buenos Aires: Libros de la Araucaria, 2007. 301 p.

20. Scauso M. S. Intersectional Decoloniality: Re-imagining IR and the Problem of Difference // Worlding Beyond the West” series, edited by Inanna Hamati-Itaya, Arlene Tickner, and David Blaney. London: Routledge, 2021.

21. Stumpf L. K. Fragmentos de guerra: imagens e visualidades da guerra contra o Paraguai (1865–1881): tesis. São Paulo: Universidade de São Paulo, 2019. 463 p.

22. Tomichá R. Teologías de la liberación indígenas: balance y tareas pendientes // Horizonte-Revista de Estudos de Teologia e Ciências da Religião. 2013. P. 1777–1800.

23. Zegada M. T. Los nuevos contornos de la izquierda boliviana // Tinkazos. 2012. Vol. 15. №. 31. P. 121–136.

Примечание:

Беляев Д. Д. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта. Чикризов В. А. – написание разделов «Введение», «Обзор литературы», «Материалы и методы», «Результаты исследования», «Обсуждение и заключение».

УДК 378

**ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

Н. А. Трусов

*Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия
Приволжский филиал Российского государственного университета право-
судия, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ позитивных и негативных последствий, к которым может привести использование возможностей нейронных сетей в образовательном процессе. В качестве методологии исследования использован диалог автора с наиболее доступными и распространенными нейронными сетями. Автором делается вывод, что для образовательной организации искусственный интеллект несет больше позитивных последствий и рассматривается как ее инструментальный помощник в решении стоящих перед ней задач, а для обучающегося искусственный интеллект несет больше негативных последствий, что выражается в потере качества обучения и формировании у обучающихся ложных представлений о знаниях. Чтобы не допустить снижения качества образования, необходимо ориентировать обучающихся на самостоятельное изучение материала, объяснять им важность самостоятельного анализа информации, обучать критическому мышлению, поощрять создание своих собственных презентаций и творческих проектов. Если мы хотим жить в государстве-цивилизации, то нужно приобретать знания и опыт самостоятельно, а нейронные сети здесь должны выступать не более чем техническими помощниками.

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект, образование, образовательный процесс, последствия.

**THE CONSEQUENCES OF USING THE CAPABILITIES
OF NEURAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL PROCESS**

Nikolay A. Trusov

*Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia
The Volga Region branch of The Russian State University of Justice,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. The article presents an analysis of the positive and negative consequences that the use of neural network capabilities in the educational process can lead to. The author's dialogue with the most accessible and widespread neural networks was used as a research methodology. The author concludes that for an educational organization, artificial intelligence has more positive consequences and is considered as its instrumental assistant in solving the tasks facing it, and for a student, artificial intelligence has more negative consequences, which is expressed in a loss of learning quality and the formation of false ideas about knowledge

among students. In order to prevent a decrease in the quality of education, it is necessary to orient students towards independent study of the material, explain to them the importance of independent analysis of information, teach critical thinking, and encourage the creation of their own presentations and creative projects. If we want to live in a civilizational state, we need to acquire knowledge and experience on our own, and neural networks here should act as nothing more than ordinary technical assistants.

Keywords: neural network, artificial intelligence, education, educational process, consequences.

Введение

Нейронные сети, генерирующие ответы на любые интеллектуальные и творческие задачи, появились в отечественном интернет-сегменте в открытом доступе относительно недавно, но за незначительное количество времени «обросли» миллионными пользователями. Еще недавно технологии и инструменты искусственного интеллекта (далее – ИИ) были доступны лишь специалистам и программным разработчикам, а сегодня – фактически всем желающим. Внедрение технологий искусственного интеллекта продвигается во всех сферах, включая гуманитарную и ее составляющую – образовательную среду.

В настоящее время интернет-ресурсы предлагают для обучения десятки нейронных сетей, среди них: *ChatGPT*, *YandexGPT*, *GigaChat*, *Writefull*, *MathGPT*, *Tome*, *BlackBox*, *DeepL*, *Gamma AI*, *Yippity* и др. Они пишут программный код, придумывают рассказы, сценарии, сочиняют стихи, генерируют аналитические тексты, делают презентационные проекты, рисуют картины, форматируют фотографии и много чего еще. Этого более чем достаточно для того, чтобы и школьники, и обучающиеся образовательных организаций среднего и высшего профессионального образования, а также педагогические работники стали активными пользователями нейросетей. Это с одной стороны, а с другой – нейросетями заинтересовались и сами образовательные организации, поскольку появилась высокотехнологическая возможность быстрее и качественнее решить стоящие перед ними задачи. Однако если для последних все возможности нейросетей пока не раскрыты, процесс в России фактически только начинается и о соответствующих последствиях такого использования мы можем пока в большей мере только догадываться и рассуждать, то обучающиеся и педагогические работники уже успели «распробовать» предоставленный в массовое пользование высокотехнологический инструмент искусственного интеллекта.

Одним из очевидных внешних последствий использования возможностей нейросетей, а именно генерации текстов для устных ответов, докладов, письменных работ, аналитики информации для ответов на вопросы, подготовки презентационных проектов, стало то, что обучающиеся перестали самостоятельно искать информацию (стали меньше уделять этому внимания), перестали ее анализировать, перепроверять. За них это делают нейросети. Обучающиеся перестали стремиться к овладению знаниями, они начали оттачивать навыки работы с нейросетями.

За простотой подготовки и слепым упованием на технологию пусть искусственного, но интеллекта последовало постепенное снижение уровня критического мышления при анализе сгенерированной нейронными сетями информации, игнорирование элементарной перепроверки информации. Закономерным следствием этого стало возрастание ошибок и неточностей в текстах, ответах, интеллектуальных проектах. Вполне очевидно, что в таком варианте использование нейросетей в образовательном процессе несет отрицательный эффект. Однако нельзя отрицать и преимущества, которые появляются в образовательном процессе с приходом новой технологии. О. И. Долгая совершенно справедливо указала, что «в зависимости от использования ИИ может иметь различные последствия для развития когнитивных способностей, поэтому важно исследовать, как использование ИИ в образовательном процессе изменит человеческий мозг» [2, с. 33–34]. Цель нашей работы более скромная – установить, к каким последствиям может привести использование возможностей нейронных сетей в образовательном процессе.

Обзор литературы

Феномен ИИ является объектом пристального внимания со стороны исследователей из разных сфер. Не исключением является и научный интерес к исследованиям по применению технологии ИИ в сфере образования. В открытом доступе интернет-сегмента можно найти не один десяток научных публикаций, так или иначе связанных с обозначенным нами предметом исследования. Исследуются как общие вопросы внедрения искусственного интеллекта в сферу образования [3–10; 12; 14; 19], так и особенности соответствующих процессов отдельно в школе [2] и в системе высшего образования [1; 11; 15; 16], анализируется как зарубежный опыт влияния ИИ на образовательный процесс [13], так и более узкая тематика, например потенциал использования технологий ИИ в обучении креативным профессиям [20]. Таким образом, нельзя сказать, что проблематика применения технологии ИИ в сфере образования [см., например, 7–8], в том числе и последствий соответствующего применения, положительных и отрицательных сторон такого применения [17], совсем не описана в научной литературе. Определенная источниковая база есть, но нельзя не заметить, что многие положения кочуют из одной публикации в другую. Следовательно, провести содержательный анализ положений научных публикаций о влиянии технологии ИИ на сферу образования, систематизировать соответствующие положения по последствиям использования возможностей нейронных сетей в образовательном процессе не столь сложная научная задача, но такого рода работа будет одной из многих, в которую также перекочуют положения из других, проанализированных нами публикаций. Поэтому мы решили применить иную технологию в исследовании.

Материалы и методы

Принимая во внимание легальное определение понятия «искусственный интеллект», под которым понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [18], в качестве методологии исследования мы решили использовать диалог преподавателя с нейросетью, рассчитывая при этом получить результат, сопоставимый «с результатами интеллектуальной деятельности человека». Для своего исследования автор выбрал три самые известные и доступные для общения нейронные сети: *YandexGPT*, *ChatGPT* и *GigaChat*. В основу исследования будет положен диалог с *YandexGPT*, дополненный ответами нейронных сетей *GigaChat* и *ChatGPT*.

Результаты исследования

На вопрос о возможности использования искусственного интеллекта в образовании *YandexGPT* сразу перечислила положительные стороны использования искусственного интеллекта, акцентировавшись на образовательной организации: «Например, он может помочь в создании персонализированных учебных программ, которые учитывают индивидуальные особенности учащихся и их потребности. Также ИИ может использоваться для анализа больших объемов данных об успеваемости студентов, чтобы выявить закономерности и улучшить качество обучения. Кроме того, ИИ может быть использован для разработки новых методов обучения, таких как виртуальные учителя или интерактивные учебники».

В данном случае искусственный интеллект *YandexGPT* рассматривается как инструментальный помощник образовательной организации в решении стоящих перед ней задач. Это, безусловно, положительная сторона использования искусственного интеллекта в образовании.

На вопрос о том, как искусственный интеллект может помочь обучающимся в их подготовке к учебным занятиям, *YandexGPT* ответила предоставлением им доступа к большим объемам информации и ресурсам: «Например, ИИ может использовать алгоритмы машинного обучения для анализа текстов, изображений и видео, чтобы определить, какие материалы наиболее полезны для конкретного обучающегося. Кроме того, ИИ может помочь в создании индивидуальных учебных планов, которые учитывают уровень знаний и интересов каждого обучающегося». В данном случае речь идет о так называемом персонализированном образовании, что также следует отнести к положительным последствиям использования искусственного интеллекта в образовании.

Ни одна нейросеть не дала однозначного ответа на вопрос о том, является искусственный интеллект в образовании добром или злом? Например, *ChatGPT* ответила, что данный вопрос «не имеет однозначного ответа, так как это зависит от конкретной реализации технологии и контекста

использования». При этом нейросеть обратила внимание на потенциальные положительные стороны (персонализация обучения, доступ к образованию, улучшение обратной связи) и возможные негативные аспекты (потеря человеческого взаимодействия, проблемы конфиденциальности, неравенство в доступе, ограничение креативности). «В целом, решение о том, является ли использование ИИ в образовании добром или злом, зависит от того, как эта технология применяется, и какие меры принимаются для минимизации возможных негативных последствий. Важно стремиться к сбалансированному подходу, который учитывает потенциальные преимущества и риски».

YandexGPT: «Как и любой другой инструмент, искусственный интеллект в образовании может быть использован как во благо, так и во зло. С одной стороны, он может помочь улучшить качество образования и сделать его более доступным для всех слоев населения. С другой стороны, его использование может привести к нарушению конфиденциальности и этических норм. Поэтому важно соблюдать баланс между использованием ИИ и традиционными методами обучения».

В ответах нейросетей многое связано с качеством образования, причем по большей части речь идет только о положительном последствии, а именно повышении качества образования.

На вопрос о том, как искусственный интеллект может помочь улучшить качество образования, *YandexGPT* сформулировала несколько положений: «Например, он может использоваться для создания персонализированных учебных планов, которые учитывают индивидуальные потребности и способности учащихся. ИИ также может анализировать большие объемы данных об успехах учащихся, чтобы выявить тенденции и области, требующие улучшения. Кроме того, ИИ может использоваться для разработки новых методик обучения, таких как виртуальные учителя и интерактивные учебники».

Данный ответ мы уже наблюдали. Повышение качества образования нейросеть, по сути, свела к инструментальной составляющей образовательного процесса в образовательной организации.

На уточняющий вопрос о том, где искусственный интеллект может быть полезен образовательной организации, *YandexGPT* отметила следующие области:

«1. Персонализация обучения: ИИ может использовать данные об учащихся, такие как их интересы, предпочтения, уровень знаний и т. д., чтобы создать персонализированные учебные планы и рекомендации.

2. Анализ данных: ИИ может анализировать большие объемы данных об успеваемости учащихся, чтобы выявить тенденции и закономерности, которые могут помочь улучшить учебный процесс.

3. Автоматизация процессов: ИИ может автоматизировать рутинные задачи, такие как проверка домашних работ или оценка тестов, что позволит учителям сосредоточиться на более важных задачах.

4. Поддержка принятия решений: ИИ может использоваться для поддержки принятия решений учителями и администраторами, предоставляя информацию о том, какие стратегии обучения наиболее эффективны для различных групп учащихся.

5. Интерактивные обучающие программы: ИИ может создавать интерактивные обучающие программы, которые вовлекают учащихся в процесс обучения и делают его более интересным.

6. Адаптивное тестирование: ИИ может адаптировать тесты в зависимости от результатов учащегося, что позволяет более точно оценивать его знания.

7. Роботизированная поддержка: ИИ может использоваться для управления роботами в классе, которые могут помогать учащимся в выполнении заданий или предоставлять обратную связь».

Более скромным был ответ *YandexGPT* на уточняющий вопрос о том, как искусственный интеллект может быть полезен обучающемуся: «...может быть полезен в виде персональных рекомендаций по обучению, помощи в анализе данных и принятии решений, а также в виде поддержки в процессе обучения».

А вот обсуждать вред, который может быть причинен образовательной организации или обучающемуся при использовании технологий ИИ, нейросеть не стала.

Более детализированные ответы на аналогичные вопросы были даны нейронной сетью *GigaChat*. К положительным последствиям использования ИИ в образовательном процессе для образовательных организаций нейросеть отнесла:

«1. Персонализированное обучение: ИИ может помочь создать индивидуальные учебные планы для каждого ученика, учитывая его потребности, интересы и уровень знаний. Это может помочь ученикам учиться более эффективно и быстро достигать своих целей.

2. Автоматизация административных задач: ИИ может помочь автоматизировать рутинные административные задачи, такие как оценка работ, составление отчетов и сбор данных. Это может сэкономить время и ресурсы, которые учителя и администрация могут использовать для более важных задач.

3. Улучшение качества образования: ИИ может помочь учителям и администрации образовательных учреждений выявлять проблемные области и улучшать качество образования. Например, ИИ может помочь учителям быстро выявлять учеников, которые испытывают трудности с определенными предметами или навыками, и предоставлять им дополнительную поддержку.

4. Увеличение доступности образования: ИИ может помочь увеличить доступность образования для людей, которые не могут посещать традиционные учебные заведения, например, из-за физических или финансовых ограничений. Например, ИИ может помочь создать онлайн-курсы,

которые люди могут проходить в своем собственном темпе и в удобное для них время.

5. Улучшение эффективности исследований: ИИ может помочь ученым и исследователям обрабатывать и анализировать большие объемы данных быстро и эффективно. Это может помочь ускорить процесс исследования и сделать его более точным и надежным».

Отметим, что большая часть названных положительных сторон относится более к обучающимся, нежели к образовательной организации. Именно это и подтвердил уточняющий вопрос о том, как искусственный интеллект может быть полезен обучающемуся. *GigaChat* свела ответ, по сути, к персонализированному обучению, включая дополнительную поддержку и объяснение, персональные рекомендации и обратную связь.

Также, в отличие от *YandexGPT*, *GigaChat* не стала уходить от вопроса о негативных последствиях. На вопрос о вреде ИИ для образовательной организации *GigaChat* сформулировала следующие положения:

«1. Риск сокращения рабочих мест: внедрение ИИ может привести к сокращению рабочих мест для учителей и других работников в образовательной сфере. Это может повлечь за собой потерю рабочих мест и заработка для людей, а также снижение качества образования, поскольку некоторые задачи могут быть выполнены менее эффективно или вообще не выполнены.

2. Ограничение человеческого взаимодействия: использование ИИ может привести к ограничению человеческого взаимодействия и уменьшению значимости роли учителя в образовании. Это может привести к тому, что ученики будут получать меньше индивидуального внимания и поддержки, что может негативно сказаться на их обучении и развитии.

3. Риск этики и безопасности: использование ИИ может привести к риску нарушения этики и безопасности, таких как утечка персональных данных учеников или неправильное использование данных для принятия решений. Это может повлечь за собой нарушение конфиденциальности и безопасности учеников, а также неправомерное использование их личных данных.

4. Недостаток человеческого суждения: ИИ может быть ограничен в своей способности понимать и оценивать сложные ситуации и контексты. Это может привести к тому, что он будет принимать неправильные или недостаточно обоснованные решения, что может негативно сказаться на качестве образования и успехе учеников.

5. Зависимость от технологии: использование ИИ может привести к зависимости от технологии и уменьшению навыков и компетенций учителей и учеников. Это может повлечь за собой отсутствие умения и желания учиться и развиваться самостоятельно, а также снижение способности адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям».

Полагаем, что вторая и пятая позиции больше относятся к вреду, который может быть нанесен применением ИИ обучающемуся. Это подтвердил и уточняющий вопрос о негативных последствиях использования ИИ

для обучающегося. *GigaChat* также обозначила зависимость от технологий и недостаток социального взаимодействия, в отсутствие которого не развиваются навыки коммуникации и сотрудничества, но также были названы примеры, которые ранее нейронные сети относили к положительным сторонам использования искусственного интеллекта, а именно:

«1. Ограниченное понимание материала: ИИ может предоставлять объяснения и примеры, но он не всегда может полностью понять или учесть сложность материала или индивидуальные потребности и уровень знаний ученика. Это может привести к тому, что ученик не полностью понимает материал и не получает необходимой поддержки и обратной связи.

2. Недостаток индивидуального обучения: ИИ может предоставлять индивидуальные задания и упражнения, но он не всегда может полностью адаптироваться к индивидуальным потребностям и уровню знаний ученика. Это может привести к тому, что ученик не получает достаточно персонализированного обучения и не достигает своих целей.

3. Ограниченная мотивация: ИИ может предлагать интересные и увлекательные задания и упражнения, но он не всегда может полностью понять или учесть индивидуальные интересы и мотивацию ученика. Это может привести к тому, что ученик теряет интерес к обучению и не получает достаточной мотивации для достижения успеха».

Получается, что отдельные положительные последствия использования технологий ИИ в образовании, по мнению самих же нейронных сетей, могут и не являться таковыми вовсе, а хваленое персонализированное образование может быть очередной фикцией.

Как представляется, в контексте нашего исследования важными являются вопросы о самостоятельности обучения. Так, на вопрос о пользе для обучающегося, если за него все выводы будет делать ИИ, *YandexGPT* ответила, что «искусственный интеллект может помочь обучающемуся в анализе данных и принятии решений, но не может полностью заменить его собственные знания и навыки».

Нужно ли учиться анализировать информацию, если за тебя это более качественно сделает ИИ? *YandexGPT*: «Искусственный интеллект не может полностью заменить человека в принятии решений, особенно в тех областях, где требуется анализ и интерпретация информации. Обучение анализу информации остается важным навыком для любого специалиста, так как это помогает развивать критическое мышление и умение делать выводы на основе данных».

Таким образом, нейросети констатируют, что ИИ не может заменить человеку его собственные знания и собственные навыки. Важнейшим когнитивным навыком является критическое мышление, которое невозможно без определенного объема собственных знаний, навыка их анализа, формулировки суждений применительно к конкретной социальной ситуации. Другой вопрос, что эти (свои) знания еще надо получить, а навыками – овладеть. А как быть, если за обучающегося это делает нейросеть?

Нейросети ищут информацию, анализируют ее, строят суждения, генерируя тексты, готовят презентации.

В этой связи мы задали уточняющий вопрос о том, какие негативные последствия возможны от генерации текста. *YandexGPT*: «Как и любой инструмент, генерация текста может иметь негативные последствия, если использовать ее неправильно или бездумно. Например, она может привести к плагиату, когда кто-то использует чужой текст без указания источника. Также она может создавать ложное впечатление о знаниях автора, если он использует слишком много сгенерированного текста вместо того, чтобы изучать реальную информацию. Кроме того, сгенерированный текст может быть не всегда точным или актуальным, что может вводить читателей в заблуждение». При этом использование при генерации текста недостоверной информации зависит от того, «какие данные были использованы для обучения модели. Если использовались некачественные или недостоверные данные, то и сгенерированный текст может содержать ошибки или неточности. Чтобы избежать этого, необходимо тщательно проверять и фильтровать используемые данные». И если в программу была заложена недостоверная информация, по которой обучались студены, то «у студента сформировались ложные знания, <...> Однако, важно отметить, что это не вина искусственного интеллекта, а скорее проблема некачественной исходной информации или неправильного использования системы».

Следовательно, использование искусственного интеллекта при генерации текста несет в себе три риска: риск плагиата, риск снижения собственных знаний обучающегося (т. е. негативно сказывается на качестве обучения) и риск получить ложные знания, если использовались некачественные или недостоверные данные. Здесь мы опять возвращаемся к вопросу о контроле за тем, кто будет определять и контролировать, какие материалы использовать при генерации текста, а какие использовать не надо.

В начале работы мы отмечали, что генерация аналитических текстов и подготовка презентационных проектов – это важные технологические преимущества ИИ, которые применяются в образовательном процессе в основном, конечно, обучающимися. Но к чему может привести широкое использование такого рода возможностей? Этот вопрос мы и задали нейронной сети.

YandexGPT: «Если студенты начинают массово использовать сгенерированные искусственным интеллектом тексты, это может привести к нескольким проблемам. Во-первых, это может снизить качество обучения, так как студенты не будут углубленно изучать материал и анализировать информацию. Во-вторых, это может привести к нарушению авторских прав, так как сгенерированные тексты могут быть приняты за оригинальные. В-третьих, это может нарушить этические стандарты, так как использование искусственного интеллекта может привести к неправильному использованию данных и нарушению конфиденциальности. Чтобы решить эту проблему, необходимо обучать студентов критическому мышлению и анализу информации, а также поощрять их к самостоятельному изучению

материала. Кроме того, необходимо разработать правила использования искусственного интеллекта в учебном процессе, чтобы избежать нарушений авторских прав и этических стандартов».

YandexGPT: «Если студенты начинают массово использовать презентации, сгенерированные искусственным интеллектом, это может негативно сказаться на качестве обучения. Во-первых, такие презентации могут содержать ошибки и неточности, так как ИИ не всегда способен правильно интерпретировать информацию. Во-вторых, использование сгенерированных презентаций может привести к снижению мотивации студентов, так как они не будут тратить время на создание своих собственных презентаций. В-третьих, использование сгенерированных ИИ презентаций может нарушать авторские права, так как многие студенты могут не знать о необходимости указания источника информации. Чтобы решить эту проблему, преподавателям следует поощрять студентов к созданию своих собственных презентаций и объяснять им важность критического мышления и анализа информации. Кроме того, следует разработать правила использования сгенерированных искусственным интеллектом презентаций в учебном процессе для предотвращения нарушений авторских прав».

Таким образом, использование обучающимися сгенерированных ИИ текстов и презентаций – это не прорыв в технологии образования, это потенциальный риск снижения, а при постоянном использовании закономерное снижение качества образования! Чтобы этого не допустить, необходимо ориентировать обучающихся на самостоятельное изучение материала, объяснять им важность и обучать критическому мышлению и анализу информации, поощрять к созданию своих собственных презентаций.

Заметим, что к преимуществам самостоятельного обучения *GigaChat* отнесла: самостоятельную инициативу (развивает навыки самостоятельного поиска информации и решения проблем), гибкость (позволяет изучать темы в соответствии с собственными интересами и темпом) и ответственность (самостоятельное обучение способствует развитию ответственности за свой собственный процесс обучения).

Следует обратить внимание на то, что по большей части все описанные нами последствия использования возможностей нейронных сетей в образовательном процессе сводятся к качеству образования: его улучшению или потере. *YandexGPT* так ответила на соответствующий вопрос: «Как и в любом другом аспекте жизни, важно использовать ИИ с умом и осторожностью. Если использовать его для выполнения рутинных задач, которые могут быть заменены алгоритмами, то да, это может привести к потере качества обучения. Однако, если использовать ИИ для анализа данных, создания персонализированных учебных программ и других задач, которые требуют глубокого понимания материала, то его использование может повысить качество обучения». «Если рутинные задачи не требуют глубокого понимания материала и анализа данных, то их замена алгоритмами может привести к потере качества обучения. Однако если эти задачи

требуют глубокого понимания материала или анализа данных, то замена их алгоритмами может снизить качество обучения».

На уточняющий вопрос о том, что если использовать ИИ для выполнения рутинных задач, которые могут быть заменены алгоритмами, а также задач, которые требуют глубокого понимания материала, то в обоих случаях это может привести к потере качества обучения, ответ был однозначным: «Да, это верно». В этом случае получается, что потеря качества обучения есть следствие использования искусственного интеллекта в образовании. Верно? *YandexGPT*: «Да, вы правы. Потеря качества обучения является возможным последствием использования ИИ в образовании». К такому выводу пришла нейросеть в результате диалога с нею.

Обсуждение и заключение

Диалог с нейросетью о последствиях использования возможностей нейросетей в образовательном процессе привел нас к следующим умозаключениям:

1. Использование ИИ в образовательном процессе несет как позитивные, так и негативные потенциальные последствия. Для образовательной организации ИИ несет больше позитивных последствий и рассматривается как ее инструментальный помощник в решении стоящих перед ней задач (см. табл. 1). Для обучающегося ИИ несет больше негативных последствий (см. табл. 2), что выражается в большей мере в потере качества обучения и формировании у обучающихся ложных представлений о знаниях.

Таблица 1

Последствия использования / применения технологии ИИ для образовательной организации

<i>Положительные:</i>	
	может использоваться для анализа больших объемов данных об успеваемости студентов, чтобы выявить закономерности
	может быть использован для разработки новых методов обучения, таких как виртуальные учителя или интерактивные учебники
	может помочь в создании персонализированных учебных программ, которые учитывают индивидуальные особенности учащихся и их потребности
	может адаптировать тесты в зависимости от результатов учащегося, что позволяет более точно оценивать его знания
	может использоваться для поддержки принятия решений учителями и администраторами, предоставляя информацию о том, какие стратегии обучения наиболее эффективны для различных групп учащихся, выявлять проблемные области
	может помочь учителям быстро выявлять учеников, которые испытывают трудности с определенными предметами или навыками, и предоставлять им дополнительную поддержку
	может автоматизировать рутинные задачи, такие как проверка домашних работ или оценка тестов, что позволит учителям сосредоточиться на более важных задачах
	может автоматизировать рутинные административные задачи, такие как составление отчетов и сбор данных, что позволит сэкономить время и ресурсы, которые администрация может использовать для более важных задач

	может использоваться для управления роботами в классе, которые могут помогать учащимся в выполнении заданий или предоставлять обратную связь
<i>Отрицательные:</i>	
	может привести к сокращению рабочих мест для учителей и других работников образовательной сферы, что, в свою очередь, может повлечь за собой снижение качества образования, поскольку некоторые задачи могут быть выполнены менее эффективно или вообще не выполнены
	может привести к риску нарушения этики и безопасности, как утечка персональных данных учеников или неправильное использование данных для принятия решений, что, в свою очередь, может повлечь за собой непропорциональное использование их личных данных
	искусственный интеллект ограничен в своей способности понимать и оценивать сложные ситуации и контексты, что, в свою очередь, может привести к тому, что он будет принимать неправильные или недостаточно обоснованные решения, что может негативно сказаться на качестве образования и успехе учеников

Таблица 2

**Последствия использования / применения
технологии ИИ для обучающегося**

<i>Положительные:</i>	
	может предоставить доступ к большим объемам информации и ресурсам
	может предоставить доступ к образовательным ресурсам в удаленных или малозаселенных областях, где традиционные формы образования могут быть ограничены, сделать образование более доступным для всех слоев населения
	может использовать алгоритмы машинного обучения для анализа текстов, изображений и видео, чтобы определить, какие материалы наиболее полезны для конкретного обучающегося
	может помочь в создании индивидуальных учебных планов, которые учитывают уровень знаний и интересов каждого обучающегося, предоставить детализированную обратную связь и анализ, помогая учащимся лучше понимать свои ошибки и прогресс
<i>Отрицательные:</i>	
	учащиеся могут не иметь равного доступа к технологиям искусственного интеллекта, что может увеличивать неравенство в образовании
	слишком интенсивное использование искусственного интеллекта может привести к потере человеческого взаимодействия / контакта, что важно для некоторых аспектов обучения и развития, к уменьшению значимости роли учителя в образовании, что, в свою очередь, может привести к тому, что ученики будут получать меньше индивидуального внимания и поддержки, что может негативно сказаться на их обучении и развитии
	может привести к зависимости от технологии и уменьшению навыков и компетенций учителей и учеников, что, в свою очередь, может повлечь за собой отсутствие умения и желания учиться и развиваться самостоятельно, а также снижение способности адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям
	искусственный интеллект может предоставлять поддержку и обучение, но он не может заменить социальное взаимодействие и обмен опытом с другими учениками и учителями. Это может привести к тому, что ученик не получает достаточно социального взаимодействия и не развивает навыки коммуникации и сотрудничества

	сбор и анализ данных обучающихся искусственным интеллектом может вызывать опасения относительно конфиденциальности личной информации обучающегося
	может ограничивать развитие креативности и критического мышления
	может привести к снижению качества обучения
	может привести к нарушению авторских прав, так как многие обучающиеся могут не знать о необходимости указания источника информации
	может привести к снижению мотивации к обучению, поскольку учебный результат (доклад, работа, проект и пр.) может быть достигнут быстрее за счет возможностей искусственного интеллекта

2. Потеря качества образования является закономерным следствием систематического использования возможностей ИИ (генерация текста, подготовка презентаций) обучающимися в образовательном процессе. Риск получить ложные знания зависит от того, какие данные использовались нейросетью при подготовке материала. Кто будет задавать алгоритмы для нейросетей, тот и будет контролировать содержание и объем знаний. Это значит, что государство должно иметь возможность контроля за тем, кто и как будет определять, какие материалы использовать при генерации текста, а какие использовать не надо.

3. Для того чтобы не допустить снижения качества образования, необходимо ориентировать обучающихся на самостоятельное изучение материала, объяснять им важность самостоятельного анализа информации, обучать критическому мышлению, поощрять создание своих собственных презентаций и творческих проектов. ИИ может помочь обучающемуся в анализе данных и принятии решений, но не может полностью заменить его собственные знания и навыки. Важнейшим когнитивным навыком является критическое мышление, которое невозможно без определенного объема собственных знаний, навыка их анализа, формулировки суждений применительно к конкретной социальной ситуации.

4. Слепое упование и безграничное, неконтролируемое внедрение технологий ИИ в образование создадут конкурентный выбор с человеком – носителем знания, т. е. с преподавателем. ИИ не сможет заменить человеческое общение и социальную коммуникацию; он не сможет передать национальный характер и менталитет; он не сможет объяснить чувства, совесть, душу, духовную чистоту. Это все может быть утеряно, поскольку передается от человека к человеку через личное взаимодействие. Если мы хотим жить в государстве-цивилизации, то нужно приобретать знания и опыт самостоятельно, а нейронные сети здесь должны выступать не более чем техническими помощниками.

5. Учитывая неизбежность все большего использования обучающимися ресурсов нейронных сетей в образовательном процессе, а также необходимость превентивных мер для купирования негативных последствий в виде снижения качества обучения, представляется необходимым внесение изменений в локальные акты образовательных организаций в части аттестации обучающихся, а именно не оценивать / не включать

в оценивание презентационные материалы, подготовленные нейросетями, и доклады / работы, при подготовке которых использовались сгенерированные нейросетями тексты.

Завершить свою работу мы хотим словами политолога С. Михеева: «Компьютер сам по себе человека образованным не сделает. Образованным человека делает хорошее образование, которое базируется на преподавании, на передаче знаний от человека к человеку, а техника тут может только помогать» (25 октября 2023 года, радиоэфир «Вести ФМ»).

Библиография

1. Амиров Р. А., Билалова У. М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 80–88. [Amirov R. A., Bilalova U. M. Perspektivy vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sfere vysshego obrazovaniya // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. 2020. № 3. S. 80–88.].

2. Долгая О. И. Искусственный интеллект и обучение в школе: ответ на современные вызовы // Школьные технологии. 2020. № 4. С. 29–38. [Dolgaya O. I. Iskusstvennyy intellekt i obucheniye v shkole: otvet na sovremennyye vyzovy // Shkol'nyye tekhnologii. 2020. № 4. S. 29–38.].

3. Дробахина А. Н. Информационные технологии в образовании: искусственный интеллект // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 125–128. [Drobakhina A. N. Informatsionnyye tekhnologii v obrazovanii: iskusstvennyy intellekt // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 70-1. S. 125–128.].

4. Духанина Л. Н., Максименко А. А. Проблемы имплементации искусственного интеллекта в сфере образования // Перспективы науки и образования. 2020. №. 4 (46). С. 23–35. [Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Problemy implementatsii iskusstvennogo intellekta v sfere obrazovaniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2020. №. 4 (46). S. 23–35.].

5. Измайлова М. А. Возможности и угрозы искусственного интеллекта в образовании // Психология обучения. 2020. № 3. С. 84–94. [Izmaylova M. A. Vozmozhnosti i ugrozy iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Psikhologiya obucheniya. 2020. № 3. S. 84–94.].

6. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Стивен Даггэн; ред. С. Ю. Князева; пер. с англ.: А. В. Паршакова. М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 44 с. [Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: Izmeneniye tempov obucheniya. Analiticheskaya zapiska ИТО YUNESKO / Stiven Daggen; red. S. Yu. Knyazeva; per. s angl.: A. V. Parshakova. M.: Institut YUNESKO po informatsionnym tekhnologiyam v obrazovanii, 2020. 44 s.].

7. Карпухин С. В. Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в образовании // Вестник Национальной академии туризма. 2019. № 2 (50). С. 40–41. [Karpukhin S. V. Aktual'nyye problemy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Vestnik Natsional'noy akademii turizma. 2019. № 2 (50). S. 40–41.].

8. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 98–113. [Korovnikova N. A. Iskusstvennyj intellekt v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i perspektivy // Social'nye novacii i social'nye nauki. 2021. № 2. S. 98–113.].

9. Кравец П. С., Платонов Д. Д. Алгоритмы как новые хранители знаний: перспективы и вызовы использования искусственного интеллекта в образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): Сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023 г. / Под ред.

В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 105–114. [Kravets P. S., Platonov D. D. Algoritmy kak novyye khraniteli znaniy: perspektivy i vyzovy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2023): Collection of Articles of the IV International Scientific and Practical Conference. November 16–17, 2023 / Pod red. V. V. Rubtsova, M. G. Sorokovoy, N. P. Radchikovoy. M.: FGBOU VO MGPPU, 2023. S. 105–114.].

10. Лавренов А. Н. Искусственный интеллект в современной информационной образовательной среде // Актуальные проблемы методики обучения информатике и математике в современной школе: Материалы международной научно-практической интернет-конференции / Под ред. Л. Л. Босовой, Д. И. Павлова. М.: Московский педагогический университет, 2019. С. 660–665. [Lavrenov A. N. Iskusstvennyy intellekt v sovremennoy informatsionnoy obrazovatel'noy srede // Aktual'nyye problemy metodiki obucheniya informatike i matematike v sovremennoy shkole : Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii / Pod red. L. L. Bosovoy, D. I. Pavlova. M.: Moskovskiy pedagogicheskiy universitet, 2019. S. 660–665.].

11. Лучшева Л. В. Социальные проблемы использования искусственного интеллекта в высшем образовании: задачи и перспективы // Научный Татарстан. 2020. № 4. С. 84–89. [Luchsheva L. V. Sotsial'nyye problemy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v vysshem obrazovanii: zadachi i perspektivy // Nauchnyy Tatarstan. 2020. № 4. S. 84–89.].

12. Николенко С., Кадури А., Архангельская Е. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей. СПб. [и др.]: Питер, 2021. 476 с. [Nikolenko S., Kadurin A., Arhangel'skaya E. Glubokoe obuchenie. Pogruzhenie v mir nejronnyh setej. SPb. [i dr.]: Piter, 2021. 476 s.].

13. Павлюк Е. С. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении // Современное педагогическое образование. 2020. № 1. С. 65–72. [Pavlyuk Ye. S. Analiz zarubezhnogo opyta vliyaniya iskusstvennogo intellekta na obrazovatel'nyy protsess v vysshem uchebnom zavedenii // Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye. 2020. № 1. S. 65–72.].

14. Пичужкина Д. Ю., Смекалова Е. С., Сулима И. И. Искусственный интеллект: возможности в системе образования // Наука и образование: новое время. 2019. № 1 (30). С. 619–623. [Pichuzhkina D. Yu., Smekalova E. S., Sulima I. I. Iskusstvennyy intellekt: vozmozhnosti v sisteme obrazovaniya // Nauka i obrazovanie: novoye vremya. 2019. № 1 (30). S. 619–623.].

15. Ракитов А. И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. 2018. № 6. С. 41–49. [Rakitov A. I. Vyssheye obrazovaniye i iskusstvennyy intellekt: eyforiya i alarmizm // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2018. № 6. S. 41–49.].

16. Сазанова Л. А. Использование технологий искусственного интеллекта в системе высшего образования // Современные технологии в российской и зарубежных системах образования: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2020. С. 177–182. [Sazanova L. A. Ispol'zovanie tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sisteme vysshego obrazovaniya // Sovremennye tekhnologii v rossijskoj i zarubezhnyh sistemah obrazovaniya: Sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza: Penzenskiy gos. agrarny un-t, 2020. S. 177–182.].

17. Торосян Р. А. Искусственный интеллект в сфере образования: положительные и отрицательные стороны // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2019. С. 65–67. [Torosyan R. A. Iskusstvennyy intellekt v sfere obrazovaniya: polozhitel'nye i otricatel'nye storony // Problemy i vyzovy cifrovogo obshchestva: tendentsii razvitiya pravovogo regulirovaniya cifrovyyh transformacij. Sbornik nauchnyh trudov

po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov: Saratovskaya gos. yurid. akademiya, 2019. S. 65–67.].

18. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700. [Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2019. № 41. St. 5700].

19. Чулюков В. А., Дубов В. М. Искусственный интеллект и будущее образования // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 27–31. [Chulyukov V. A., Dubov V. M. Iskusstvennyj intellekt i budushchee obrazovaniya // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2020. № 3. S. 27–31.].

20. Шестерина А. М. Потенциал использования технологий искусственного интеллекта в обучении креативным профессиям // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 277–282. [Shesterin A. M. Potencial ispol'zovaniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v obuchenii kreativnym professiyam // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2023. № 1 (52). S. 277–282.].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андросова Александра Юрьевна, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, д. 33, магистрантка, e-mail: aandrosov07@gmail.com

Аникин Даниил Александрович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, доцент кафедры сравнительной политологии, e-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Багровников Николай Адрианович, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, e-mail: depokunzevo@mail.ru

Беляев Дмитрий Дмитриевич, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, кандидат исторических наук, доцент, доцент, научный сотрудник Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова, e-mail: lakamha@mail.ru

Жигулева Алиса Алексеевна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, 603022, Россия, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, студентка, e-mail: oasmirnova64@mail.ru

Заславская Наталья Генриховна, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, e-mail: zaslavsk@mail.sir.edu

Косов Геннадий Владимирович, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, д. 33, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения и африканистики, e-mail: kossov1@yandex.ru

Кочуров Александр Сергеевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, аспирант, e-mail: alexanderkochkurov@gmail.com

Коршунов Дмитрий Сергеевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, кандидат политических наук,

доцент, заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения, e-mail: dkorshunov@lunn.ru

Леонов Юрий Игоревич, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, магистрант, e-mail: yu.leonov.tim@gmail.com

Лукутин Анатолий Анатольевич, Волго-Вятский филиал Московского технического университета связи и информатики, 603011, Россия, Нижний Новгород, ул. Менделеева, д. 15, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора, e-mail: lukutin66@mail.ru

Мишенков Ярослав Александрович, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лулумбы, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, аспирант кафедры сравнительной политологии, e-mail: jar98mish@mail.ru

Мурзаев Дмитрий Владимирович, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 603022, Россия, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, e-mail: ds7771@bk.ru

Нелидова Александра Антоновна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, студентка, e-mail: nelidowa.alexandra@yandex.ru

Никитин Александр Всеволодович, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии, общественной коммуникации и туризма, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», ORCID ID 0000-0002-7049-7580, Researcher ID P-3569-2015, e-mail: kirill-lena@mail.ru

Пахомова Елизавета Александровна, Волжский государственный университет водного транспорта, 603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Нестерова, д. 5, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-правовых наук, e-mail: pahomova-e@inbox.ru

Руденко Дмитрий Евгеньевич, Нижегородский институт Международного инновационного университета, 603001, Россия, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 45а, к. 1, аспирант, e-mail: dmr.rudenko@gmail.com

Рыбкина Ольга Сергеевна, Нижегородский институт управления (филиал РАНХиГС), 603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, e-mail: olya_07@mail.ru

Седаев Павел Валерьевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, кандидат философских наук, доцент, доцент

кафедры философии, общественной коммуникации и туризма, ORCID ID 0000-0003-4775-0311, e-mail: pvsedaev@mail.ru

Смирнова Ольга Анатольевна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, 603022, Россия, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, e-mail: oasmirnova64@mail.ru

Трусов Николай Александрович, Нижегородская академия МВД России, 603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права; Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, 603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина д. 17а, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, e-mail: nikevor@yandex.ru

Устинкин Сергей Васильевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, доктор исторических наук, профессор, начальник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», ORCID ID 0000-0003-1481-3208, Researcher ID A-8955-2016, e-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Федорова Марина Владимировна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, кандидат философских наук, доцент, декан Высшей школы социальных наук, РИНЦ Author ID 639249, Researcher ID AAT-3070-2020, Scopus Author ID 57203182838, ORCID ID 0000-0003-4750-598, e-mail: marafed2204@mail.ru

Фоменков Артем Александрович, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 603022, Россия, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, e-mail: artjom2310@inbox.ru

Халиуллина Анастасия Альбертовна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, студентка, e-mail: ya.vrode.normalnaya@inbox.ru

Чикризов Владимир Александрович, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, аспирант Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова, e-mail: obivan131313@yandex.ru

Information about the authors

Androsova Alexandra Yu., Sevastopol State University, Universitetskaya 33, Sevastopol, Russia, 299053, Master's student, e-mail: aandrosov07@gmail.com

Anikin Daniil A., Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Ave. 27, building 4, Moscow, Russia, 119991, PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya 6, Moscow, Russia, 117198, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, e-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Bagrovnikov Nikolay A., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, D.Sc. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, e-mail: depokunzevo@mail.ru

Belyaev Dmitry D., Russian State University for the Humanities, Miusskaya Square 6, Moscow, Russia, 125047, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Yu. V. Knorozov Educational and Scientific Meso-american Center, Associate Professor, e-mail: lakamha@mail.ru

Zhiguleva Alice A., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022, student, e-mail: oasmirnova64@mail.ru

Zaslavskaya Natalia G., St. Petersburg University, Universitetskaya Embankment 7/9, St. Petersburg, Russia, 199034, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Associate Professor, e-mail: zaslavsk@mail.sir.edu

Kosov Gennady V. Sevastopol State University, Universitetskaya 33, Sevastopol, Russia, D.Sc. in Political, Professor, Head of the Department of Oriental and African Studies, e-mail: kosov 1 @yandex.ru

Kochkurov Alexander S., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Postgraduate student, e-mail: alexanderkochkurov@gmail.com

Korshunov Dmitry S., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Regional Studies, e-mail: dkorshunov@lunn.ru

Leonov Yuri I., St. Petersburg University, Universitetskaya Embankment 7/9, St. Petersburg, Russia, 199034, Master's student of the Faculty of International Relations, e-mail: yu.leonov.tim@gmail.com

Lukutin Anatoly A., Volga-Vyatka Branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Mendeleeva 15, Nizhny Novgorod, Russia, 603011, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Director, e-mail: lukutin66@mail.ru

Mishchenkov Yaroslav A., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya 6, Moscow, Russia, 117198,

Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science, e-mail: jar98mish@mail.ru

Murzaev Dmitry V., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of the Departments of English for humanities, Associate Professor, e-mail: ds7771@bk.ru

Nelidova Alexandra A., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, student of the Higher School of International Relations and World Politics, e-mail: nelidowa.alexandra@yandex.ru

Nikitin Alexander V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Public Communication and Tourism, Associate Professor, Senior Researcher at the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes”, ORCID ID 0000-0002-7049-7580, Researcher ID P-3569-2015, e-mail: kirill-lena@mail.ru

Pakhomova Elizaveta A., Volga State University of Water Transport, Nesterova 5. Nizhny Novgorod, Russia, 603000, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Legal Sciences, Associate Professor, e-mail: pahomova-e@inbox.ru

Rudenko Dmitry Evgenievich, Nizhny Novgorod Institute of International Innovation University, 603001, Nizhny Novgorod, Ilinskaya str., 45a, room 1, Postgraduate student, e-mail: dmr.rudenko@gmail.com

Rybkina Olga S., Nizhny Novgorod Institute of Management (branch of RANEPa), Gagarin Ave. 46, Nizhny Novgorod, Russia, 603950, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Management, Associate Professor, e-mail: olya_07@mail.ru

Sedaev Pavel V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, PhD in Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Public Communication and Tourism, Associate Professor, ORCID ID 0000-0003-4775-0311, e-mail: pvsedaev@mail.ru

Smirnova Olga A., Institute of International Relations and World History of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Linguoculturology, e-mail: oasmirnova64@mail.ru

Trusov Nikolay A., Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ankudinovskoe highway 3, Nizhny Novgorod, Russia, 603950, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and International Law, The Volga Region branch of «The Russian State University of Justice», Gagarin Ave. 17a, Nizhny Novgorod, Russia, 603022, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines, e-mail: nikevor@yandex.ru

Ustinkin Sergey V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, D.Sc. in History, Professor, Head of the International Inter-Disciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional socio-political processes”, ORCID ID 0000-0003-1481-3208, Researcher ID A-8955-2016, e-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Fedorova Marina V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, PhD in Philosophy Sciences, Associate Professor, Dean of the Higher School of Social Sciences, Researcher ID AAT-3070-2020, ORCID ID: 0000-0003-4750-598, e-mail: marafed2204@mail.ru

Fomenkov Artjom A., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin Ave. 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022, D.Sc. in History, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications, Associate Professor, e-mail: artjom2310@inbox.ru

Khaliullina Anastasia A., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, student of the Higher School of International Relations and World Politics, e-mail: ya.vrode.normalnaya@inbox.ru

Chikrizov Vladimir A., Russian State University for the Humanities, Miusskaya Square 6, Moscow, Russia, 125047, Postgraduate student of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov, e-mail: obivan131313@yandex.ru

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ТЕХНОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 1 (5)

Редакторы: Чистякова Н. С., Цымбалова В. М.
Верстка: Медведева Л. В.

Дата выхода в свет 20.03.2024 г. Свободная цена.
Усл. печ. л. 9. Формат 60x90/16. Тираж 300. Заказ № 11000.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а